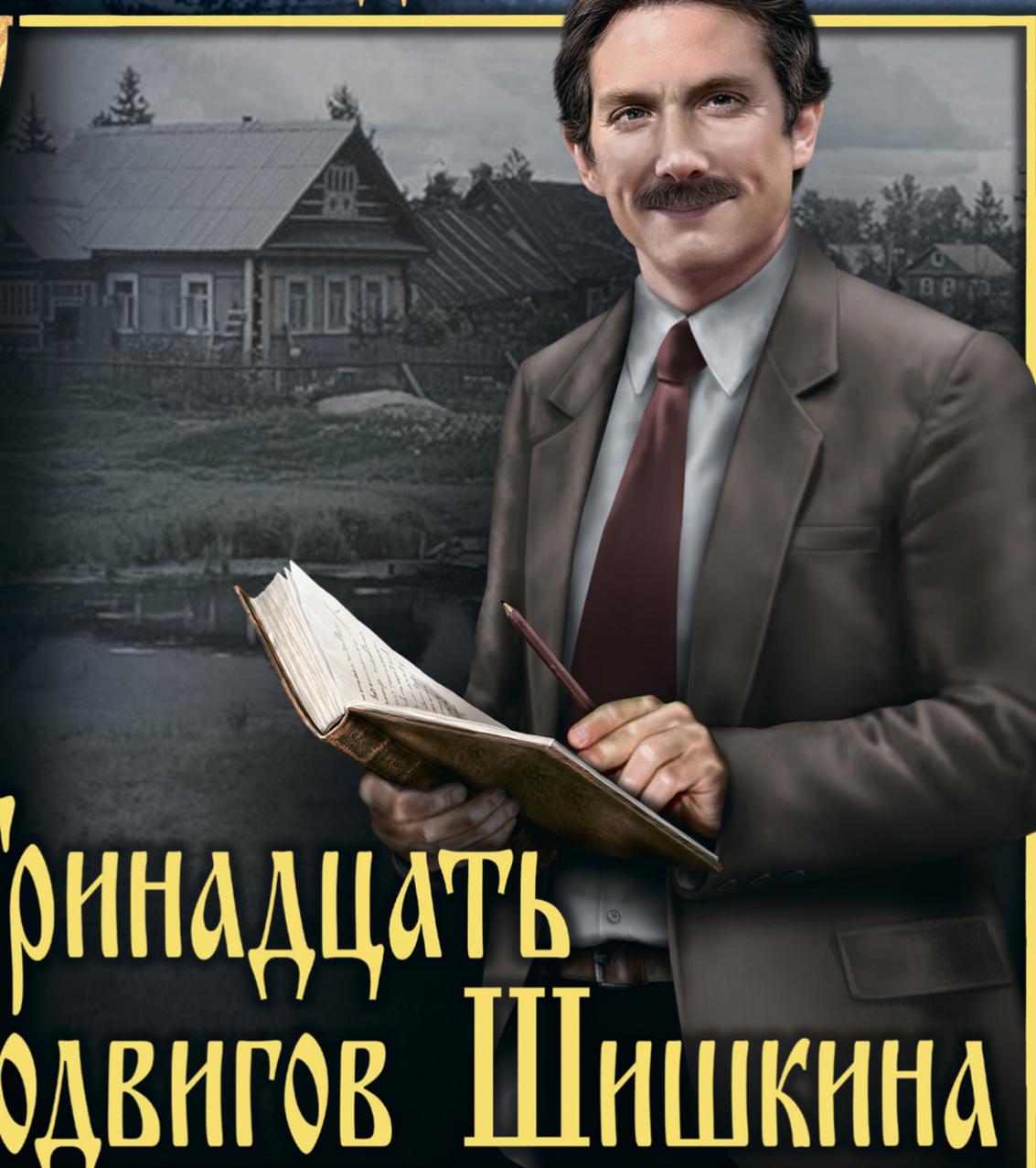

ОЛЕТ ПЕТРОВ

СИБИРИАДА

Тринадцать
подвигов Шишкина

Сибиряда. Собрание сочинений

Олег Петров

Тринадцать подвигов Шишкина

«ВЕЧЕ»

2018

Петров О. Г.

Тринадцать подвигов Шишкина / О. Г. Петров — «ВЕЧЕ»,
2018 — (Сибиряда. Собрание сочинений)

ISBN 978-5-4484-7346-3

Из-за чего отпрыск влиятельных родителей, выпускник филологического отделения пединститута А.С. Шишкин отправляется работать в глубинку, в сельскую школу, простым учителем русского языка и литературы? Что его там ожидает? И кто поможет ему обрести счастье?.. Читайте в новом романе известного сибирского писателя Олега Георгиевича Петрова.

ISBN 978-5-4484-7346-3

© Петров О. Г., 2018

© ВЕЧЕ, 2018

Содержание

Часть первая	5
Подвиг первый	5
Подвиг второй	37
Подвиг третий	67
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Олег Петров

Тринадцать подвигов Шишкина

Часть первая Там, в сентябре...

*Славьте, акыны, певцы, менестрели и барды,
Витязя нашего подвигов перечень длинный!
Пойте, фанфары! Звоните, цимбалы, литавры!
Девы, герою венок на чело возложите
Из благородного свежего лавра и злата!
Эй, виночерши, кубок вина поднесите!
Смелость восславим, а с нею – умища палату!
Слава герою! Салют тебе наш, Победитель!*

Подвиг первый Посрамление гидры зловещей, или Добровольная ссылка в Чмарово

*Моя соседка работает учителем словесности в старших классах.
Сегодня двадцать минут крыла матом дворника и ни разу не
повторилась!
Из наблюдений лингвиста*

1

– А что же вы, Александр... м-м-м... – голова Гидры зловещей опустил глаза в список, – ...Сергеевич, в числе первых не зашли? Государственные экзамены сданы на отлично, красный диплом... Свободный, так сказать, диплом... – «Свободный» прозвучало так, словно выпускник-отличник – вольнодумец крамольный, который решил записаться в отряд анархистов или уже состоит в тайной секции народовольцев-бомбистов и даже уже подкрался с адским смертоносным изделем к карете государя-императора.

– Я так полагаю, что Александр обдумал моё предложение и согласится, – массивная, как сам стол, за которым восседала Гидра зловещая, пробасила Рахмиля Ахметовна, заведующая кафедрой педагогики и психологии родной «альма-матер».

– Вот как! – с интересом повернулся к ней голова. – На кафедру берёте?

– С удовольствием. Последняя курсовая работа Александра вполне может стать основой для кандидатской диссертации.

– Похвально!

Теперь голова Гидры зловещей повернулся к Александру и оглядел его с ног до головы.

Да, внешние параметры выпускника филологического отделения пединститута А.С. Шишкина вполне вписывались в стандарты облика аспиранта: осмысленный взгляд, хотя и с затаённой грустинкой, аккуратная причёска, без каких-то там новомодных патл, стро-

гий тёмно-синий костюм, белая сорочка, скромный, аккуратно завязанный галстук, матовая чистота чёрных туфель... Разве что несколько длинноваты тёмные бакенбарды, наполовину скрывающие впалые щёки и вытягивающие без того худощавое лицо, но это не сильно бросается в глаза, если учесть рост – парень под два метра. Ещё бы эти усы мулявинские ему сбрить...

– Баскетбол? Волейбол? – спросил голова.

– Что, простите? – подал наконец голос и Представший пред Гидрой зловещей. Голос, отметила Гидра, подходящий для вещания прописных истин с трибун и преподавательской кафедры. А вот бакенбарды и усы – это, безусловно, укоротить...

– Каким видом спорта увлекаетесь? – Голову слегка покорило. Да, краснодипломник, но перед грозной Гидрой вряд ли этично витать в каких-то там своих грёзах или размышлизмах.

– В наших сборных не играл, – тут же вставил член Гидры, доцент кафедры методики преподавания литературы в школе Иосиф Давидович Кацман, создатель и бессменный руководитель институтских команд по волейболу и баскетболу, пятидесятипятилетний колобок по прозвищу Живчик.

Живчик категорически не любил всех, кто был выше его ростом, за исключением играющих в четырёх (двух мужских и двух женских) командах, которые он патронировал. А рослых девушек, волейболисток и баскетболисток, даже обожал. Если учесть, что природа наделила Кацмана только метром и шестьюдесятью сантиметрами, нетрудно представить, каково приходилось у него на зачётах и экзаменах тем, кто перерос эту планку.

– Александр у нас, Игорь Игоревич, и без того... – тут же властно изрекла, благосклонно оглядывая Шишкина, Валентина Ивановна Пугачёва, парторг историко-филологического факультета, профессор кафедры истории КПСС и заместитель головы Гидры зловещей. – С первого курса Александр у нас редактирует факультетскую литературную стенгазету, в художественной самодеятельности активно участвует. – Валентина Ивановна чуть-чуть приподняла двойной подбородок и тут же стала поразительно похожа на императрицу Екатерину Вторую, которую сволочные придворные портняжки для чего-то обрядили в жакет и юбку стального партийно-политического фасона.

– Похвально!

Глава опять оглядел выпускника с ног до головы. Но теперь во взгляде и тоне явно сквозил сарказм.

Игорь Игоревич Муратов, грозный проректор, доктор физико-математических наук и депутат областного Совета депутатов трудящихся, крепко сбитый мужчина пятидесятилетней выдержки, спорт любил во всех его проявлениях, особенно бокс и тяжёлую атлетику. Спорт и точные науки сформировали у него, да и то кабы не занимаемая должность, снисходительное отношение ко всяким гуманитариям и их деятельности: чем бы дитяtko ни тешилось, лишь бы не вешалось...

– Значит-ца, в психопедагогику решили податься? – вперил Муратов тяжёлый взгляд в Шишкина.

– Но вы тоже скажете! – обиженно поджала губы Рахмиля Ахметовна.

А Валентина Ивановна, сардонически улыбаясь, бросила демонстративный взгляд на широкий пиджачный лацкан проректора, украшенный депутатским значком. Проректор намёк понял: на днях началось всенародное обсуждение новой Конституции страны. Представительные органы власти из советов депутатов трудящихся переименовывались в советы народных депутатов, что влекло, соответственно, досрочное прекращение полномочий нынешнего депутатского корпуса. А если учесть, что новая Конституция особо подчёркивала руководящую и направляющую роль Коммунистической партии в советском обществе развитого социализма, то... сами понимаете... народное волеизъявление в отношении желающего и далее депутат-

ствовать Игоря Игоревича целиком и полностью зависело от желания парткома института. Которое, конечно, требовалось помножить на желания районного, городского и областного комитетов КПСС.

– Что ж, толковые молодые учёные – наше будущее, – тут же провозгласил Игорь Игоревич, старательно впрыскивая некую, условную, теплоту в сырую стынь взгляда и голоса. Но не смог удержаться, чтобы не повторить: – Так что, надо было... м-м-м... Александр Сергеевич, зайти первым, сразу бы, без формализма. Всё порешали бы. Скромность, конечно, украшает...

– Скромность тут ни при чём... – Шишкину удалось второй раз подать голос.

– Так, так... – встрепенулся доцент Кацман. – А что же?

Александр виновато посмотрел на завкафедрой педагогики и психологии:

– Рахмиля Ахметовна, вы уж меня простите великодушно... Вынужден отказаться от вашего предложения... Полагаю, что рано мне ещё в науку. Практического опыта поднабраться надо, а так я не могу... Не созрел пока для аспирантуры.

– Алекса-андр! – обескураженно, с укоризной вымолвила Рахмиля Ахметовна, даже её басок прозвучал как-то смазанно, почти баритонисто.

– Не набивайте себе цену, молодой человек, – буркнул доселе молчавший начальник институтского отдела кадров Н.Н. Морхов (как гласила табличка на дверях его кабинета).

Пятый член Гидры зловещей – фигура таинственная, загадочная для студенческой братии. Со студентами по всяким кадровым поводам общались немногословно-надменные инспекторши-кадровички, сидевшие в соседнем от Морхова кабинете – за высоким и неприступным, как крепостная стена, деревянным барьером. А главного кадрового начальника Шишкин, например, впервые за четыре года лицезрел.

– И где же вы решили этого самого практического опыта поднабраться? Отец обеспокоился?

Н.Н. Морхов сверкнул нержавеющей зубом. Скрипучий голос завершил сходство кадровика с буржуинским шпионом из киноленты про Мальчиша-Кибальчиша.

– У нас в семье это не принято! – показал зубы и Александр. Осведомлённость «буржуинского шпиона» злила. Понятно, что тому по должности положено владеть максимальным объёмом информации как о постоянном, профессорско-преподавательском, так и о переменном, студенческом, составе, но зачем же так...

– Ну а всё-таки, куда лыжи-то наострили? Право имеете...

Последнее было сказано так, что Шишкину тут же стало мучительно стыдно за наличие у него права.

Н.Н. Морхов повернулся к обворожительной, прелестной Эльвире Батистовне Ангорской, умело намакияженной, крашеной в блондинку даме лет сорока из областного отдела народного образования.

– Откуда на Шишкина отношение-заявка имеется?

Дама из облоно, шестая в Гидре, прошуршала разложенными перед ней бумажками и отрицательно покачала головой.

– Странно... – с подозрением уставился Н.Н. Морхов на Шишкина. Аналогичные взгляды скрестили на долговязой фигуре выпускника теперь уже и остальные члены Гидры зловещей.

– В сельскую школу поеду...

– Куда-а?! – в унисон возопили члены Гидры зловещей.

Впрочем, хватит интриговать нынешнего читателя некой Гидрой зловещей. Былое студенческое племя прекрасно помнит, что это за Гидра, никакого отношения к греческой мифологии не имеющая.

Да! Это всего лишь вузовская комиссия по распределению выпускников.

Было такое время, – хотите, нынешние молодые люди, верьте, хотите нет, – когда свежеспечённый дипломированный специалист не ломал голову, как и где применить полученные знания. Наоборот, тоскливо, а то и со страхом, ожидал: какую дыру, в какой «глубинке» заткнут его персоной минимум на три года. И на какие только ухищрения не шли без пяти минут педагоги, врачи, инженеры, дабы смягчить оный удар судьбы.

Об ужасах распределения ходили такие страшилки, которые до сих пор не сняты даже самым продвинутым сценаристам Голливуда.

Вот почему члены комиссии были шокированы ответом благополучного во всех отношениях Александра Шишкина. Унисонный вопль «Куда-а?!» проистёк от услышанного словосочетания «сельская школа». Но Шишкин понял этот крик-вопрос конкретно. И пожал плечами:

– Да, собственно, мне всё равно... Я поэтому и не рвался в первых рядах. Выберу из того, что осталось...

– Странно... – процедил главный кадровик и взялся просвечивать Шишкина всепроверяющим, поистине чекистским взглядом. На что Александр отвечал взором максимальной простоты и кротости.

– А осталось, благородный вы наш... э-э-э... подвижник педагогического труда, – вновь не удержался от сарказма председатель комиссии, – всего семь населённых пунктов, где имеются средние школы. Небогатый выбор...

– Ничего сложного, – усмехнулся Шишкин. – Позвольте полюбопытствовать, какая деревня, при оставшихся вакансиях, ближе других к областному центру?

Доцент Кацман пристально посмотрел на Александра, совершенно справедливо предположив, что потенциальная звезда «психопедагогики» перешла из режима ожидания «приговора» в режим издёвки, подаваемой под соусом некоей филологической изысканности.

Тем временем Эльвира Батистовна вновь пролиставла лежавшие на столе бумаги и нашла искомое.

– А ближе всего...

(Дорогой читатель! Чтобы никого даже ненароком не обидеть в дальнейшем повествовании и избежать досадных случайностей, поступим по законам жанра. Мой гениальный однофамилец (пусть и в литературном аспекте) и его не менее гениальный соавтор, как помнится, вводят главного героя своих бессмертных романов «Двенадцать стульев» и «Золотой телёнок» в вымышленный Старгород со стороны столь же вымышленной деревни Чмаровки. Позволю себе наглость этим воспользоваться.)

– ...А ближе всего располагается село Чмарово, где уже полгода нет учителя русского языка и литературы. Вернее, свободна одна ставка. Нагрузку в минувшем учебном году там делили, как нам сообщили из района, директор школы и второй словесник, но этот самый второй словесник на днях ушла в декрет. Так что на новый учебный год в школе возникает серьёзная проблема, – исчерпывающе изложила ситуацию Ангорская.

Проректор прищурился с таким видом, словно намеревался нанести выпускнику Шишкину прямой в челюсть или хотя бы опустить ему на голову чугунный блин штанги.

– Действительно, рукой подать, – кивнул главный кадровик.

– Рукой подать... – сработал эхом доцент Кацман. – И какова длина этой руки?

– Да где-то километров двести получается, – ответил всезнающий Н.Н. Морхов. – По нашим забайкальским меркам – рядом.

– А вы, оказывается, шутник, Никита Никодимович, – качнула головой Рахмиля Ахметовна и с материнской жалостью посмотрела на фактически уже бывшего студента Шишкина. Огорчило её, конечно, не расстояние до упомянутого села. По сибирским понятиям расстояний, в самом деле, рукой подать. Огорчил, – нет, встревожил даже! – отказ от места на кафедре.

Со студенческих лет погружённая в науку, Рахмиля Ахметовна такого даже в ночном полусонном кошмаре представить не могла. Лекции и семинары по педагогике и психологии,

научно-практические конференции, симпозиумы и «круглые столы», статьи в научные журналы, авторефераты диссертаций и монографии заменили ей семью, близких друзей, театр, художественную литературу, кинематограф и всё остальное, не вписывающееся в круг научного поиска. Одновременно, как-то незаметно, погружение в науку лишило ориентации в элементарных бытовых жизненных реалиях, как и способности без видимых странностей общаться с окружающими. Не от мира сего – так обычно характеризуют подобный человеческий типаж. Оказывается, такая трансформация не обходит стороной и докторов психологии. Парадокс? Или нет никакого парадокса?

Шишкин же с удивлением смотрел на Н.Н. Морхова. Надо же, сколь замысловато сложилось у дяденьки с имя-отчеством. Интересно, почему он, Шишкин, был так уверен, что главного кадрового начальника альма-матер кличут Николай-Николаичем? Александр тут же взялся разматывать в обратную сторону логическую цепочку своих умозаключений – он любил такое занятие, видимо, из-за пристрастия к детективной литературе, – но на этот раз ничего не вышло. Может быть, и вышло бы, да только неудачно были выбраны место и время.

– ...Шишкин! Да что с вами?! Где вы опять витаете? – из индуктивно-дедуктивных дебрей Александра вырвал возмущённый возглас проректора. – Так вы, что же, готовы поехать в Чмарово?

Просторную аудиторию на миг сковала трагическая тишина.

– Чмарово?.. Какое Чма... Ах, да... Извините... Да, да, Игорь Игоревич, конечно, поеду.

Извините... Я могу идти?

– Свободен, – буркнул проректор.

С этим Шишкин и вышел вон.

– Переучился мальчик... – проводил злорадным взглядом долговязую фигуру Иосиф Давидович. – Да и, видимо, по общественной линии перенапрягся. Слабовата жилка! Зря со спортом не дружит. Чем стенгазеты рисовать, лучше бы в спортзале...

– Эт-точно, – кивнул проректор. И тут же пожалел о сказанном, потому как Валентина Ивановна вдруг с такой палаческой грустью в очередной раз выразила своё сожаление доценту Кацману по поводу его беспартийности, что у того по всему телу эскадронам гусар летучих пронеслись мурашки, а топот эскадронных копыт услышали все присутствующие.

– Нет, определённо у Саши что-то произошло. Он всегда такой собранный... – обеспокоенно прогудела в сторону закрывшихся дверей Рахмиля Ахметовна.

– Да, что-то здесь неадекватно, – изрёк Никита Никодимович, которому было совершенно наплевать, что и как там с этим Шишкиным. Выбывает из институтских списков – ну и точка.

– А мне, товарищи, кажется, что решение выпускника очень здравое и осмысленное. Всем бы вашим подопечным такое понимание обстановки на селе, – обворожительно улыбаясь проректору, сказала Ангорская. – Что мы с вами здесь видели за... – она глянула на своё изящное запястье, украшенное не менее изящными золотыми часиками, – за, практически, четыре часа нашей работы? Унылые, извините, физиономии. Большого желания ехать работать в сельскую школу я не заметила. Всем бы в городе устроиться, в областном центре. Эти скоропалительные браки, беременности... – Она снова одарила проректора ослепительной улыбкой, что невольно заставило его приосаниться.

«Ходок, ходок...» – в который раз подытожила Валентина Ивановна со всей своей тайной партийной принципиальностью. Вслух озвучила самое долгожданное для всех без исключения членов комиссии:

– Плотно поработали, коллеги. Приглашаю на чашку чаю в нашу факультетскую столовую. Выпускники там чего-то наготовили...

Выпускники, конечно, постарались, чего уж там. Но автор этих строк не садист, чтобы подвергать читателя изошрённым пыткам – описанием скромного стола для чаепития комиссии.

А вот обеспокоенность Рахмили Ахметовны без внимания оставить невозможно, потому как, при всей своей отстранённости от объективной реальности, доктор психологии угодила в самую точку. Александра Шишкина, с блеском завершившего обучение на учителя-словесника, стопроцентного городского мальчика, к добровольной ссылке на село могло подвигнуть только Нечто. Катаклизм! Катастрофа!! Армагеддон!!!

Да! Александр Сергеевич Шишкин являлся настолько урбанизированной личностью, что представить его на фоне сельского пейзажа можно было только в двух случаях: на весёлом пикнике или при неких форс-мажорных обстоятельствах.

Пикничок – это понятно. Буколистический фон в «пикничковой» ситуации – явление кратковременное и приятное. И созерцать его при хорошей погоде, в соответствующей экипировке, с приличными «фуражными» запасами, а также при прочем тщательно продуманном материально-техническом обеспечении, можно бесконечное количество раз, даже иногда растягивая на двое-трое суток: с тасканием рюкзака за спиной, с аскетизмом палаточных ночёвок и вливанием в уши гитарно-бардовских поделок под треск костра.

С форс-мажором – посложнее. На то это и обстоятельства непреодолимой силы. Впрочем, за двадцать один год, прожитый Александром на планете Земля, форс-мажорные обстоятельства у него возникали всего четыре раза. И все четыре раза они были связаны с родной «альма-матер», и все четыре раза подкатывали в сентябре. То есть были заведомо ожидаемы, однотипны и даже вполне заблаговременно преодолимы, но Александр сознательно встречал их лицом к лицу. И активно противостоял форс-мажорной напасти с упёртостью Ивана-крестьянского сына в его битве с Чудо-юдо змеем на Калиновом мосту.

Эти форс-мажорные обстоятельства выглядели несколько менее трагично, чем землетрясения, наводнения или буйные лесные пожары. Это были обязательные студенческие десанты на картошку – помощь пригородным совхозам в уборке урожая корнеплодов. Четыре года учёбы – четыре десанта. Первый месяц нового учебного года всегда накатывался корнеплодным форс-мажором: массовым ручным сбором на бескрайних полях вывороченных тракторными копалками картофельных клубней, свёклы, морковки и турнепса. Иногда образовывалась и сеча – капустных кочанов. Но чаще всего ударная битва шла за «картофан». Справедливости ради отметим: совхозное начальство встречало дармовую рабсилу радушно, кормили незатейливо, но сытно, размещали в очагах культуры – сельских клубах, щедро набивая матрацы сеном, даже выдавая старшим групп под роспись подушки и одеяла с простынями на каждую человеко-единицу. И местное население относилось к шумливому студенчеству с пониманием, без какого-либо злорадства – дескать, уж замарайте белы рученьки, нахлебники городские.

Некое исключение среди аборигенов составляла допризывная и только что отслужившая срочную в армейских рядах молодецкая поросль. Играли гормоны, и каждый вечер выхлопные газы от нещадно трещащих изделий отечественного мотопрома из Минска и Коврова душливым сизым облаком окутывали ступени того или иного временно наполненного студентами очага культуры. Владельцы облезлых железных коней, ободренные дозами неизвестного спиртного, чаще местного производства, начинали традиционный штурм упомянутого очага, стремясь таким образом добиться благосклонности понаехавших городских барышень.

Мужеская часть временных обитателей «очага», как правило, штурм отбивала, особенно если в связке с филологами оказывались «конные» подразделения, или, попросту, «кони» – непобедимый отряд спортфака.

Спортфаковцы, как правило, селились где-нибудь отдельно, предпочитая местные спортзалы, а при их отсутствии – совхозные сеновалы и прочие места пониженного комфорта, но

более удобные для тренировки мускулов. Физическая нагрузка на бескрайних полях битвы за урожай была для них явно незначительна, и, видимо, поэтому после трудового дня команды спортфака бодро прогуливались по сельпоселению. А может, попросту действовала привычка: спортфак всегда был добровольной опорой для милицейских сил охраны общественного порядка на улицах и площадях областного центра.

Хотя, нет, конечно, эта привычка тут ни при чём. Попросту хлопцы приходили навестить товарищей по институту. А тут эти местные мотоциклисты... Которые, конечно, очень скоро разъезжались... Правда, пару-тройку раз за сезон вовремя подоспевшее совхозное начальство или сила правопорядка в лице местного участкового оказывались как нельзя кстати.

Адреналиновая составляющая картофельно-свекольных форс-мажоров будоражила кровь и была сопоставима, по убеждению Александра, с эпизодами пенталогии о Кожаном Чулке Джеймса Фенимора Купера.

Примерно в этом же направлении рассуждал и Сашин отец – Сергей Петрович.

– Не хрен, – гудел он, в очередной раз слыша про надвигающийся на единственного сына сентябрьский форс-мажор, – не хрен под мамкиной юбкой отсиживаться! А ты, мадама, – цыть! – пресекал в зародыше Сергей Петрович очередную попытку супруги спасти драгоценное чадо от ужасов пригородных плантаций. – Ты кого из него ростишь? Изнеженного белоручку или мужика?!

– Но и не мужика! – парировала Альбина Феоктистовна с профессиональной невозмутимостью и непреклонностью.

За четверть века супружества к раскатам грома мужа, высокого, богатырского телосложения и такой же силушки, без особых видимых усилий сгибающего на пятидесятом году жизни в пальцах медный пятак, она привыкла. С гордостью, особенно на людях, озирала его, задирая голову, так как едва доставала ему до плеча, но никогда и ни при каких обстоятельствах не дрожала от всех этих раскатов. Только морщилась при очередном наиболее оглушительном рыке.

– Ты хотя бы дома стены не сотрясай! – увещевала она супруга грудным контральто. – Ори в своём депо, а дома не заставляй меня мигренировать.

– Ты опять?! Я сколько раз просил тебя избавиться от этого оскорбительного тона. Де-е-по! – передразнивал Сергей Петрович супругу, наливаясь багрянцем помидорных оттенков. – За столько лет так и не уразумела, что такое железная дорога! Да это кровеносная система государства!!

– Ага, а ты в ней, конечно, одно из сердец! Регионального масштаба...

– Чего ты несёшь! Сердце... хм... регионального масштаба... А ещё медик! Сердце в любом организме – одно!

– Ошибаетесь, милейший Сергей свет Петрович! Вон у жирафа – два, а у осьминога – три. И кстати, последний товарищ – с голубой кровью. Или червячка дождевого возьми, которых ты на рыбалках своих изводишь, – целых пять сердец!

– То-то его разорвешь, а ему хоть бы хны. Был один – стало два!

– А ещё есть отвратительнейшая на вид рыба миксина, такой здоровенный полуметровый червяк. У неё четыре сердца. Триста миллионов лет уже в водах мирового океана обитает. Хищница, падаль жрёт. Выгрызает дыру в теле, проникает вовнутрь и выедает трупы погибших морских животных изнутри...

– Альбина! Ты хотя бы перед обедом воздержалась!

– А что я такого сказала? Малость просветила ваше рыбацкое величество... Хорошо, пусть сердце будет одно – министр ваш, засевавший в столице. А ты тогда кто? Эритроцит? Лейкоцит? Или ещё не оторвавшийся тромб?

– Я – заместитель начальника железной дороги, – веско бросал Сергей Петрович, благородно проглатывая сравнение с тромбом, но обычно добавлял: – И груз ответственности,

лежащий на мне, несоизмерим с твоей клистирно-пробирочной вознёй. – При этом Сергей Петрович делал такую гримасу, которая могла заменить любое рвотное.

Тут уже взвивалась Альбина Феоктистовна, вторую пятилетку возглавляющая областную санэпидемстанцию.

Стрелка семейных весов при этих дуэлях иногда более часа моталась из стороны в сторону. На одну чашку весов валом сыпались рельсы, шпалы, стрелки, семафоры, сходы подвижного состава и виноватые стрелочники, на другую – жуткие эпидемии, пандемии, эпизоотии, эпифитотии, повсеместный мор и полчища грязноруких работников торговли и общепита без санитарных книжек, но склонных к ЗППП, как и к разведению в качестве домашних животных сальмонеллы и холерного вибриона.

Вот содержимое второй чашки, помноженное на материнскую любовь, и руководило Альбиной Феоктистовной в её протесте очередному выезду сына на поля битвы за урожай. При её должности, личных и служебных связях в лечебно-профилактической сфере удовлетворить протест было несложно: одна маленькая медсправка могла бы устранить для студента Шишкина не только форс-мажорные обстоятельства, но и породить по его адресу искренние сопереживания и неподдельное сочувствие лучшей части профессорско-преподавательского состава.

Собственно, и даже так далеко не надо было заходить. Достаточно было бы телефонного звонка в деканат факультета:

– Анатолий Иванович? Здравствуйте! Областная санэпидемстанция беспокоит. Не отвлекаю от учебного процесса? Да, нет-нет, что вы, никаких проблем. Это мама вашего студента-филолога Саша Шишкина. Как там мой?.. Спасибо, спасибо... Я-то, собственно, что вам позвонила... Поблагодарить хочу. Саша вашу факультетскую столовую нахваливает. Я даже, как мать, ревную... Но, с другой стороны, рада, что у вас такая забота о питании студентов. Так вот... Я тут план-график работы городской СЭС просматривала... Смотрю, а они проверок общепита в вузах позапланировали на следующий квартал... Посоветовала им лишний раз к вам не лезть, других забот хватает. Да что вы, не за что!.. Извините, что отвлекла. А за сына – спасибо...

– Только попробуй брякни! – хмурил брежневские брови Сергей Петрович. – Смотри, если узнаю... Никаких поблажек! Никому! И общепит в тонусе держать, и собственного сына! Обязан быть, как все! Никто ещё не надорвался от пары-другой недель физического труда на свежем воздухе да при здоровой деревенской пище. А уж от коллектива отрываться – самое последнее дело. Коллективизм – стержень нашей жизни! Это на Западе все по индивидуальным нормам. Вот и загнивают! А у нас – плечом к плечу! Тем и сильны! – превентивно грохотал отец.

И Александр был с ним полностью согласен. Насчёт коллективизма, а главное – избавления на целый месяц от всеобъемлющей родительской опеки.

Альбина Феоктистовна, отдать ей должное, мнение мужа уважала и всегда учитывала, принимая решение или определяя своё поведение. В глубине души, конечно, была с ним согласна: сын не дочка, и мужественность мальчику необходима на жизненном пути. Поэтому скрепя сердце деканат не беспокоила, но все четыре институтских сентября изнывала от понятной материнской тревоги.

А ныне её сердце уже не только наполнилось тревогой, но и нехорошим предчувствием. Предчувствие её не обмануло...

2

– Да что же это такое... Сашенька, ты шутишь? – Альбина Феоктистовна клала под язык очередную нитроглицеринину и запивала противный вкус растаявшего шарика не менее противной валерьянкой. – Господи, кому нужны такие эскапады! – вскрикивала она, глядя на невозмутимого сына, который, похоже, всерьёз настроился пережить родительскую бурю.

В прихожей вкнут дверной звонок. Альбина Феоктистовна порывисто кинулась отпирать двери. И тут же загрохотали шаги Командора.

– Ты чего творишь, а?! – рявкнул, показавшись в дверях гостиной, отец. – Ты чего творишь? Мать раньше времени в могилу решил свести?

Он протопал к столу и грузно опустился на жалобно скрипнувший стул.

– Отвечай, поганец, как ты до такого додумался?

Альбина Феоктистовна бесплотной тенью прошмыгнула в комнату за спиной супруга и безвольно притихла в уголке дивана, всем своим видом невольно иллюстрируя облик кандидатши на погост.

– Я к кому обращаюсь? Напакостил, а теперь со страха язык проглотил? – Отец багровел, но привычных ассоциаций с помидорами это не вызывало. С кровопролитной резнёй гугенотов в ночь Святого Варфоломея – да, а со спелыми помидорами – нет.

Первоначально Александр, не сомневаясь в однозначности родительской реакции на известие о результатах распределения, в самом деле планировал отмолчаться. Ну хватит мать стопку корвалола, ну прогремит стандартный набор отцовской риторики... Но вот эти «поганец», «напакостил»...

– Ты чему меня учил? – негромко спросил он, немигающе уставившись на отца. – Чему? Мужиком расти? А чего же ты сейчас на меня орёшь? За то, что я решил, твоим же призывам следуя, не отсиживаться, как опять же ты любишь говорить, под мамкиной юбкой?..

– Ох-ох-ох! – насмешливо проговорил Шишкин-старший. – Последние грибы и те на дыбы! Ты эти антимонии для ваших комсомольских собраний побереги! А дома не хрен комедь ломать! Мы-то с матерью знаем, какой из тебя Павка Корчагин. Вкусно пожрать, сладко поспать да очередную чувырлу в кабак стаскать, а после в койку завалить!

– Серёжа... – простонала маман Шишкина.

– Молчи, защитница! Иди, гоголя-моголя ему набултыхай да потом ротик ему салфеточкой подотри! Ге-е-рой, ж... с дырой! Отмёрзнет она у тебя без городского сортира, отмёрзнет!

– Ну у тебя же не отмёрзла! – вставил Александр.

– Сашенька, да как ты с отцом... – жалобно раздалось с дивана.

– А что я? Не ору, не обзываюсь. Цитирую...

– Ну-с, – повернулся к супруге на взывшем стуле Сергей Петрович. – Теперь ты понимаешь, кого ты вырастила? Законченного эгоиста!

«Сейчас кулаком по столу долбанёт», – подумал Александр, но с удивлением отметил, что ошибся. Отец сдержался, и даже багрянец на его щеках потерял яркость.

– А знаешь, Аля... – Шишкин-старший помолчал пару мгновений. – А и пускай! Пускай мурцовки отведают! Да, правильно! Я в его годы уже пятилетку в путевых обходчиках оттрубил – и ничего!

Эти «путевые обходчики» являлись постоянным припевом в разговорах «отцов и детей».

Были, были в далёком, как казалось Александру, прошлом Шишкина-старшего промеренные-перепромеренные пешим ходом «рельсы-рельсы, шпалы-шпалы». Однако потом в отцовской трудовой биографии грянули кардинальные перемены, которые мало подходили в качестве ссылок на автобиографические примеры трудового мужества. Поначалу передового обходчика избрали в районные депутаты и предложили скромную должность в дорпрофсоже, потом профсоюзная стезя перешла в скромную, но руководящую работу.

По номенклатурной лестнице Сергей Петрович ступал аккуратно, с пониманием, потому с годами и обрёл нынешний солидный статус замначальника управления железной дороги. Ведал кадровой работой на солидном по протяжённости участке Транссиба, обеспечивающем грузопассажирские перевозки в масштабе двух сопредельных регионов.

– О чём ты говори-ишь!.. – протяжно простонала Альбина Феоктистовна. – Деревня... дикость... отсутствие элементарных бытовых удобств... Печка... дрова... Приживальцем у

чужих людей! Ванька Жуков в двадцатом веке! Только и счастья, если ещё чем-то сносным накормят, да в тёплом углу спать придётся... А зарплата учителя? Это же месть бюрократов за отравленное учителями детство!

«О, мать выдаёт нехилые афоризмы! – восхитился Александр. – Надо не забыть, записать». И он тут же устыдился собственного цинизма в столь драматический миг.

Недалёкое сельское будущее пока представлялось Шишкину-младшему белым, только что загрунтованным полотном, но первые штрихи, брошенные на холст матерью, впечатляли. И, к сожалению, не в оптимистическом ракурсе.

– Саша, ну какая деревня? Какой из тебя сельский учитель! Господи... – Альбина Феокистовна заплакала. Приём в семье Шишкиных запрещён в силу его высокой эффективности.

– Перестань шазже и успокойся!

Отцовский кулак всё-таки бухнул по столу. По комнате поплыл мелодичный перезвон хрустала в горке.

– Перестань шазже! – уже мягче, почти уговаривая, сказал Сергей Петрович и тяжело вздохнул. – Перестань... Он и четыре года назад наплевал на родительские советы... Выбрал себе профессию! Ни Богу свечка, ни чёрту кочерга!

«Ишь ты, – подивился Александр. – До сих пор проглотить не могут!.. А что было тогда такого в его выборе? Сами же и прирастили к чтению...»

Мысли тут же перескочили на семейную библиотеку. Вот чего заметно будет не хватать на новом месте.

Да уж... Библиотеке Шишкиных могла бы позавидовать любая не только сельская, но и районная библиотека. Ряды тяжёлых, солидных фолиантов собраний сочинений классиков отечественной и зарубежной литературы, многоцветье томиков с произведениями модных авторов, которые – стоило только заказать – гарантированно и неизвестно откуда добывали для сына папан и маман Шишкины. По крайней мере, на прилавках книжных магазинов областного центра такая литература не наблюдалась. Иногда в «Доме книги» и при подписке на периодическую печать разыгрывались некие собр. соч., но кто же не знает, что такое лотерея! Александр, правда, и сам в последнее время кое-какие связи в мире книготорговли наладил: перезнакомился с девчужками-продавщицами книжных магазинов и периодически похаживал то в одну, то в другую, кокетничая-кавалерствуя: цветочек преподнесёт, шоколадку «Алёнка» сунет. Взамен из-под прилавка получал очередной томик «Библиотеки приключений» или «Военных приключений», современного иностранного детектива, отечественной или зарубежной фантастики.

Книги составляли предмет особой гордости Шишкина-младшего, особенно в период студенчества. Собственно, привитая с младых лет любовь к чтению и породила устремлённость на филфак. Саше хотелось полностью и без остатка погрузиться в мир литературы. Настолько полностью и без остатка, что он даже не задумывался, а для чего ему это нужно. Податься в учёные мужи? Литературоведческая стезя и прочие филологические научные изыски его не манили. В качестве сеятеля разумного и вечного на учительском поприще он тоже себя как-то не просматривал. Но когда школьные годы чудесные подкатили к последнему звонку – встал вопрос о безусловном получении высшего образования. Иное не предполагалось ни Шишкиными-старшими, ни Шишкиным-младшим.

Областной центр в ту пору располагал тремя вузами. Медицинский и политехнический институты отпадали по определению – врачевать и инженерить в планы Александра не входило. А любимую литературу преподавали в «пед» – педагогическом институте. И учиться четыре года, а не пять, как в «политене», и уж не шесть в «меде»... Родительские советы четырёхлетней давности? Да никаких советов не было. Было элементарное перетягивание каната: отец хотел видеть сына инженером, мать – врачом. А сынок – хрясь! – перерубил туго натя-

нутый канат филологическим мечом! Да и четырёхлетний срок тоже представлялся настолько продолжительным, что о последствиях не думалось. Жизнь, как говорится, покажет. Она и показала. Студенческая пора оказалась, на удивление, краткой.

– ...Никогда не думал, что доживу до такого позора, – устало продолжил Сергей Петрович. На сына он по-прежнему не глядел. – Представляешь, Аля, звонок мне сегодня от проректора педа. Напористый такой мужичок – любит всякие депутатские запросы присылать... Но тут... Вот уж... в дурном сне представить не мог... В школу, пока наш учился, ни разу, как помнишь, не вызывали! А тут заявляет мне это институтское... хм... начальство: повлияйте, дескать, на своего великовозрастного отпрыска... Учудил-де на комиссии по распределению... Позор... Стыд и позор! Хорошо, что меня ещё по телефону... но как мальчишку...

«Мальчишки великовозрастных отпрысков не имеют...» – автоматически отметил Александр и снова тут же устыдился. Но вот наличествовала такая гнусная черта в его характере! Более того, когда бы эти цинично-высокомерные комментарии составляли внутренний репертуар, однако, не столь уж редко, Александр, где непроизвольно, но порой и умышленно, их опубличивал. То как «шутку юмора вообще», а то и в чей-то персональный адрес. Как правило, авторитета среди окружающих это ему не прибавляло, а вот спесивой окраски и недругов – обязательно. Язык мой – враг мой...

– Серёж, так ещё не поздно всё переиграть? – У Альбины Феоктистовны мгновенно высохли слёзы.

– Нет! – внезапно выкрикнул Александр. Уж он-то прекрасно понимал, что родителям и суетиться не придётся. Пара телефонных звонков... А перед этим разве что сценка из детства: «А сыночка чего хочет? Сашенька, что тебе купить? Вот эту большую красную пожарную машину или вот этот зелёный подъёмный кран? А может, ты велосипедик хочешь?..» А насупленный от банальности предложений мальчик отвечает: «Тёпленькое высокооплачиваемое место хочу, например, в облоно» – «А что же ты, маленький, от предложения в институте остаться отказался, да ещё с почти готовой диссертацией?» – «А знаете ли вы, пап-мам, сколько получает ассистент кафедры? Или думаете, что от него далеко ушёл кандидат наук или даже доктор?»

– Нет, – уже спокойно повторил Александр. – Как я решил, так и будет. И позор не в том, что тебе позвонил проректор. Позор сделать то, что он предлагает.

– Ну-ка, ну-ка... – Сергей Петрович с удивлением глянул на сына. – Разъясни отцу да матушке, из чего напёк оладушки?

– Батя, как ты не понял... Он же тебе позвонил, чтобы отметить, задницу свою прикрыть и полезность показать. Мол, сигнализирую со всем пониманием и обеспокоенностью! Отложите, дражайший Сергей Петрович, это в своей памяти... А через месячишко наш Игорь Игоревич к тебе наведается. Обязательно! Вот увидишь. Дескать, посодействуйте, уважаемый Сергей Петрович, кандидату в депутаты областного совета – под вашим началом такая прорва избирателей... Вся железная дорога. И будет самому передовому отряду пролетариата по ушам ездить...

Шишкин-старший тяжело глянул на сына и вдруг раскатисто захохотал.

– Аля, а мальчик-то повзрослел! Незаметно, а поди ж ты!.. – Он внезапно оборвал хохот, помолчал. – Хм... Батя...

Повторил так, как будто коньячку доброго по языку раскатал.

– Никогда ты меня так не называл... Всё пап да папа... Повзрослел...

Шишкин-старший смахнул с полированной зеркальности стола несуществующую пылинку.

– Всё правильно. Наступило, Аля, время и нашему оболтусу коки с сокой хлебнуть! Да! Пора! Пора... Вот и пусть...

Телефонный звонок прервал отцовские умозаключения, а так как аппарат стоял у Шишкина-младшего буквально под рукою, он снял трубку.

– Аллю.

– Ну ты чё, Сань?! Договорились же!

– Скоро буду, – Шишкин-младший поспешил положить трубку.

– Кто это? – со стоном спросила мать.

– Это мне. Мы с ребятами наметили... распределение обмыть.

– Что ж, ситуация мотивирована, – насмешливо кивнул Сергей Петрович. – Иди. Чего зазря воздух сотрясать?. Ты же всё уже решил.

Александр перевёл глаза на мать. Та, страдальчески закатив глаза, лишь безнадежно махнула рукой.

– Иди-иди, – повторил отец. – Сам проветришься, и мы тут с матерью дух переведём. Слишком много впечатлений для одного дня. Надеюсь, что парад сюрпризов на сегодня закончился? Или мы отныне такие взрослые, что ещё из вытрезвителя придётся выковыривать? Предупреждаю сразу: и не подумаю! Ты теперь – сам себе голова, родители – не указ... Но уж нижайше попрошу, Александр Сергеевич, до полуночи обмывание завершить. Нам с матерью завтра на работу. Хм... обмывание... Или обмывку? А, товарищ учитель русского языка и литературы Чмаровской средней школы? Пе-да-гог!..

«Невиданное послабление режима! – тряс головой Александр, сбегая вниз по ступенькам. – Увольнительная до двадцати четырёх!»

И в этом не было ни грана иронии или сарказма!

В старшекласничестве время возвращения домой ограничивалось десятью часами вечера в любое время года. В студенческую пору вечерняя родительская планка милостиво опустилась ещё на час. А ныне? Что это? Новый социальный статус Шишкина-младшего или временное отцовское отступление в силу возникшей для родителей стрессовой ситуации?

Впрочем, тут же яростно подумалось, что это, как и другие режимные ограничения, с неистощимой фантазией изобретаемые отцом под материнский «одобрямс», уже достали донельзя. Сколько Александр себя помнил, он всегда жил в узком коридоре между «нельзя» и «категорически запрещено».

В подростках это переживалось особенно болезненно: брюки-клёш – нельзя, причёску под «битлов» – нельзя, в летних сумерках, даже в своём дворе, – цигель, цигель! В недельный поход – под началом школьного физрука! – категорически нет!.. Музыка слушаешь не ту, друзья какие-то не те... А не рано ли ты, дорогой наш сын, стал девочек до дому провожать после уроков...

Александр с кинематографической ясностью представил, какой, после его ухода, окажется дальнейшая дискуссия между папан и маман.

Коли отцом была упомянута загадочная «кока с сокой», которую Александр всегда представлял в виде некой архипротивной жидкости, каковую, со слов отца, приходится глотать в непростых жизненных обстоятельствах, то ретирада после телефонного звонка для Шишкина-младшего крайне своевременна и спасительна. Как она была бы к месту и при упоминании не менее таинственного и столь же противного, по убеждению Александра, жизненного пойла под названием «мурцовка». Хотя Шишкин-старший периодически уверял сына, ссылаясь на собственный жизненный опыт, что обе названные жидкости не могут не присутствовать в рационе взросления и возмужания подрастающего поколения, дегустировать их почему-то не хотелось.

Нынче же ситуация и вовсе сложилась аховая: и «мурцовка», и «кока с сокой» одновременно были заказаны единственному сыночке к неминуемому распитию в недалёком будущем.

«Достали! До дисбаланса в организме!» – мысленно орал Александр, шагая по улице. Сколько раз из-за всей этой домостроевской хрени он оказывался в центре насмешек сверстников!

Вспомнилось, как в десятом – выпускном! – классе ему и Лёшке с Наташкой – троице самых толковых школьных рисовальщиков – комитет комсомола поручил к торжественному вечеру нарисовать ордена, которыми Родина наградила к тому времени Всесоюзный Ленинский. Изображения требовались размером в ватманский лист и, понятное дело, максимальной схожести с оригиналами.

Оставшись после уроков, а учились они тогда первое полугодие во вторую смену, «плакатная группа» тщательно зашторила в классе окна, хотя вечер и так густел. Старательный Лёха, дабы обеспечить полную темноту, опустил даже светомаскировочные шторы из толстой чёрной бумаги (тогдашнее нововведение по линии гражданской обороны, порождённое непростыми отношениями Отчизны с южным соседом).

Кромешный мрак позволил эффективно изготовить абрисы будущих шедевров: контуры орденов и составляющих их элементов перевели с первой страницы комсомольского билета на белые ватманские листы посредством эпидиаскопа. Потом взялись за тщательную раскраску с максимальным соблюдением полутонов, особенно на лице великого вождя. Понятно, что процесс подзатянулся. Вышли мастера кисти на широкое школьное крыльцо с радостным чувством исполненного долга и – тут же оказались под конвоем родителей Александра и школьного сторожа.

В густой октябрьской темноте в лицо ударили сразу два фонаря. Мощный железнодорожный – отца и дохлый – сторожа.

Но это полбеда. Оказалось, что вечерняя временная граница уже час как Александром нарушена, о чём всех громогласно тут же оповестил Шишкин-старший.

Хуже того, здесь же, так сказать, «по горячим следам», арт-троица была подвергнута перекрёстному допросу: чем это они занимались в пустой и тёмной школе?

Рисовальные объяснения не прокатили. Сторож разве что крест не целовал, заверяя Шишкина-старшего, что ещё полтора часа назад, когда по домам отправились самые терпеливые учителя и самые нерадивые школяры, которым педагоги дополнительно вдальбивали после уроков в головы недопонятое, он самолично, бдительно и ничем не отвлекаясь, обошёл здание внутри, а потом снаружи – и ни души, ни огонька.

Горе-художники, ошарашенные натиском Шишкина-старшего и категоричностью заявлений сторожа, совершенно забыли про опущенные чёрные занавеси на окнах и только растерянно мычали. А Наташа плакала, потому как мадам Шишкина в её адрес и вовсе высказалась недвусмысленно.

Понятно, что поутру Шишкин-старший гремел уже в кабинете директора. Конечно, ситуация быстро прояснилась, но и кратковременного периода её прояснения хватило для распространения всей этой истории среди старшекласников. Над столь ревностно опекаемым родителями Шишкиным ржали все восьмые, девятые и десятые. Ржали, правда, недолго. А вот последовавшая за всем этим трагедия...

Наташа, умница Ната, с бездонными серыми в зелёную крапинку глазами и длинной, толстой русою косой, доселе благосклонно позволявшая Саше после уроков нести свой портфель аж до дверей квартиры, дочь майора пограничных войск, умница и красавица, в которую Шишкин-младший был влюблён по уши, категорически возненавидела своего кавалера на все оставшиеся полгода школьной жизни. Даже выпускной вечер – эта волнительно-волшебная увертюра якобы вступления в якобы взрослую жизнь – проехал для Александра как-то бестолково и смазанно.

Потом Наташиного отца перевели к новому месту службы, они уехали. И оборвалась последняя ниточка надежды на перемену к лучшему. Ах, как страдала душа Александра, если

учесть, что Наташин профиль украшал буквально все поля личного шишкинского томика с «Евгением Онегиным» – портретная галерея милого образа открылась и пополнялась с момента начала изучения этого бессмертного творения великого поэта по школьной программе и до зачисления Саши на первый курс филфака. Там уже страдать стало некогда. Но остались в сундучке юношеской памяти изрисованный самым безжалостным образом великий роман в стихах, бездонность серых в крапинку глаз, русая коса до талии уехавшей Наталии и щемящая светлая грусть – в общем, стандартный набор первой, школьной любви, которая, как известно, редко имеет продолжение. Как-то незаметно проходит, оставляя после себя, иногда на всю оставшуюся жизнь, горчинку убеждённости, что всё могло срастись по-настоящему, навечно, навсегда, а то, что было после, – это уже не то, вторично и бесцветно. И физиология, и даже страсти бушующие – сколько угодно, а вот «веточки сирени» – увя...

Филологическое отделение историко-филологического факультета пединститута разительно отличалось от других отделений и факультетов. Собственно, эта тенденция сохраняется и поныне. Студенты «мужескага» пола на филфаке любого вуза – явление штучное. И, естественно, ценятся во всех отношениях, на вес золота, несмотря на то или иное реальное процентное содержание эквивалентов благородного металла в конкретной персоне. Лукавить не будем, девичьим вниманием Саша не был обделён все четыре студенческих года. Как бескорыстным, так и корыстным.

Первое в этой классификации, наполненное быстро увядающей юной романтикой, и угасало соответственно. Второе же отличалось повышенной устойчивостью и выглядело многовекторно.

Ну вот, что есть такое сокурсник Шишкин? Привлекателен и не карлик. Умён и остроумен. Начитан и музыкален. Не жмот и даже галантен. А ещё житель областного центра. Обеспеченный мблodeц. Влиятельные родители и просторная квартира. Ну и так далее, в иных положительных ракурсах. Есть, конечно, некоторые изъяны. Например, язва – да ещё та. Но какой мустанг не брыклив? А вот к пиву и портвейну не склонен. Не курит. И не гривенником в кармане побрякивает. Спесь иногда пробивается, так это несложно и сбить, если постараться аккуратно и ненавязчиво...

И ещё. С первого курса – редактор-оформитель литературной стенгазеты факультета.

Вот уж тоже повод для корыстного девичьего внимания! – воскликнет искушённый читатель. И будет неправ. По той простой причине, что речь мы ведём о филологах, пускай и будущих.

Нигде нет такой плотности, с позволения сказать, поэтесс. (Да простят автора истинные стражи родного языка за это дурацкое название. Но оно у нас в речи – сплошь и рядом. Как и градация на поэтов и писателей.) Так вот, такого обилия поэтов женского пола на одном квадратном метре вы не встретите нигде. Даже на международных поэтических семинарах или съездах. Там-то рифмующие представительницы прекрасной половины человечества заявляют себя громко и явно. Но в пластах, что матёрых, что подрастающих филологов и учителей-словесников, есть ещё и неисчерпаемые залежи поэтесс латентных. И даже, справедливости ради, заметим, нередко более талантливых, чем иные служительницы Пегаса.

Крылатый конь Зевса, как известно, олицетворяет птицеподобное, неистовое преодоление земных тягостей поэтическим духом. Вот почему заклятые жрицы Пегаса беспрестанно и громко заявляют о себе, неумоимо украшают собою любые творческие вечера и посиделки, а ныне, с развитием Интернета, уже до треска набили, однако упорно продолжают набивать все возможные сайты своими творениями. Равно как и широким бреднем просеивать Всемирную паутину на предмет заполучения пусть и сомнительных, но громких званий и регалий. Автор знаком даже с парой местных членов-корреспондентш некоей Академии поэзии и дюжиной кавалерш неизвестно кем учреждённых «золотых» медалей Есенина, Бродского, Ахматовой, Цветаевой и др. Плюс эти ежегодные «золотые перья Руси» по 265 руб. за соответствующий

«сертификат», рассылаемый организаторами «конкурса» в обмен на квитанцию об оплате. Ах, вам этого мало? Тогда ждём-с от вас переводика, допустим, на 650 рэ, и вашу грудь украсит медаль!.. Увы, так было, есть и будет, видимо, всегда. Но вернёмся к нашей истории.

Первокурсника Шишкина, настенгазетничавшегося ещё в школе, конечно же подвела под монастырь (благо – под монастырь женский) характеристика за подписью директора родной школы. Текст характеристики писала бывшая Сашина классная, а уж она не поленилась изложить все его школьные заслуги, когда узнала, что поступать он собрался в педагогический, а не в какой-то там «политен». Почти в родню записывается!

Декан, узрев характеризующие строки, не раздумывал. Стенная печать такой же коллективный агитатор, пропагандист и организатор, как и любое другое периодическое печатное слово! Вождь сказал! И столь ответственную общественную нагрузку возлагать на хрупкие девичьи плечи декан, исходя из огромного профессионального опыта, полагал идеологически ненадёжным.

Воспротивиться первокурсник Шишкин не рискнул, что оказалось не по годам мудро, ибо гневить декана себе дороже. Да и в таком «монастыре-цветнике», как отделение филологии, обладать пусть маленькой, но властью редактора литературной стенгазеты оказалось очень даже занятно.

Сие ежемесячное настенное изделие вряд ли подходило под определение классика марксизма-ленинизма, как бы декану этого не хотелось и не представлялось. Литстенгазета более напоминала поэтическую анаконду: просторы склеенных в полукоридорную ленту стандартных листов полуватмана ударно наполняли своими творениями гениальные – иных попросту не было! – поэтессы филологического отделения. С ними на полуватманских просторах настырно конкурировали одалиски-новеллистки и прочие зайньки-прозаиньки.

И вот тут-то редакторская власть Саша Шишкина обретала реальность. Он мягко и необидно избавлялся от очередных произведений несимпатичных ему авторш-сокурсниц – благо, нарастающий багаж филологических знаний способствовал этому. И благосклонно допускал к опубликованию сотворённого тех, кому симпатизировал в силу традиционной половой ориентации. Ну и, понятно, исходя из поэтических и других талантов соискательниц печатных площадей.

Наиболее целеустремлённые из сокурсниц, относящиеся ко второй группе классификации, с приближением окончания вуза всё настойчивее и настойчивее штурмовали шишкинские редуты. И так как иногда Шишкин-младший оказывался не столь стоек в обороне, как бы ему хотелось, гордые узлы потенциальных матримониальных отношений затягивались всё туже и туже. Эти узлы теперь требовалось развязать, потому как они стали напоминать уже не хитроумное, но приятное плетение, а банальные петли-удавки. И если ещё за полгода до «госов» расплесть с очередной подружкой было как... два пальца об асфальт, то по мере приближения выпускного денька подобная банальщина стала перерастать в проблему. Это же только в анекдотах блондинки наивны и глупы. В реальной жизни их хватке могут позавидовать бультерьеры!

Исход на село в данной ситуации был универсальным выходом.

«Достали!» – продолжало вопить всё душевное естество Александра, уже адресуясь не только родителям. Параллельно срабатывали оба фактора: необходимость выбраться из-под родительской опеки и, одновременно, сбежать от девичьих грёз-угроз, непосредственно с ним, Александром, связанных. Предстоящее в скором времени отбытие в некий населённый пункт Чмарово представлялось всё более и более обоснованным и мудрым. Шишкин-младший даже с тревогой подумал, что напрасно он изображал благородное равнодушие на комиссии по распределению. Сельская школа, сельская школа! Разве что подайте ту, что поближе к областной столице... Вот в этом-то он маху дал! Во-первых, близость к областному центру не озна-

чает, что там школа и условия жизни более-менее. Во-вторых, радиус досягаемости... Сглупил, короче...

Надо было и впрямь, зайти на комиссию, как и подобает краснодипломнику, среди равных, и выбрать, например, тот же Южногорск – ударно развивающийся за полтысячи километров от родных пенатов перспективный посёлок горняков. Там, говорят, идёт такая буйная стройка соцкультбыта, что на благоустроенные квартиры, особенно для ценных кадров, и очереди нет. А учитель разве не ценный кадр? Школа большая. Аж трёх учителей русского языка и литературы запросила! И было бы всё – тип-топ.

Но в отношении Южногорска сработал инстинкт самосохранения: одну из ставочек учителя-словесника там заведомо перекрыла зайка Зоенька, одна из бывших пассий Шишкина-младшего. У неё там папа с мамой, а папа – ба-альшой человек на южногорской стройке. В общем, это снаряд дважды в одну воронку не падает, а вот человек в одну и ту же яму с фекалиями – запросто.

Нет, Зоенька – замечательная девушка, но после того, как Александр внезапно задружил с её лучшей подругой – явление банальное! – Зоенька, смертельно оскорбившись поначалу, вдруг решила доказать разлучнице, что всё-таки она лучше. Шишкин-младший так надеялся, что отвяжется от обеих, и уже казалось, что мечте суждено сбыться, но Зоенька вновь пошла на штурм, который удалось отбить с трудом. А что делать в Южногорске? Потому Александр южногорский вариант даже рассматривать не стал. Крепок оказался задним умом. Это опосля умная мысль посетила: прибыл бы в Южногорск, пока то да сё, а там молодого, статного мужичья – пруд пруди... И захомутали бы Зоеньку! И на кой тогда её воронке тот же самый снаряд! Да и, собственно, по-любому можно было бы от Зоеньки отбиться, чего уж её хуже татаро-монгольского ига представлять...

Но дело сделано, а снявши бестолковку, чего по шевелюре рыдать.

3

...Весёлая, шумная вечеринка, нацеленная на релаксацию перенесенных всем выпускным курсом мук ожидания и саму пытку распределения выпускников, окончательно избавила Александра от привычных угрызений и сожалений сыновней и рыцарско-половой совести, а заодно и от запоздалых сожалений по поводу распределения. Всё, что ни делается, всё к лучшему. А там поглядим...

В праздник облегчения быстро втянулся целый этаж институтской общаги.

– Старик, если мы где-то в тебе ошибались, – прости великодушно! – кричал Мишка Алексеев, известный курсовой горлопан и насмешник, хлопая Шишкина-младшего по спине. – В доску наш! А, мужики?! Никакой блат не включил! Свободу свою бросил на ниву сельского просвещения! Пос-ту-пок! Уважаю!!

И только уже возвращаясь после вечеринки к родным пенатам, Александр подумал о том, каково будет оставшиеся до отъезда полтора месяца смотреть в глаза матери. Изведёт жалостью. Но надо терпеть...

Да уж... Катастрофа ссылки проклятым царским самодержавием великородных декабристов в Сибирь выглядела для Альбины Феоктистовны, в свете предстоящего учительствования сына на селе, увлекательной турпоездкой, организованной Николаем Первым для строптивного придворного бомонда. Но административно заточенным разумом родительница признавала правоту супруга. Любимый и единственный ребёнок рос правильным и хорошим мальчиком, однако по мере израстания в нём всё чаще стали пробиваться эгоистические штришки характера, упёртость и, одновременно, нездоровое стремление всюду самостоятельно искать правду. Понятно, не правду вообще, а свою, упёрто-крамольную. Чувствовала чуткая материнская душа, как исподволь назревает антиродительская революционная ситуация: «низы» уже явно

не хотят, а «верхи» уже совершенно не могут. Отпрыск не ведал, а между Шишкиными-родителями последний год то и дело возникала вялотекущая дискуссия на одну и ту же педагогическую тему: кто виноват в том, что мальчик вырос упрямым эгоистом с неправильными взглядами на реальную жизнь, проживать которую ему будет крайне сложно без надёжного родительского прикрытия.

«Боже Святой Вседержитель! – мысленно взывала к небесам член КПСС Шишкина А.Ф. – Образумь несмышлёного... Образумь, иначе сколько же шишек набьёт мой мальчик на жизненном пути!..» Альбина Феоктистовна даже прикупила в ювелирном магазине золотой крестик, обязала набожную техничку Никулишну освятить его в церкви и до поры до времени запрятала святую реликвию в шкатулочке среди своего ассорти из колец, кулонов, коле, брошек-серёжек и прочего дамского драгметалла и бижутерии...

Но одно дело абстрактно рассуждать на темы «Кто виноват?» и «Что делать?», и совершенно иное, когда конкретная ситуация берёт за горло. И Шишкин-старший, и маман Шишкина рассуждать-то рассуждали, но в последнее время больше прикидывали, куда определить своего отпрыска. Варианты были вполне. А тут – на тебе!

С помощью оперативно употреблённых седативных средств Альбина Феоктистовна где-то за неделю смирилась с неизбежным. Конечно, решение сына насчёт Чмарово поначалу так полоснуло по сердцу, что захотелось всё бросить и в это самое Чмарово поехать вместе с ним, как бы её Сашенька не отбрыкивался. Варить ему супы, стирать бельё... Но вскоре разум возобладал над эмоциями. Ответственная работа, партийный долг. Наконец, куда в таком раскладе подевать папу Серёжу, которому тоже нужны супы и чистое бельё?

Изучение карты области, а также выяснение по своим служебным каналам что есть такое, это Чмарово, на Альбину Феоктистовну тоже подействовали несколько успокаивающе. Две сотни вёрст по асфальту – пустык для «Волги», село не какое-то богом забытое – центральная усадьба колхоза-миллионера. Председатель колхоза – орденосеиц, член бюро обкома КПСС. Председательша – директорствует в школе.

Перед глазами Альбины Феоктистовны развернулись яркими красками эпизоды знаменитой киноленты «Кубанские казаки», в ушах зазвучали раздолбные песни оттуда же. И тут же в памяти всплыло каноническое, ленинское: «Из всех искусств для нас важнейшим является кино». Маман Шишкина вспомнила ещё несколько фильмов своей юности: от «Ивана Бровкина на целине» до «Весны на Заречной улице» и вполне успокоилась. Конечно, у нас не Кубань, но колхоз-то миллионер! Присутствует, стало быть, определённый уровень цивилизации, повыше, чем в иных всях областной глубинки, и это позволит сыну с наименьшими потерями отбыть трёхлетний срок «обязаловки» после института. Ну и, наконец, подумала Альбина Феоктистовна, нельзя не учитывать и под боком нарастающую угрозу...

Обозначим эту угрозу как третий фактор. Решающий. Он уже давненько вызывал сильную обеспокоенность мадам Шишкиной. А так как эту обеспокоенность с ней разделяли – она это чувствовала! – и супруг, и сын, было бы странно, если бы этот третий фактор не сработал.

Дело в том, что по соседству с Шишкиными проживала шумная и компанейская семья обрусевшего в чётр знает каком поколении, грека Колпакиди.

Глава семейства, импозантный, зеркально-лысый пузач пятидесяти пяти лет, Георгий Аполлонович, круто рулил по торгово-снабженческой части в областном геологуправлении.

Утром его дожидалась у подъезда чёрная «Волга», она же пунктуально доставляла его на обед и возвращала в семью вечером. И это говорило о многом, потому как даже сам «железнодорожный генерал» С.П. Шишкин хотя и располагал аналогичной персональной «двадцатьчетвёркой», но она была зелёно-бутылочного цвета. Личная и вовсе была белая. Только у начальника железной дороги «персоналка» сверкала таким же благородным номенклатурно-антрацитовым глянецом, как у Колпакиди. А уж то, что всемогущая «санэпидеммаршал» А.Ф. Шишкина прикатывала к родному двору на бывшей «скорой помощи», пугающе

расцветенной кое-где кружками с красными крестиками, – это и вовсе можно расценивать как невероятную близость к народным массам.

Супруга Георгия Аполлоновича, необъятная, громкоголая, черноокая, в водопаде перманента вороньего крыла, резко контрастирующего с многочисленными, безразмерными, но всегда яркого, пёстро-попугачьего рисунка, халатами, Электрина Христопуловна Колпакиди никаких государственных должностей не занимала. Она просто была главнокомандующим фельдмаршалом, совмещая одновременно должности домохозяйки и матери четверых Колпакиди-младших. Объектом повышенного материнского внимания, опеки, заботы и обожания являлись девятилетние двойняшки Офелия и Никас, которых все, включая родителей, попросту звали Олей и Колей, как и сама Электрина Христопуловна отзывалась исключительно на менее экзотическое – тётя Эля.

Старшим среди потомства Колпакиди был тёзка Шишкина-младшего, но тётя Эля никогда не забывала подчеркнуть, что имя Александр первенцу при рождении присвоено исключительно в честь великого македонского царя-полководца. А посему на лестничной площадке соседствовали не мальчики-тёзки, а Александр и Саша, по крайней мере, так делила тётя Эля. Тем паче что тёзка великого македонца был старше Шишкина-младшего на шесть лет.

Пухлый, как мать, с такими же чёрными глазами-маслинами и пышной, как у Анджелы Девис, шапкой исчерна-курчавых волос, он производил всем своим обликом крайне обманчивое впечатление оранжерейного маменькиного сыночка.

Дворовые сверстники на это поначалу купились, попытавшись закрепить за Александром Колпакиди соответствующий социальный статус. Но уже первые их потуги – публичная декламация общеизвестного фольклорного произведения «Ехал грека через реку...» – завершились оглушительным побоищем, учинённым в стане насмешников Александром. Естественно, тут же были забыты и стёрты из памяти как маршрут и личность неизвестного греки-путешественника, так и прочие подробности, связанные с водной преградой на его пути и зловредным раком, покусившимся на здоровье и телесную целостность того самого греки.

Недалёкие одноклассники Колпакиди-младшего пытались приклеить ему прозвище Жирный, на что он единожды заявил, что строго следует народной мудрости: завтрак съедает сам, обедом с ним делятся друзья, а ужин ему отдают враги, потому как с ними он поступает вот так – и Сашенька Колпакиди поколотил обзывал. В общем, не приклеилось к нему и прозвище.

По окончании школы первенец Колпакиди скоростижно отбыл к месту дислокации ближней родни тётя Эли – в далекий и, как казалось Саше Шишкину, исключительно оазисный город Симферополь. Там, как информировала соседей тётя Эля, её старший отпрыск благополучно поступил в институт советской торговли. По прошествии требуемого количества лет сей вуз он так же благополучно окончил и принялся успешно трудиться. Тоже в снабженческой сфере, как и Колпакиди-старший.

К описываемому времени Александр на крымской земле окопался, казалось, крепко. Удачно, со слов тётя Эли, женился, родил ей внучку.

По восточносибирской малой родине не ностальгировал. Наоборот, выступал в роли крымского зазывалы, демонстрируя это самым наглядным образом: остальное семейство Колпакиди-старшего с ежегодной регулярностью на летние месяцы убывало в Крым, возвращаясь к забайкальским пенатам накануне нового учебного года ещё более смуглым и шумно-весёлым. И с бездонными корзинами отборного винограда, ароматнейших персиков, яблок и груш, которыми тётя Эля щедро одаривала соседей.

Георгий Аполлонович неизменно появлялся в квартире Шишкиных с парой бутылок отборного коньяка симферопольского разлива и минимум десятилитровой полиэтиленовой канистрой домашнего крымского вина. После недолгих, обязательных по элементарному этикету, препирательств соседские подношения Шишкиными принимались. Но тут же устраивалось роскошное совместное застолье-пиршество, украшенное незаурядными кулинарными

изысками тёти Эли – в этом она была вне конкуренции, как минимум, в радиусе Центрального района областной столицы.

Но в последнее время главным украшением застолья выступал не новый кулинарный шедевр тёти Эли. Семейству Шишкиных в очередной раз настойчиво демонстрировалось главное соседское сокровище – Мария Колпакиди, Машенька – тоненькая тростиночка прекрасного телосложения, возрастом на пару лет младше Саши Шишкина, третьекурсница лечебного факультета мединститута.

Что и говорить, Машенька была прекрасна. И эти блестящие чёрные косы, и миндалевидного разреза глаза шамаханской царевны, и всё остальное – настолько восхитительное и многообещающее, по мере её женского развития, что определение девушки как сокровища вполне соответствовало истине. Если к этому добавить, что черноокая красавица с незаурядной сноровкой перенимала у мамы-кулинарки её кухонные способности, а также открывалась с других приятных сторон, например, миленьким музицированием на фортепиано, – она умиляла всех и вся.

Вредные подъездные старушки, часами дежурившие на скамейке у подъезда в любую погоду, вытирали слезящиеся глаза и растроганно сморкались в платочки, лицезрея заботу Машеньки о младших Колпакиди – Оле и Коле, когда старшая сестра сопровождала эту парочку из школы или отправлялась выгуливать их в парке. Ангел, а не девушка!

И только Альбиной Феоктистовной Шишкиной юная прелестница воспринималась тревожно. Материнское сердце всё более и более, по мере взросления сына и соседки Машеньки, наполнялось пугающим, предынфарктным предчувствием беды. Эта восточная красавица отнимет у неё сына раз и навсегда – лишалась сна и покоя маман Шишкина, стоило только, хотя бы на мгновение, появиться в её размышлениях, и уж тем более реально-визуально, соседке Машеньке.

Вежливая, скромная, с бархатным тихим голоском, она прямо-таки зомбировала Альбину Феоктистовну, парализуя её волю. Удав и кролик. Кролик и удав. Роковое наваждение, в котором, конечно, никакой мистикой не пахло. Привыкшая к безусловному и само собою разумеющемуся главенству Шишкина-старшего в семье, Альбина Феоктистовна, грозная начальница и тишайшая супруга, ни умом ни сердцем не могла разгадать тайну безраздельного господства Электрины Христопуловны над импозантно-вальяжным Георгием Аполлоновичем. Куда только девалась вся эта вальяжность, стоило лишь супруге нахмурить густые чёрные брови и шевельнуть довольно заметными усиками над верхней губой... Ну не в возрасте же дело. Эля всего на два года старше Жоры, подумаешь!.. Прямо гинеократия какая-то...

Маман Шишкина тут же переносила эту картину на потенциально-возможный, и тем трагически жуткий, мезальянс, в котором погибнет – конечно, погибнет! и никак иначе! – её единственная драгоценная кровиночка Сашуля-Сашенька.

А девушка и её мамаша настойчиво (чьа настырность превалировала, Альбине Феоктистовне становилось определить всё труднее и труднее) обихаживали долговязую и бренчащую костями «драгоценную кровиночку».

Эх, сколько нервов и здоровья сберегла бы маман Шишкина, будь ей известно, что Машенькин девичий напор пугал будущего филолога тоже нешуточно.

С высоты убелённой возрастными сединами мужской житейской мудрости, безусловно, такому напору надо было бы радоваться. Разве плохо олицетворять свет в окошке и благоденствовать аки у Христа за пазухой? Вернее – как у Марии Магдалины, да не сочтёт читатель сие сравнение за богохульство. Но студент Шишкин ещё не располагал многолетним жизненным опытом, создающим запас требуемой мужской мудрости. Эх, молодость-глупость!.. Ах, эти метания и душевные происки!.. Ох уж эта тяга к свободе!..

Однако природа нашептала молодому человеку некоторую половую избирательность. Ну вот не лежала душа брүнета Шишкина-младшего к прекрасному полу такой же масти! Блон-

динки, даже крашенные, шатенки, рыжие – да, а вот брюнетки – нет. Наверное, какую-то роль сыграла в формировании подобного мировоззрения громогласная, колышущаяся в своей многопудовой телесности, сверлящая пронзительно-оценивающим взглядом из-под чёрного Ниагарского водопада перманента соседка тётя Эля с её усиками над верхней губой. «Вот и Машка в такую превратится, – вздрагивал юный поклонник блондинок, – кайла-а...»

А дамский греческий тандем всё настойчивее обхаживал потенциального жениха-соседа и его маман. Это уже просматривалось невооружённым глазом, это уже напоминало публичное и самозабвенное исполнение знаменитого танца сиртаки. Вот и ещё одна весомая причина для Шишкина-младшего свалить из родительского гнезда, хотя бы на некоторое время.

Нет, Саша, безусловно, осознавал, издержки желанной самостоятельности, освобождения от всевидящего родительского ока, от угрозы обретения брачных оков. Последнюю угрозу вообще можно запросто отвести – послать при случае соседку Машеньку подальше вместе с её черноглазой поволокой и актрискиными придыханиями. Но остальное...

Отлёт из тёплого гнезда чреват для птенчика всегда. Например, одновременно Саша лишился хрустящей простыни на постели и возникающих самым волшебным образом по утрам отутюженной рубашки на плечиках в гардеробе, блинчиков с повидлом и сгущёнкой на завтрак, умопомрачительного борща на обед и котлет с румяной хрустящей корочкой на ужин. А это заботливое: «Сыночек, ты обязательно покушай чего-нибудь горяченького на перерыве между лекциями...», сопровождаемое приятным хрустом красненькой купюры из маминых рук... Или батино откровенное: «С девками-то что, небось по кинушкам обжимаетесь? На-ка, вот. Культурно в кафе посидите...» И из отцовского портмоне в сыновний карман перекочевывала благородная фиолетовая денежка.

Культурно в кафе посидите... Чокнулись предки со своей работой! Да на батину двадцатипятирублевую субсидию вчетвером в центральном ресторане оторваться можно по полной, а с девушкой в любом кабаке и червонца маман – за глаза, ещё и на такси хватит мадемуазель по месту жительства доставить. Слава родительской заботе!

Шишкин-младший вовсе не ёрничал. Одно дело – ежедневная и нудная опека, а другое – эти «милые пустячки». Или как в очередной раз не погрузиться в нирвану благодаря поразительной способности матери доставать неизвестно где модные чехословацкие мокасины «Цебо» или виниловые новинки эстрады?

Но чем-то надо жертвовать в настоящем ради будущего. Это – аксиома. Хотя кому она нужна? Куда справедливее ничем не жертвовать сегодня и уверенно двигаться в Завтра, где тоже всё в порядке. Увы, не получается. Факторы, факторы, факторы... Да и куда денутся мокасины «Цебо» или модный «винил»? Блинчики, борщ и котлеты тоже. А рубашку или простынку учитель Шишкин и сам в состоянии погладить. Без помощи маман и, уж тем паче, Машеньки Колпакиди или... Да неважно! Зато что имеем в сухом остатке? Сво-бо-да! Она радостно встречает у входа в будущее, вернее, у выхода из настоящего. Сво-бо-о-да!!!

...Два летних месяца пролетели незаметно. Ну, во-первых, наличие в педагогическом вузе военной кафедры сняло проблему обязательности исполнения молодым человеком конституционного долга: кратковременные военные сборы по окончании института вылились в непродолжительное военизированное приключение, типа юнармейской игры «Зарница», но для старшего юношеского возраста, завершившееся получением зелёной книжицы – удостоверения личности пехотного лейтенанта запаса.

А во-вторых, офонаревшие поначалу, от решения Александра, родители несколько успокоились. Шишкин-младший поначалу подозревал, что родительское смирение – тактический приём, призванный усыпить его бдительность. Он поставил маман и папан перед фактом, а они поставят его. Но уже перевалил на вторую половину август, а никаких признаков родительского реванша не наблюдалось. Наоборот, мать активизировала суету по сборам сына в сельскую «глубинку»: шёл закуп партий носков, маек, трусов; складывалась в отдельную внушительную

коробку какая-то посуда; в другую – комплекты постельного белья, полотенца... А очередное, под каким-то очередным благовидным предлогом, появление в квартире Шишкиных тёти Эли и её Машеньки убедило Александра ещё больше: мать после их ухода что-то такое буркнула. Типа заколебали.

Ага, подумал Александр, маман конечно же многократно описанным в отечественной и зарубежной литературе материнским чутьём, поняла и прочувствовала размер угрозы нарастающей греко-соседской экспансии и потенциальные последствия оной. Это необычайно обрадовало.

Но вместе с тем Шишкин-младший не мог отделаться от чувства некоего подвоха. Что-то не вырисовывалась окончательно картинка его беспрепятственного убытия в Чмарово.

А вот ведь и вправду – ну как отрицать шестое чувство?!

...Туманным августовским утром в квартире Шишкиных раздался телефонный звонок. Александр ещё нежился в постели, проверяя на практике интереснейшее физиологическое явление: если на двадцать секунд сильно зажмурить глаза, а потом открыть, то спать хочется гораздо меньше. Он так и сделал, когда родительский будильник потревожил его сон полседьмого утра. Зажмурился. А сейчас по телефонному трезвону открыл. Полдесятого. И правда спать хочется меньше. Но хочется. Увы, родители убыли к местам исполнения своих наиответственнейших обязанностей, поэтому пришлось шлёпать к неугомонному аппарату.

– А-а-лло, – зевнул в трубку Александр.

– Это квартира Шишкиных? – телефонная мембрана исторгла бодрый молодой мужской голос.

– Да... – насторожился Шишкин-младший.

– Доброе утро! Как понимаю, я разговариваю с Александром?

– Правильно понимаете. И вам утро доброе.

– Саша, из обкома комсомола беспокоят. Виктор Николаевич приглашает вас сегодня на беседу. Вам удобно подойти к нам часиков в двенадцать? Где обком, надеюсь, вы в курсе?.. Подходите прямо в приёмную, на третьем этаже. Без проблем?

– А Виктор Николаевич...

– Второй секретарь

– А по какому поводу?

– Извините, не в курсе. Поручено вас пригласить. В общем, подходите. К двенадцати ноль-ноль. И не опаздывайте, пожалуйста.

Трубка запикала короткими гудками отбоя. Александр вернул её на место, опустил на стул и принял позу роденовского Мыслителя. Хотя размышлять не имело никакого смысла. Значит, таки маман и папан не смирились. Вновь схватился за телефонную трубку, сунул уж было палец в наборник. Но кому звонить? Кто втихомолку подсуетился? Да уж... Тогда для чего вся эта возня с коробками? И материнские бесконечные коррективы изрядного списка жизненно важных – «на первых порах!» – в самостоятельной сыновней жизни вещей?.. Скорее всего, отцовская работа. Но коли столь конспиративно, звони не звони – отопрётся на чистом глазу. Да и чего раньше времени гнать волну. Вскрытие, в смысле поход в ОК ВЛКСМ, покажет.

– У-у-у-у... – нудно гудел в руке рогалик телефонной трубки. Когда ей это надоело и она перешла на короткие гудки, Александр вышел из раздумий, опустил трубку на аппарат и пошёл умываться.

Вот уже и чайник зашумел на весёленьком и аккуратном венчике язычков горелки. Новенькую газовую плиту «Gorenje» Шишкиным притащил лично Георгий Аполлонович Колпакиди, интимно заверивший, что на весь областной центр таких плит из братской Югославии поступило только три десятка и только на базу снабжения геологов. Маман Шишкина благоклонно приняла дефицитное изделие. Саша так и не понял, чему она больше обрадовалась, –

тому, что заимела модную импортную плиту, или тому, что оказалась в немногочисленной областной компании владельцев импортного дефицита.

Реакция Шишкина-старшего была более определённой. Отвергнув подношение как подарок и оплатив его реальную стоимость, Сергей Петрович после исчезновения соседа резюмировал, что таких жуликов надо держать на расстоянии выстрела дальнобойной артиллерии. Понятно, что приговор распространялся на всё семейство Колпакиди, включая и обаяшек Никаса с Офелией... А ведь дети за отцов не отвечают, по-сталински заявлял Шишкин-старший. Ещё бы думал так...

Но и папан, и маман думали, как большинство их поколения. Вслух, на полном серьёзе обличали хапуг и спекулянтов, карьеристов и подхалимов, громили подобную публику на различных партийных сборищах, а дома, почему-то переходя на шёпот, кляли обкомовскую верхушку, номенклатурный «блат», с изрядным пессимизмом обсуждали возможные политические последствия той или иной перестановки в Политбюро ЦК КПСС. Но утром привычно отбывали в свои высокие кабинеты, чтобы вечером вернуться из спецмагазина с картонными коробками, наполненными деликатесами, – знай, мол, наших, не последние люди в области!

Чайник весело засвистел. Тут же в голове у Шишкина-младшего снова, как и при той интимно-доверительной речи Колпакиди-старшего, когда он приволок газовую плиту, зазвучали проникновенная мелодия и рвущие душу слова: «...А путь и далёк, и долог. И нельзя повернуть на-а-зад. Держись, геолог, крепись, геолог...» А действительно, что ещё остаётся геологу, когда он тащит на спине по таёжным урманам вот этот тяжеленный эмалированный словенский куб?.. И будет тащить, и не бросит – только советским геологам и презентуют, предварительно посоветовавшись, этакую красоту и полезность страны СЭВ!

...Без десяти двенадцать Александр вошёл в отделанную залакированным деревом приёмную. Под ясные очи аккуратно причёсанной на прямой пробор, строгой девушки в тёмном жакете с комсомольским значком на лацкане.

Девушка была хороша. И так похожа на Наташу-сероглазку, что у Александра тут же неприятно зануло под ложечкой.

– Вы – Шишкин Александр? – скорее не спросила, а подтвердила девушка-секретарша. – На двенадцать к Виктору Николаевичу?

Александр у оставалось только кивнуть, но он не удержался и, максимально включая обаяние, спросил:

– Мы знакомы?

– В одностороннем порядке.

– Ор-ри-ге-ни-ально! – настроился на игривый тон Шишкин.

– Ничего особенного, – с суровой комсомольской прямоотой безулыбчиво ответила девушка-секретарь. – Я вашу учётную карточку полчаса назад Виктору Николаевичу занесла. Проходите, он освободился. – И она чуть качнула головой влево. Хотя только слепой мог спутать двери в кабинеты первого и второго секретарей комсомольского обкома: внушительные таблички на застопоренных половинах кабинетных дверей – золото на чёрном стекле – четко разъясняли, кто за какой дверью сидит.

Холодок робости скользнул Александру за ворот. С этим он и шагнул в сумрак междверного тамбура. Кто посещал высокие кабинеты, знает: если дверь только одна и такого тамбура нет – должностное лицо в кабинете или мелко плавает, или окопалось в этом кабинете временно. Или демонстрирует тесную связь с народом. Или ему попросту на всё это наплевать...

Александр машинально постучал по полировке внутренней двери.

– Да-да, войдите, – раздался приглушённый голос.

– Здравствуйте. Можно?

– А, Шишкин!

Из-за массивного стола, уставленного каким-то флажками-вымпелами, миниатюрным глобусом-часами, массивным, под малахит, письменным прибором, золотистой моделью танка, веером авторучек-ракет на чёрной пластмассовой подставке и ещё чёрт знает какими-то канцелярско-сувенирными прибабасами, навстречу Александру бодро поднялся улыбчивый, молодой, лет тридцати, шатен, спортивный на вид, но уже заметно подлысевший. Протянул руку. Рукопожатие получилось несколько неловким: бархатистая пятерня второго секретаря сжалась чуть раньше, чем Александр успел обхватить её пальцами, – комсомольский вожак только их и пожал.

– Проходи. – Левая рука второго секретаря ткнула в череду стульев у длинного, приставного к основному, стола.

Сам хозяин кабинета быстро обогнул приставной стол и уселся напротив.

– Ну, здравствуй, Александр! Как дела молодые? Распрошался с альма-матер? – Глаза второго секретаря лучились теплотой и вниманием, неиссякаемым комсомольским задором и бодростью. И это «тыканье» с порога, наглядно олицетворяющее доступность в общении и всю мудрую глубину принципа демократического централизма, и это широкоулыбчивое обаяние, без которого молодой боевой резерв большевистской партии попросту жить не может, не умеет и не хочет, – всё это Шишкина-младшего несколько напрягло. Казалось, что в следующее мгновение обаяшка Виктор Николаевич прыгнет на Александра прямо через стол и радостно задушит в объятиях. Это ж какая радость, какое счастье общения!

– Да, нормально... – только и смог вымолвить Александр.

– Хорошо, хо-ро-шо! – энергично тряхнул головой с безукоризненным пробором в остатках волос второй секретарь и напористо-бодро заявил: – А я что тебя призвал-то. Хочу предложить тебе инструктором к нам пойти. Ты и в школе, и в институте хорошо зарекомендовал себя на общественной работе, хорошо учился. Что скажешь? – Комсомольский босс откинулся на спинку стула и широко улыбнулся. С таким видом, словно невиданно осчастливил собеседника.

«Ну, точно, папаня подсуропил!» – со злостью подумал Александр. Предложение, наверное, и вправду для только что вылупившегося педагога престижное – как никак, а областной! комитет! молодой гвардии партии Ильича! Но оказаться в столь высоких стенах означало статус-кво ситуации «Все достали!»: и неизбежность родительской опеки, и новые штурмовые приступы бывших подружек, и вполне возможный неминуемый крах в уклонении от греко-соседской экспансии.

Убытие в Чмарово представлялось уже не бесстрашным и героическим шагом в пугающую неизвестность – сродни подвигам Чкалова, или целинных первопроходцев, или даже Юрия Гагарина, а чем-то типа небесной благодати. Господи, да пролей ты её на меня!

Ступор Шишкина-младшего второй секретарь, естественно, оценил со своей колокольни.

– Не боги горшки обжигают!

«Да им горшки и ни к чему...» – мелькнуло у Александра в голове.

– Неожиданно как-то... – выдавил он. – А что это за...

– Вакансия у нас имеется в орготделе, – продолжая излучать братскую теплоту, пояснил комсомольский начальник. – А занимается в основном орготдел ростом рядов, организацией сбора членских взносов...

«...И прочей скучнейшей тягомотиной», – закончил про себя Александр, тут же представив, как всю эту нудистику он пережёвывает, мотаясь по районам необъятной области. Как неубедительно призывает заводских, колхозных и совхозных комсоров улучшать комсомольскую статистику. Или со страхом лезет в тёмный забой угольной шахты, чтобы найти там молодого горняка, обладающего редкой забывчивостью архиважной уставной обязанности уплаты членских взносов...

Видимо, что-то из этого всё-таки выплеснулось Шишкину на физиономию.

– Понимаю, – с угасающей улыбкой сказал второй секретарь. – Но для начала надо это пройти. Зато потом...

«Ага – суп с котом!» – продолжался реально-виртуальный диалог за длинным полированным столом. Но высокопоставленный зазывала явно что-то почувствовал. Он окончательно стёр панибратскую улыбку с лица и глянул на Александра с той же серьёзностью, что и девушка в приёмной.

– Понимаю, – повторил он. – Конечно, работать, например, в идеологическом или в отделе оборонно-массовой и физкультурно-спортивной работы интереснее. Но главное – начать, достойно влиться, так сказать, в нашу дружную семью... – Посуровевший Виктор Николаевич перегнулся через стол и заговорщически прошептал Александру в лицо: – Толковые парни нам нужны. И на низовых должностях не засиживаются. Тут уже многое от человека зависит. Хотя и не только...

Шишкин-младший невольно отшатнулся и встал.

– Товарищ второй секретарь областного комитета! Спасибо за прямой товарищеский разговор. Обязан со всей комсомольской честностью и откровенностью сказать вам...

Физиономия хозяина кабинета заметно вытянулась от услышанного, а Александр продолжал чеканить:

– ...Не потяну! Такая ответственность! – Он едва удержался, чтобы полуобморочно не закатыть глаза. – Не знаю, о чём вас проинформировали, но вся моя общественная работа в школе и институте, по сути, свелась к одному – рисованию стенных газет. Сам себя корю за это! И идеологически подкован, считаю, слабо, и оратор никудышный... Да и вообще... Убеждён, есть более достойные и способные, чем я. Вот даже на нашем факультете, особенно среди историков, то есть выпускников отделения истории...

– Так, так... – Второй в областном комсомоле снова откинулся на спинку стула, разглядывая Александра как диковинного зверя.

Шишкин-младший сообразил, что пафос следует пригасить, потому как его фальшивость вот-вот хлынет через край.

– Я ведь, Виктор Николаевич, поучительствовать нацелился для того, чтобы себя проверить, умения работать с людьми поднабраться. Вот, думаю, три обязательных года в школе отработаю, а там, может быть...

– Может быть, может быть... – скучно и сухо повторил областной комсомольский бог второго ранга, встал из-за приставного стола и перешёл на своё основное рабочее место.

– Ну что ж, товарищ Шишкин... А может, дать время подумать?

И снова воззрился на Шишкина-младшего взглядом посетителя зоопарка, горюющего у клетки с человекообразной, крайне смышлёной, но всё-таки обезьяной, которой так и не удалось выйти в люди.

– Да я уже и в путь-дорогу собрался... – вроде бы виновато потупился Александр и соврал для убедительности: – В школе уже обозначился. Ждут. Учебный год на носу.

– Ну, вольному воля, – буркнул комсомольский бог и углубился в ворох бумаг на столе. – Не задерживаю...

4

Из областной комсомольской цитадели Шишкин-младший вышел с двояким чувством. Виноватости и облегчения. При всём своём цинизме и склонности к ёрничеству не мог отделаться от ощущения прямо-таки осязаемого вреда, который причинил своим отказом региональной комсомольской жизни. Ведь не просто позвали, чтобы тёпленькое место предложить, а ответственное и беспокойное дело: не бумажки перебирать. Областной комитет – это же коман-

дировки в самую-самую «глубинку», недосып, сухомытка, бездорожье, сквозняки в щелястых сельских заезжах. В общем, на блатное трудоустройство мало похоже.

Но с другой стороны, сам себе ты не принадлежишь. И вместо забрезжившей свободы – тесный намордник со строгим ошейником. За язычком-то тут архиконтроль надобен, как в тылу врага. Ляпнешь хрень какую-нибудь, без всякой задней мысли, а как истолкуют? От папан и маман печальных примеров тому Шишкин-младший наслушался досыта. Год-другой – и он тоже перейдёт на кухонный шёпот... В конце концов, ну не узник же он замка Иф: копать-копать путь к свободе, а попасть в соседнюю камеру. И что, снова копать-копать, пока подходящий труп не подвернётся? И кто ещё гарантирует, что из мешка удастся выбраться, а не камнем пойти ко дну? Александр Дюма пером по бумаге водил, спасая Эдмона Дантеса, а чем водить Александру Шишкину, спасая себя?

А неминуемый нравственный дискомфорт? Это сколько же народу – однокурсники, институтские начальники и «преподы», весь остальной люд – кто столь широко оповещен и потрясён героическим решением Шишкина-младшего добросовестно отработать на селе три года, – как минимум! Вся эта публика будет ржать в лицо и в спину, злорадно обглаживать каждую косточку. Спёкся! Струсил! Не смог выбраться из-под маминой юбки! Решимости не хватило. Сдулся герой надувной! Городской слюнтяй, изнеженный номенклатурный Мальчиш-Плохиш!..

«Нет! – мысленно воскликнул Шишкин-младший. – Это сладкое слово «свобода»! Карету мне, карету!..»

Если бы комсомольский обаяшка Виктор Николаевич в этот миг подошёл к окну, он бы крайне обрадовался, что его предложение молодой выскочка отверг. Областной комсомольский бог второго ранга увидел бы этого типчика в классической позе придурка: стоит посреди тротуара и воздевает руку как вождь с броневика. Ди-аг-ноз!

Но Виктор Николаевич к окну не подошёл. Едва за Шишкиным-младшим закрылись двери, комсомольский чиновник снял трубку и накрутил номер тестя.

– Папа? – уточнил он бархатным голосом. – Как и обещал, пригласил я Александра Шишкина на беседу. Предложил место инструктора в орготделе... Что?.. А нет пока другой вакансии. Да это и неважно. Ваш протеже отказался... Представьте себе! Да ещё и театр тут развёл: не готов, не справлюсь, надо опыта в работе с людьми поднабраться... Ага, в деревне решил поднабраться... Ну почему же! Даже уговаривать его пытался!.. Что думаю?.. Или дурак... Или ему из города надо исчезнуть... А что! Может, натворил чего... Вот и я подумал... Ну не пионерская же зорька в заднице играет!.. Хитрит чего-то паренёк... В общем, я даже и рад, что он в отказ пошёл. Нашим легче... Мутный он какой-то... Да... Да... Понял... Нет, к сожалению, на обед подъехать не получится... Надо срочно справочку для ЦэКа подготовить, после обеда звонить будут... А у них же как раз девять утра будет... Всего доброго, папа...

Виктор Николаевич аккуратно водрузил телефонную трубку на место, облегчённо откинулся на спинку кресла и достал из верхнего ящика стола бело-красную коробочку «Marlboro». С удовольствием протянул под носом, вдыхая импортный аромат, сигарету, водрузил её в уголок рта, щёлкнул золотистой зажигалкой. Ослабив галстук, снял белый кирпичик голубкой гулькнувшей трубки внутренней связи:

– Галочка, а не выпить ли нам с тобой, солнышко, кофейку?..

Тестя-«папу» Виктор Николаевич откровенно побаивался. Тот мог одним телефонным звонком сбросить с комсомольского Олимпа и, в лучшем случае, загнать в тартарары. Тесть Виктора Николаевича занимал должность зампреда областного комитета и имел такие обширные номенклатурные связи, в том числе и в столице нашей Родины, что в ЦК ВЛКСМ Виктору Николаевичу могли в кратчайшие сроки выписать «волчий билет», а уж про область и говорить нечего. Однако душонка трепещет, а ручонки делают, особенно когда они шаловливые. И зятю, страстно обожающему прекрасный пол, пришлось освоить основные законы конспира-

ции, потому как он женился не на влюблённой в него Липочке, а на возможностях её папочки двигать зятя вверх по карьерной лестнице.

А что же всемогущий зампредоблисполкома взялся трудоустраивать Шишкина-младшего? Ларчик открывается просто. Супруга этого большого областного чиновника – старинная и, пожалуй, единственная подруга сердобольной Рахмили Ахметовны. Как читатель помнит, только её одну и потрясло решение Шишкина-младшего податься в деревенскую школу. А обширнейший багаж психолого-педагогических знаний автоматически подсказал, по сути, наличие дисбаланса в юной душе выпускника. И Рахмиля Ахметовна решила помочь не пропустить мальчику во глубине сибирских... нив. Ещё бы мальчик повёл себя соответственно. А он и тут... Но откуда же даже доктору психологии ведать об истинных причинах этого настырного стремления Александра к неведомой свободе!

В общем, подруга попросила супруга, тот поднапряг зятя, но всё закончилось пшиком. И тема была закрыта. Чего бисер-то метать...

Шишкин-младший, понятно, всего этого не знал и грешил на собственного папашу. Устроил вечером дознание, чем вызвал отцовский гнев и материнскую истерику.

– Ты чего о себе возомнил?! – с презрением глядел на сына Сергей Петрович. – Наломал дров, обвинений нам в твоём неправильном воспитании насыпал, красивых лозунгов поразвесил, а теперича – в кусты?

– Я не в кусты! Я по-прежнему – в поля! А вот кто меня без меня женить хочет?! Не надо ломать мой внутренний стержень!

– Ого-го, какие мощные слова! Хорошо учили филолога! – откровенно насмеялся Шишкин-старший. – Да твой внутренний стержень – обычное шило в заднице! Романтики ему захотелось! Как же... Ну и катись со своей романтикой в это самое... как его... Чмарово! Там она у тебя быстро пройдёт!..

– Серёжа, Сашенька! Не ссорьтесь! – заламывала руки Альбина Феокистовна.

– А чего он за моей спиной...

– Я тебе ещё раз повторяю: ты решил – вот и хлебай! Ещё я в интриги мадридского двора не играл! Мать, вон, узлов понавязала, коробов напаквала – на целую дивизию!.. И как у тебя ещё хватает наглости нас обвинять?! Ты кто такой, – окончательно набычился Сергей Петрович, – чтобы мы тут как бы представление со всеми этими сборами перед тобой разыгрывали? Тебе давно всё было высказано. Решил ехать – поезжай! А нам нервы не мотай. Мать и так уже изошла!

Шишкин-старший выругался и ушёл к себе в кабинет, плотно закрыв за собой туда дверь.

– Но ведь кто-то подсуетился... – в который раз повторил Шишкин-младший, глядя то на мать, то в окно, то на ковёр под ногами.

– Господи... – в который раз вздохнула Альбина Феокистовна. – Ты столько читаешь детективной литературы, а сыщик из тебя никакой. Да в любой интриге самое первое предположение: шерше ля фам!

– Ты это о чём? – вздрогнул Шишкин-младший и быстро перебрал в уме всех прелестниц, затягивающих на его нежной шее удавки. Подходящей кандидатуры пока не обнаружилось...

– Господи... – повторила мать, и в её голосе даже бряцнул оружейный металл. – Да чего тут гадать!

Альбина Феокистовна ткнула пальцем в сторону прихожей.

– Про соседку забыл?

– Машка, что ли?! – засмеялся Александр. – Ма, да ты в своём уме? Чего она может...

– Она пока ничего... – многозначительно сказала маман Шишкина. – Но есть ещё Георгий Аполлонович, с руки которого кормятся всяким импортом иногда такие люди, которые как раз могут...

– Да я на Машку с высокой колокольни... Ты как будто не знаешь и не ведаешь!

– Все вы так говорите, а потом – раз! А уж ты-то...

– А что я-то?

– Молчи лучше! – грозно посмотрела на сына Альбина Феоктистовна. – Мне достаточно того, как твои лахудры у нас телефон обрывают!

– Так это же лучшее доказательство, что Машка совершенно побоку...

– Ага, ещё и поговорка есть: наш пострел везде поспел.

– Ну здесь-то я чист и безгрешен! – Александр, смеясь, прижал руку к груди. – Тем более что я бегу, скрываюсь с глаз богини этой черноокой!..

– То, что ты паясничать мастер, это мы с матерью и так знаем, – прогудел отец, появляясь из кабинета. – Заканчивайте-ка вы свои угадки. Слушать уже надоело. У одного во всём родители виноваты, а у другой – Колпакиди. Я тебе, сын, другое скажу. Жизнь по-разному поворачивает, но не суй голову в номенклатурные коридоры. Там такие сквознячки гуляют – насморком не отделаешься. Запросто воспаление лёгких подцепить. Плевмонию, так сказать, – Шишкин-старший ехидно глянул на супругу, – и порою с летальным исходом... А ты ещё меня обвинять взялся...

На том, собственно, дознание и завершилось. Полным фиаско Шишкина-младшего. Записывать родного батю во враги-интриганы – это уже и впрямь из области стопроцентной паранойи. Да и к чему, в сам-деле, сыск учинять? Через пару дней надо уже отбывать «утренней лошады» в буколки. И Александра даже слегка царапнула совесть – чего он, действительно, предков-то канает...

Постигло фиаско и Альбину Феоктистовну. Александр тёплым полуденным часом возвращался домой, прогулявшись по магазинам за всякой бытовой мелочью, когда встретил у подъезда Машеньку Колпакиди. Девушка вспыхнула такой радостью, что Шишкин-младший мгновенно почувствовал недоброе.

– Привет! – как всегда обворожительно улыбнулась Машенька, заглядывая ему через глаза на самое дно души. – А я тут узнала, что ты в сельскую школу распределился...

И Машенькина улыбка тут же сменилась очами, полными слёз.

– Саша, я буду скучать...

– Маш, ну чего ты выдумываешь, – как можно мягче сказал Шишкин-младший, обходя соседку. Но она не отставала, цокая каблучками по ступенькам за спиной Александра.

– Ничего я не выдумываю! Нам давно пора объясниться...

– Чего?! – Шишкин-младший чуть не выронил ключи и сумку с покупками. – Ты о чём?

– Саша, нам надо серьёзно поговорить.

– Ну заходи, – опрометчиво распахнул дверь перед соседкой Александр.

Машенька переступила через порог и замерла напротив большого зеркала, не забыв скопировать глаза на собственное отражение.

– Саша, мы взрослые люди... И так дальше продолжаться не может, – решительно, даже с каким-то надрывным отчаянием, проговорила Машенька, устремив два полнослёзных чёрных озера на Александра.

На всякий случай, он отступил от соседки в глубь прихожей.

– Саша, ты же знаешь, как я к тебе отношусь и что ты для меня значишь...

– Маш, ты всё себе выдумала, – повторил Александр.

– Ничего я не выдумала! – повторила Машенька. – Это всё ты сам себя обманываешь, я же вижу! Я же это чувствую!! – уже вскричала она.

– Кончай, Машка... – сказал Александр, стараясь изобразить с максимальной достоверностью полнейшее равнодушие, но чувствовал, что получается это плохо, неубедительно, потому как фибры души, пронизанные прямо-таки магическим излучением очей Машеньки, затрепетали жалким, перепуганным заячьим хвостиком.

И пронизательная Машенька это почувствовала. Тем самым необъяснимым наукой чутьём, которое присуще только женскому полу и волчьим особям. Шишкину-младшему даже показалось, что из-под зазывно чуть приподнятой верхней губы прелестницы на миг сверкнули острые белоснежные клыки.

Машенька сделала шаг к Александру и как-то мгновенно, не оборвав ни одной пуговицы, сдернула с плеч блузку. Узенький лифчик чёрных кружев едва сдерживал бурно вздымающуюся и опускающуюся высокую грудь. Машенька ещё сделала шаг к Александру.

Он отступил ещё на шаг и спиной упёрся в двери ванной.

Машенька решительно потянула пальчики к застёжке бюстгалтера.

И тут Александр пятой точкой ощутил дверную ручку.

Он резво повернулся и заскочил в ванную, захлопнул перед искусительницей дверь и лихорадочно повернул защёлку. Опустился на закрытый крышкой унитаз и наконец-то облегчённо перевёл дух, хотя дверная преграда ещё казалась ему прозрачной, и перед глазами маячили загорелые перси Машеньки за условным лифчиком и изумительный абрис чуть выпуклого животика, полускрытого юбочным пояском.

– Шишкин! Открой! – раздался из-за двери требовательный голосок.

«О как! – отметил внутренний голос. – Ты уже не Саша-Сашенька и даже не Александр... Дело серьёзное, старичок...»

– Машка! – выкрикнул Александр. – Не глупи! Иди домой!

– Никуда я не пойду! Я умру под этой дверью! Открой!

– Иди домой, я сказал!

– Нет! Я люблю тебя и хочу делить с тобой все заботы и тревоги! – патетически прозвучало из-за двери.

– Нет у меня забот и тревог!

– Будут!

«Это точно... – согласился внутренний голос. – Она тебе их обеспечит...»

– У всех людей есть заботы и тревоги, – рассудительно проговорила соседка, и Шишкин подумал, что, скорее всего, она блузочку надела. Но проверять это не хотелось. Ванная комната выглядела и надёжно и уютно, чего он раньше как-то не замечал.

– Шишкин! – позвала Машенька так близко, что он непроизвольно уцепился в дверную защёлку. – Шишкин! Ну зачем тебе твоё одиночество?

– Одиночество, дражайшая Марья Георгиевна, это когда тебя некому забрать из морга. Всё остальное – временные затруднения или разлуки. – Шишкин-младший уже настолько пришёл в себя, что вернулась и привычка парировать.

– Шишкин, ну почему ты такая ж...? – грустно раздалось из-за двери.

– Европа-Пенелопа! – быстро ответил он.

За какое-то время с той стороны повисло молчание.

– А ты это кому? – наконец раздалось недоумённое.

– Тебе, Машенька, тебе. – Шишкин скорчил гримасу, как будто осаждающая сторона могла это лицезреть.

– Мне?! А при чём тут...

Шишкин беззвучно рассмеялся, а потом спросил, стараясь придать голосу некую озабоченность:

– А вот какая первая рифма приходит тебе в голову на слово «Европа»? Только честно.

– А я не рифмую. Это ты у нас филолог.

– Ну а всё-таки? Среди шумного быта, случайно, в тревогах мирской суеты... – Шишкин уже откровенно забавлялся в сложившейся ситуации, поглядывая на наручные часы и представляя, как скромницу Машеньку у запертой двери санузла-ванной обнаружит маман Шишкина. Протянуть надо было ещё минут тридцать-сорок.

– Не быта, а бала! – с сардоническим оттенком в голосе поправила Александра собеседница.

– Ну так, всё-таки, Машуля? Европа...

– Пенелопа!

И Шишкин младший довольно потёр руки.

– Да... Марья Георгиевна... Вот вы и открыли всю свою сущность!

– Чего-чего? – забеспокоились с той стороны двери.

– А вот того... Я не знаю, дражайшая, насколько серьёзно преподают в вашем вузе психологию... Даже допускаю, что на очень высоком уровне. Но тогда вынужден занести вас в список нерадивых студентов, у которых вместо тяги к знаниям главенствуют иные порывы. Вот что говорил дедушка Троцкий? Вам знакома такая демоническая фигура российской и мировой истории? – Александр бросил очередной взгляд на часы и поудобнее устроился на крышке унитаза. – А дедушка Троцкий призвал молодые зубы грызть гранит науки ещё в двадцать втором году, на пятом всероссийском съезде молодежи... Так вот, Марь Георгиевна, ежели б вы настырно грызли этот самый гранит в области психологии, то вам бы открылся интереснейший аспект...

– Давай-давай, умник!

– ...Вы бы узнали тогда, что если вы на слово «Европа» озвучиваете рифму «Пенелопа», значит, вы неискренний человек.

– Это я-то?! – прозвучало за дверью уже с обидой.

– Да-с, милочка! И посему уж позвольте вам не поверить и в остальном! – торжествуяще подытожил довольный Александр.

– А ты и впрямь, Шишкин, ж..., – устало ответила Машенька. – При том – трусливая. Забился, как в бомбоубежище...

– Нет, драгоценная. Я поступил, как мудрые поросята из известной сказки. «Нам не страшен серый волк, серый волк, серый волк!..» – пропел Шишкин-младший, вновь поглядев на часы.

– «Я тебя давно опоила колдовской травой. Никуда не денешься, влюбишься и женишься! Всё равно ты будешь мой!» – тоже песенно парировала Машенька голосом, очень похожим на Аиду Ведищеву.

– Bravo! Bravo!! – прокричал Шишкин. – Ну, я точно как «В гостях у сказки»! Пошёл волк к кузнецу и заставил того отковать себе голосок матушки семерых козлят...

– Много на себя взял, Шишкин! – насмешливо отозвалась Машенька. – Ты не семеро козлят, ты – один великовозрастный козёл!

– Вот, вот! – обрадованно воскликнул Александр. – А то чего-то там про любовь...

– Дурак ты, Шишкин...

С той стороны двери скрипнула половица, зашуршала ткань. По всей видимости, осаждающая сила поднялась с пола. Потом раздался удаляющийся перестук каблучков. Хлопнула входная дверь. И наступила тишина.

«Увы, – вздохнул Александр, – немая сцена «Ревизора» в исполнении Марьи Колпакиди и маман Шишкиной не состоялась». Он повернул защёлку и выглянул в прихожую. «Опустела без тебя Земля...»

Вообще-то было грустно.

Машенька, конечно, отколола номер. Но она права: самым наипозорнейшим образом спрятался от девушки. Права! Трус! Хотя, с другой стороны... Девушка напирает на тебя топless а ты ей целомудренно объясняешь, что так делать не надо?

Александр невесело усмехнулся, представив эту картинку и её продолжение, которое обязательно, по правилам жанра или, проще говоря, по закону бутерброда, должно было после-

довать – в виде появления маман Шишкиной или вездесущей тёти Эли. Туши свет, сливай воду!

«М-м-м... Тушите свет...» В голову, совершенно не ко времени и ни к месту, полезли, рождаясь и громоздясь друг на друга, дурацкие строчки:

Тушите свет! Сливайте воду!
Окончен бал наш при свечах...
В который раз, не зная броду,
В любовь полезли вгорячах.
А нам за это – по мордасам!
Шестёрку бьёт козырный туз.
И охладели чувства разом,
И вместо кавалера – трус.
А надо было посмелее,
А не таиться, акимышь.
Патрициям, как и плебейам,
Красиво жить не запретишь.
Но у одних и так красиво,
А у других – всегда тоска.
И жмёт на спуск поэт тоскливо
В очередной раз у виска...

«Во! Выдал на-гора! И как быстро, и как складно! Впрочем, рифмовать глубокомысленную белиберду всегда получается быстро, эффектнее и эпатажнее. В поэзии вообще есть вещи непредсказуемые... – вздохнул про себя Александр. – Великий тёзка, например, разве мог предполагать, семь лет сочиняя «Евгения Онегина», что его энциклопедия русской жизни, как оценил роман Белинский, или который сам поэт называл «плодом ума холодных наблюдений и сердца горестных замет» и подвигом, будет изучаться младшими школьниками в виде отдельных стишочков: «Уж небо осенью дышало... Встаёт заря во тьме холодной... ...На красных лапках гусь тяжёлый... Зима!.. Крестьянин, торжествуя, на дровнях обновляет путь... Шалун уж заморозил пальчик... Гонимы вешними лучами, с окрестных гор уже снега...» Это анонимное цитирование романа в итоге приводит к анекдоту. Утверждала же на курсовом экзамене одна из шишкинских сокурсниц, анализируя картины природы, созданные классиком в романе, что «Мороз и солнце; день чудесный!..» и так далее, – тоже фрагмент «Евгения Онегина», а не отдельное стихотворение. Но это «Зимнее утро», которое поэт написал в ноябре одна тысяча восемьсот двадцать девятого года и которое было напечатано лишь на следующий год, в альманахе «Царское Село».

Не надо думать, что Шишкин-младший – ходячая литературная энциклопедия. Просто, под впечатлением истерики, которую устроила на экзамене несчастная сокурсница, он тогда перепроверил свои знания – залез в полное собрание сочинений АСа Пушкина, проштудировал пространные комментарии к роману и к стихотворению, предлагающему красавице проснуться. А потом вполне успешно сокурсницу утешил. Сопереживаниями и всем прочим, во что, зачастую, такие сопереживания выливаются или незаметно переходят. Как там у Шекспира? «Она меня за муки полюбила, а я её за состраданье к ним»? Вроде бы так Отелло о Дездемоне? Ну, там так, а у Шишкина – наоборот. Зато никто никого не душил и не резал. «Злодей мавр, а попросту говоря, араб, поначалу придушил бедную женщину до потери сознания, – если безоговорочно доверять тексту в изложении Пастернака, – а потом истыкал кинжалом. В акте судмедэкспертизы это бы изложили, наверное, так: «Потерпевшая скончалась

не по причине асфиксии, наступающей обычно вследствие удушения, а из-за множественных колото-резаных ран, нанесённых острым предметом...»

Шишкин угрюмо хмыкнул. После Машкиной атаки в мозгах действительно был полный сумбур. Вот и опять что-то стихотворное...

Уеду в Чмаровскую осень.
Там лепота и в небе просинь.
И сразу выдам там шедевр...

Дальше дело не пошло. Подходящей рифмы под «шедевр» в голову не лезло. «Консерв», «нерв»... Можно, конечно, вымучить что-то типа: «И сразу выдам там шедевр, // Такой, что вздрогнет каждый нерв». Но что-то подсказывало, что вздрагивающий нерв – это нечто новенькое в сфере медицины, но не поэтический образ. У лягушки подопытной, когда бедолагу током мучают, лапка вздрагивает, а не нерв.

Однако, уподобляясь закоренелому графоману, Шишкин-младший тут же внёс строчки в блокнот, который привык таскать в кармане и периодически пополнять озарениями в стихах и прозе. Для чего, и сам не ведал. Вроде бы в литераторы не намеривается. К сочинению прозы совершенно равнодушен, а стишочки... Пописывает, бывает, под настроение, но чаще – на потребу публике или по случаю. Оригинальничает и юморит, правильное сказать.

«Вот, кстати, вздрагивающий нерв в ироническом аспекте – вполне!» – отметил Александр. И опять вернулся в своих сумбурно-хаотических размышлениях к классикам из девятнадцатого века.

А все-таки немало общего у него с ними. Вот тогда эта мода: каждая молодая дворяночка обязательно обзаводилась красивым альбомчиком. Да и дамы постарше не гнушались подобным. И всякие гости «мужескага полу» в обязательном порядке заполняли страницы альбомчиков виршами-экспромтами и прочей лирической чепухой. Бог ты мой, ну почему это утрачено в нынешних «светских кругах»? Сколько шедевров, вышедших из-под пера (чаще из-под шариковой ручки!) Александра Сергеевича Шишкина, безвозвратно похерено! И чаще – по его же вине. Зачем надо было писать их на бумажных салфетках в кафе, на обрывках туалетной бумаги, вообще на какой-то обёрточной бумаге и промасленных газетных клочках при туристических вылазках и студенческих десантах на картошку? А уж на девичьих коленках и ляжках – в почти гусарском раже! – вовсе дурь!..

«Интересно, – тут же накатило в голову, – а хранит ли кто из прелестниц его строки, хотя бы в переписанном виде? Или они улетели в мусорные корзины и смылись под живительными струями душа или в благоухающих шампунем ваннах?»

Упоминание про ванну опять вернуло к недавнему происшествию, позорному отсиживанию в эротической осаде. И к новому поэтическому всплеску:

Обуреваема нирваной,
Дружить любила с ванной
Анна.
Но рядом падал на колени
В тоске и ревности
Каренин.
И удалялся топот конский —
Вновь ускакал куда-то
Вронский.
Нирвана тут же иссякала.
Бежала Анна

До вокзала.
А там – проклятый паровоз!
Он переехал! —
Не увёз.

Шишкин-младший отчаянно замотал головой, пытаясь остановить этот словесный понос. И заставил себя думать о... Машеньке Колпакиди. «Ей надо отдать должное. Девушка-то права... Козёл и прочее – это всё про него абсолютно справедливо. У неё – миг отчаяния, решительная попытка воззвать к обуереваемым её чувствам. А что у него? Хиханьки да хаханьки, посиделки унитазные...

Да и не в Машеньке дело. А любил ли кого он? Школьное – это не в счёт. Это – детство. Так любил или нет? Вряд ли. Тогда бы не бежал в это неведомое Чмарово. Неведомое... А вдруг, как раз там, где на неведомых дорожках следы неведомых зверей, его Русалка и обнаружится? Или Царевна. Вот сидит там, в чмаровской темнице или – какая разница! – светлице, поглядывает, милая, в окошечко, а тут и он – на белом коне!..

Кстати, о коне... Автобусом уехать или папан увезёт? Ежели б папан, то уж совершенно в строку – белая «Волга»... Не-е... Папану – некогда, про какое-то совещание трындец... Есть, правда, ещё один «белый» вариант – «персоналка» маман. Но заявиться на деревню в карете бывшей «скорой помощи»... Ага! И ещё чтобы на носилках из неё вынесли...»

Так и закончилась, в общем-то, первая наша история про Шишкина-младшего. Настырен оказался в своём устремлении свежеиспечённый педагог. И кто бы чего бы ни говорил, но на скрижалях истории добровольная ссылка урбанизированного юноши в село Чмарово конечно же будет высечена золотыми буквами, как первый подвиг главного героя нашего эпоса Шишкина Александра.

Подвиг второй

Чудесное явление народу, или Жертвенная смычка города и деревни

*Мы товарищи и братья —
Я – рабочий,
Ты – мужик!
Наши грозные объятья
Смерть и гибель для владык!*

Никифор Тихомиров («Красная газета», Петроград, 1919 г.)

1

На Чмарово обрушилось чудо. Точнее, два чуда. Одно за другим.

В субботу, двадцатого августа, пропылённый и угарно чадающий выхлопными газами рейсовый «ЛАЗ» страдальчески протрубил тормозами у сложенной из силикатного кирпича конуры конечной остановки и исторг из чрева, в числе двух десятков пассажиров-аборигенов, мотавшихся в областной центр по всяким своим надобностям, некоего чужака.

Чужак был стопроцентным. Всё его обличье попросту кричало об этом. Чмаровские бабы, а из города обратно в родное село они одни и катили с ребятнёй, – приедет-прибудет на новый учебный год-то надобно, – за несколько часов дороги разглядели попутчика подробно.

Молодой, годков двадцати пяти. На воробья повадками похож, особенно когда поначалу головой крутил, пейзажи за окном разглядывая. На воробья-то похож, но покрупнее будет, не дрищ задохликовый. А вот личико бледное, и всё на нём какое-то мелковатое: глазки маленькие, нос – острым клювиком, рот – куриной гузкой. Суетливый – эка ручонками и ножонками сучил, на сиденье елозя. Но сморило птичку быстро – через полчаса замоталась головёнка по спинке сиденья, затрепыхалась нижняя губёнка в сопении; даже пузыря пустил, отчего ребятня в автобусе прыснула, тут же заработав от мамок подзатыльники. И гардеробчик-то, отметили бабы, какой-то не такой, опять же объёмистая сумка-баул невиданная. А уж когда он, ступив на чмаровскую землю, спросил, где можно найти директора школы, – последние сомнения исчезли. Не нашенский – говорок-то окающий-гхакающий. Вот, поди ж ты, какого только народу по сибирским весям ни осело, откуль только ни переселились, а одно сибиряка с волжанином не спутаешь, а уж с акающим москвичом и подавно.

– ...А кличут ево Сергеем Ляксандровичом, – доверительно известила товарок баба Мотя. – Ажно из Анмавира прикатил!

– Это где ж такой город-то? – качая головой, спросила баба Дуся Анчуткина.

– Э-э-э, а ишшо в школе кашеваришь! – насмешливо бросила баба Мотя. – Это, почитай, у самого Чёрного моря. Кубань!

– От тё-тё! Занесло хлопца! – кудахнула Аграфена Пляскина, или попросту бабка Агафья, возле палисадника которой, на широкой и добротной лавке, товарки, пощёлкивая орешки-семечки, завсегда поджидали возвращения своих бурёнок с пастбища. А чего вечером по-соседски не почесать языки, особенно ежели новостей поднабиралось.

– И почо он у тебя, Матрёна, на постой-то встал, не на тебя ж, старую, польстился?

– Язык бы твой поганый подрезать! Э-э-э! – подтянула концы завязанного под подбородком платка баба Мотя. – И чо, вот, с сопливых лет, ты така подковыриста? Каво вечно несёшь...

Как будто не знашь! Одна кукую уж второй десяток, как свезли мово Володю, царствие ему небесное, на погост. Изба просторная. Вот Валентина и попросила нового учителя под крышу взять.

– Так при школе ж хвартера большуща пустует!

– А вот отказался Сергей Ляксандрович туды селиться.

– Ишь ты! Почо так?

– А я почём знаю! Мне ево сама Валентина привела, мол, так и так, квантирант-постоялец до тебя, а я и согласилась. Чо она, копейка, лишняя, ли чо ли? Да и рука мужская нужна – где дров подколоть, где чего на дворе подлатать. Сама-то я куды уже? Поизносила на восьмом десятке...

– А он хоть чего-то могёт, армовирский-то этот?

– Спрашивашь! – важно ответствовала баба Мотя. – Вчерась мне таку гору дров наворотил! Правда, зазря раньше времени с берёзовыми и лиственничными чурками связался. Витые оне, их по морозцу надо... Он, бабоньки, сам-то деревенский, в энтот Анмавире только в институте обучался. И то на кого, знаете?..

Баба Мотя взяла многозначительную паузу, неспешно смахнула шелуху от семечек в заметно пожелтевшую, вышарканную до чахлости траву под лавкой.

– Да знам, – усмехнулась баба Дуся. – Оглоедов наших труду будет обучать и навыкам крутить шофёрску баранку да тракторные рычаги дёргать.

– От тё-тё! – снова встрепенулась Агафья. – А у нас-то некому?! Да вон, на мэтэмэ иль лесопилке таких учителей – пруд пруди! Из Армавира слать! Через всю страну! Ополоумела власть...

– Не власть это, а бюрократы всякие из облонов! – отрубил баба Дуся. – Знамо, в теплоту черноморскую своих отпрысков рассовали, а парнишку деревенского – подальше, штоб глаза не мозолил...

– Имя там вообще учителя по труду ни к чему, – мрачно сказала Агафья. – При такой благодати само, почитай, всё растёт, а оне там и не работают – на базаре спекулируют! Обдирают, как липок, тех, кто к имя на курорты здоровье поправить приежат...

– Эка ты, Агафья, хватила! Меру-то знай! Почо зазря на людей-то наговаривашь! Сколь зерна вон на Кубани собирают! Чо уж совсем-то... Телевизор, поди, смотришь...

– Ага, а спекулянтов у имя нету?! И кумовства – прям никакого! Чё жа тады парня к нам сослали? Аль опять взяли властители наши за смычку города с деревней? От тё-тё... Шесть десятков годков смыкают, да чё-то не смыкаться... Хучь опять из «Авроры» бабахай! По бошкам бы имя бабахнуть!..

– Вот ты, Агафья, и ботало конское! – стряхнула шелуху с подола и баба Дуся. – Чё жа, чё жа... бабахнуть... Мотя, а постоялец твой што сказывает? Уж и взаправду, чудно как-то. В таку даль...

– Не, не сказывал. Он молчун по большей части. Мож, обживётся – разговорится. Каво он у меня... третий день, как заочевал. Утром чаю покушат – и в школу, а вечером дрова, вона, колол, воды из колодца полну бочку в сени натаскал. Хозяйственный, так, на первый взгляд... И не пьющий, не курящий. Я ему, после дров, с устатку, стопочку предложила – отказался, мол, не употребляю. Крестик – подглядела – носит!

– Но дак – на божницу посадить! – хохотнула Аграфена. – Ежели ишшо и холостяк, так вообще золото. Дуська, не зевай, выведывай тайной разведкой – для Ленки твоей! Ежели хлопек не окольцованный – прям сокровище-находка!

– А чо! Время покажет! Всяко бывает! – подбоченилась, встав с лавки, баба Дуся. – У меня что Ванятка с Васькой, что Ленка – и на лицо пригожи, и не лежебоки. И невестка – молодлица добрая, пригожистая, рукастая...

– И ж... пастая! – вновь не удержалась, вкрутила Агафья.

– Да уж есть, што мужику погладить! Не оглобля сухостойная, как некоторые... – И баба Дуся насмешливо оглядела худющую Агафью с головы до ног. Словно не слыша, Агафья тарактела дальше:

– А Васька-то твой?! Балабол! Шкодник! Да и Ленка... В сельпе своём только мужикам лыбиться и горазда!..

– А тебе чево надобно? Штоб она на покупателев гавкала?! – заступилась за дочку бабы Дуси Матрёна. – Дак у нас ты хучь кого облаешь!

– От тѐ-тѐ! Защытница нашлась! – Агафья покраснелась, ерзанула на лавке. – И все-то у тебя – золотцы самоварные! Ишшо неизвестно, чѐ такое постоялец твой. Не выпиват, табак не смолит, крестик носит... Крестик щас все носят, партейные и те. Вона, возьми сельсоветскую Таньку – крест золотой с грудями вместе из сарафана вываливатца – срамота! Девки, а можа, он сектант иноземный какой?!.. Оне, вона, тоже с крестами, тока не православными. А вот, так небось и есть! Вот ево и сослали подальше! В наши края завсегда таких...

– Эка тебя, старая, заносит! – засмеялась баба Дуся. – В энкаведе бы тебе служить, да времена те прощёлкала ты, подруженица!

– Ты не прошполкай! Аль запамятовала, што у напарницы твоей, Емельянихи, Лизавета на выданье – кровь с молоком! И на цельну пятилетку помоложе твоей Ленки будет! – Агафья тоже вскочила, скорчив ехидную гримасу.

– Будя, будя! – прикрикнула баба Мотя. – Вцепитесь, давай, друг дружке в космы-то да ишшо по улице потаскайтесь на потеху! Будя! Вона, и коровѐнки наши бредут...

Уже завтра подробности вечерней перепалки поблекнут и забудутся, как это бывало уже не раз. Но загадочный ореол вокруг Сергея Александровича Ашуркова заблестает ещё таинственнее и чуднее. А и вправду – самое крутое распределение выпускников, как правило, всё-таки за пределы региона не выходит. Что же закинуло двадцатитрёхлетнего армавирица из Краснодарского края за Байкал? За-а-гадка... Ну а уж тема для домыслов с пересудами – и подавно.

Но напомним, что в конце августа на Чмарово обрушились два чуда. Одно за другим. Так вот.

Второе объявилось тремя днями позже, во вторник, 23 числа. И тоже предстало добрым молодцем пред строгим ликом и немигающим взором Валентины Ивановны Непомнящих – директора Чмаровской средней школы, а по совместительству – супруги председателя местного колхоза «Заря XXII партсъезда».

– Поздравляю вас, Александр Сергеевич, с началом трудовой деятельности, – торжественно приподняла над идеально пустынной поверхностью двухтумбового письменного стола свои дородные тела директриса. – Надеюсь, что вы осознанно и надолго влились в наш небольшой, но дружный коллектив. Село у нас старинное, большое. Ребятни хватает. Плюс из четырёх близлежащих деревень к нам поступает контингент старшекласников. Поэтому ваша учебная нагрузка будет полной – с пятого по десятый класс. К тому же возлагаю на вас классное руководство в девятом «А». В прошедшем учебном году русский и литературу вела Маргарита Викторовна, она же осуществляла и классное руководство в девятом. Увы... – Директорша всем корпусом повернулась к окну и сурово дёрнула двойным подбородком на сереющую в отдалении блочную двухэтажку. – Маргарита Викторовна, к сожалению, задержалась у нас ненадолго. Муж из этих военных... – Валентина Ивановна не отводила взгляд от возвышающейся над деревенскими крышами блочной двухэтажки. – Дорогу здесь строят. Шоссе союзного значения, – пояснила директриса, не поворачивая головы. – А у военных – известное дело: сегодня здесь, а завтра – куда пошлют. Мужа перевели, и мы учителя потеряли... Впрочем, так и так потеряли бы года на полтора-два...

«А, ну да, – вспомнилось Шишкину-младшему, – ослепительная миледи Ангорская из облоно упоминала про уход словесника в декрет...»

– А ваше семейное положение?

– Свободен. В смысле, холост, – стусевался неизвестно почему Саша.

Теперь директорша с грацией главной башни линкора развернулась к молодому учителю и продолжительным взглядом обмерила его с головы до ног, отчего Шишкин испытал уже знакомый ему дискомфорт – как при греческом напоре по месту постоянного жительства.

– Ничего, – как-то нараспев проговорила Валентина Ивановна и сложила губы, отрезанные от толстых щёк глубокими складками, в подобие улыбки. В сочетании с суровым взглядом из-под тяжёлых век улыбка произвела на Сашу самое зловещее впечатление. «Крови попьёт, – подумал он. – Салтычиха... Однако это «оживление при сообщении о семейном положении»... Неужто тоже дочурка заневестилась?.. Да что же это за сказка про Колобка! Я от матушки ушёл, я от девушек ушёл, я от Машеньки ушел... Или вот это как раз Русалка на ветвях сидит или Царевна в темнице-светлице?..»

Молодой человек взбодрился. Но не в предвкушении встречи с Русалкой или Царевной. Коли есть тут такая – никуда она не денется. А из огня да в полымя... Пока, пардон, увольте! Отдышимся, оглядимся.

В текущий момент Шишкин-младший был уверен в твердости своих намерений грудью лечь в борьбе за только что обретенную свободу, в которую его из города привезла папашина «персоналка». И верилось в безбрежность и бесконечность этой личной, только им, Шишкиным-младшим, управляемой свободы. Ах, если бы молодость знала...

Да уж... При изучении общественных дисциплин в отгремевшее студенческое четырехлетие, филологу Шишкину следовало не столь легковесно относиться к непрофильным предметам, например к той же истории. Тогда он смог бы извлечь для себя массу поучительного из мирового опыта. Например, из причин падения Парижской коммуны или драматизма борьбы молодой республики Советов в кольце фронтов против беляков и иностранных интервентов. Или страстей французского двора. Но пока обретая свободу молодая романтическая личность запускала победные фейерверки и нирванила в тёплых водах эйфории.

По поводу своей роли в учебном процессе учитель Шишкин сильно не переживал. С детьми ладить получалось – это показали учебные практики в школах и прошлым летом в пионерлагере, где Саша отгарабанил две смены вожатым, а третью – старшим вожатым. Директор лагеря, милейшая Галина Михайловна, на своего помощника нарадоваться не могла, приглашала на новый сезон. Неплохо, конечно, было бы денег подзаработать, но какой уж лагерь минувшим летом: июнь заняли «госы», июль и половину августа – военные сборы. Дух, разве что, перевёл и – сюда, на сельскую ниву. По закону, конечно, отпуск выпускнику вуза полагался, только начинать свой первый, в роли учителя, учебный год с запозданием не хотелось.

– ...Старшеклассников из малых деревень, приписанных к нашей школе, родители в понедельник привозят, и ребята до субботы живут в нашем интернате, – продолжала вводить нового педагога в курс дела директриса. – Учителя там по графику дежурят, на пару с воспитателем, чтобы в вечернее и ночное время был порядок, уроки учили. И опять же – поле для внеклассной работы со старшими классами. Хорошо, что ещё один мужчина добавился, – удовлетворённо произнесла школьная начальница и с удвоенной суровостью глянула на учителя. – Какие-то нерешённые вопросы есть?

– Вопрос, по существу, один. Я, так сказать, с корабля на бал.

Александр кивнул на притулившуюся у дверей объёмистую сумку.

– Как мне сегодня с ночлегом определиться? Какая-нибудь гостиница-заезжка у вас же есть? Ну а завтра... Надеюсь, посоветуете, у кого комнату можно снять...

– Гостиниц и постоянных дворов у нас нет. – Директриса в очередной раз строго глянула на нового кадра. – И комнату снимать вам абсолютно ни к чему. – Она двинулась к дверям. – Комнату вам предложить не могу, а квартиру для вас держим... Трёхкомнатную... Сейчас познакомьтесь с Иваном Терентьевичем, нашим завхозом. Он вас и проводит.

– Круто! – вырвалось у Шишкина. Он подхватил сумку и двинулся следом за снисходительно хмыкнувшей директрисой.

Они вышли через своеобразный «чёрный» ход, ведущий из коридорного закутка П-образного здания школы на школьные зады – в огромный, как «поле, русское по-о-ле», двор.

Справа и слева чернели ещё две постройки. В просвете между ними просматривалось нечто типа стадиона: посыпанная шлаком беговая дорожка, футбольная площадка, если судить по вкопанной паре подобий футбольных ворот, сваренных из внушительных стальных труб и сверкающих свежей ядовито-синей эмалью. В дальнем, левом углу двора, похоже, устроены теплица и огород.

– Это у нас складские помещения, – повела рукой влево Валентина Ивановна, – а это, – повела рукой направо, – второй учебный корпус. Там у нас классы начальной военной подготовки, труда и автотракторного дела.

Второй учебный корпус поблескивал с видимой стороны тремя парами небольших окон и внешне представлял собою попросту сложенный из потемневшего от времени кругляка длинный бревенчатый дом с невысоким крыльцом и широкими завалинками.

Вот такими и виделись всегда Шишкину-младшему какой-нибудь сельсовет или изба-читальня на страницах прочитанных им романов про сибирскую глубинку на изломе веков. Ещё бы плакат кумачовый с меловым лозунгом «Долой безграмотность!» над крыльцом да злобного кулака-мироеда с обрезом в кустах поблизости. Нет, эффектнее цельную банду, типа колоритных хлопцев батки Ангела из «Адъютанта его превосходительства»: «Бей красных, пока не побелеют! Бей белых, пока не покраснеют!» Тачанки с «максимами», мутный самогон в четвертях. И тут – раз! – неуловимые мстители: «Ку-ку!» – и «вдоль дороги мёртвые с косами!..»

А вот «складские помещения» – тоже бревенчатого исполнения – мгновенно вызвали другую ассоциацию – амбар! Классический амбар! С широкими двустворчатыми дверями, по диагонали перечёркнутыми увесистым стальным пробоем с внушительным висячим замком. Это уже – как иллюстрация к «Угрюм-реке»!..

От «амбара» поспешал, чуть прихрамывая, низкорослый дедок лет семидесяти. «Во! И дед Шукар в наличии!» – весело подумалось Шишкину. И походочка, и улыбочка! Он даже невольно настроился на частушечные прибаутки, которые сейчас обязательно должны посыпаться из деда. Но вблизи ничего «шукаринного» не оказалось. Суровый, а ля Феликс Эдмундович, взгляд рашипилем скользнул по молодому педагогу.

Завхоз угрюмо уставился на директора школы.

– Познакомься, Иван Терентьевич. Наш новый учитель русского языка и литературы Александр Сергеевич Шишкин. Покажи теперь квартиру ему, – низко и лаконично прогудела Валентина Ивановна и, величественно повернувшись, скрылась за дверью «чёрного» хода.

«Теперь... ему...» – Александр не преминул отметить странность фразы.

– Пошли... учитель, – с непонятной, но совершенно не располагающей к дружелюбному знакомству интонацией буркнул завхоз и двинулся в обход школьного здания.

Вступили в небольшой скверик-палисадничек, миновали правую половину здания. Терентьич толкнул калитку в белёном густой известью штакетнике, оградившем прижавшийся к школьной стене табунок молоденьких топольков.

И оказались на хорошо утоптанной и посыпанной гравием площадке перед «парадным» входом в школу, куда меньше часа назад батина «персоналка» и доставила Александра.

От главного школьного входа – высокого, просторного, с прочными массивными перилами крыльца, спускающегося десятком широких ступеней из толстенных лиственничных плах, свежеразкрашенных жёлто-коричневой половой эмалью, – вниз, к центру села, простиралась широкая улица.

По обе её стороны белели силикатным кирпичом однотипные дома под шиферными крышами. Разве что только один дом из правого ряда несколько выделялся: как-то посolidнее смотрелся, наверное, потому, что был чуть повыше, да и крыша крыта оцинкованным железом.

Завхоз шустро гнал впереди, что заставило Шишкина прибавить шагу и невольно настроиться на изрядную прогулку по селу.

Когда Шишкин-младший вкатил на тёмно-зелёной «Волге» в Чмарово, он увидел просторные деревенские улицы, по которым разбрелись вереницы столбов с электропроводами, ныряющими от белых колокольцев изоляторов под крытые железом и шифером крыши основательных бревенчатых изб. У каждого дома – обязательный палисадник с двумя-тремя яблонями ранетками и черёмухой, добротные заборы и ворота с неизменными лавочками-скамеечками у калиток.

На всё село просматривались лишь три двухэтажных здания. Самым монументальным выглядел, конечно, Дом культуры на пригорке – с колоннами при входе.

Под пригорком, в центре села, устроилась, как потом оказалось, контора правления колхоза, занимающая во второй двухэтажке верхний этаж, куда надо было подниматься по наружной крутой железной лестнице, на первом же располагались отделение связи и сберкасса.

А вот третье здание было жилым, квартир на шестнадцать. Это на него смотрела из окна своего кабинета директриса. И когда она сказала про квартиру, то Шишкин так и подумал, что вот в этой-то блочной двухэтажке она и располагается. Этакое благоустроенное гнёздышко для представителя передового отряда сельской интеллигенции, к коему с сегодняшнего дня он, Александр Сергеевич Шишкин, и примкнул.

Но «лже-Щукарь» повёл его совершенно в противоположном направлении. А там ничего «городского» не наблюдалось.

С высоты своей долговязости, насколько она позволяла, Шишкин-младший сумрачно обозревал самую дальнюю деревенскую перспективу, но и там ничего цивилизованного не просматривалось.

Оказалось, что так далеко сельские виды разглядывать никакой необходимости не было.

– Заходи, – буркнул завхоз метрах в двухстах от школьного крыльца. И толкнул щелястую калитку, открывшую проход через заросший лебедой и прочими лопухами дворик к обложенному силикатным кирпичом дому.

Миновав два больших окна, вслед за завхозом Шишкин завернул за угол и, вертя головой по сторонам, поднялся на крыльцо в три ступеньки.

Картина прояснилась. Дом на две квартиры. Двор, разделённый пополам невысоким заборчиком. Два крыльца. На правой, если стоять к дверям спиной, обжитой половине двора чувствуется хозяйская рука: всё чистенько, прибрано, летняя кухня выстроена, сарайчик-гараж аккуратный, за ним – явно банька. Вдоль внешнего забора – нескончаемая, в человеческий рост поленница дров.

Завхоз порылся в карманах выдавшей виды телогрейки, забренчал ключами, отпирая висячий замок на довольно лебезной двери. Вошли на просторную, светлую от огромных окон-стен веранду. Непосредственно в дом путь преградила уже более прочная, толстая дверь, с врезанным замком. Изнутри дверь была обита толстым серым войлоком. «Тепло держать», – догадался напрочь городской Шишкин.

Квартира пахнула свежим запахом краски. На полу она ничем не отличалась от той, которой сверкало школьное крыльцо. Зато оконные переплеты пронзительно синели вместе с подоконниками и наведённой на кухне до уровня глаз панелью. Краска явно была из той же банки, что использовалась для покраски так называемых футбольных ворот на заднем дворе школы.

Собственно, с кухни квартира и начиналась. Прямо напротив входной двери белела боками и ржавилась чугунной плитой с конфорками здоровенная печь, с распахнутой сейчас, такой же чугунно-ржавой, дверцей. Под большим кухонным окном стояли выдавший виды

стол и подходящие ему по возрасту две табуретки, без затей выкрашенные той же синей краской. Слева от входной двери возвышался Мойдодыр-умывальник, справа всю стену занимала вешалка для одежды: сверху – полка для шапок, пониже – доска с дюжиной или поболее крючков для одежды, а у самого пола – доска, видимо, для обуви. Так оценил невиданный им прежде предмет мебели Шишкин-младший.

Завхоз, оставляя на свежеевыкрашенном полу жирные грязные отпечатки, гулко протопал прямо.

– Вот, тут зала, а тама, – он ткнул левой рукой от себя, – тама, жеж, ещё одна. Туды я кровать занёс и пару постельную с матрасом.

Он развернулся на каблуках и вышел снова на кухню. Теперь уже ткнул правой рукой.

– Тута третья комната.

Бросил на стол замок от входной двери и ключи.

– Давай, устраивайся. Ежели, жеж, пока кастрюлями и прочей кухонной утварью не обзавелся, – то имей в виду: колхозная столовка коло сельпо, только, жеж, до пяти работает. А сельпо, жеж, – до семи. Давай...

Завхоз вышел, а Шишкин вдруг поймал себя на мысли, что завхоз Иван Терентьевич напоминает ему... Маленький, тщедушный, в круглых очочках... Ба!.. Если переодеть завхоза из телогрейки в кожаную куртку... «Да это ж на редкость удачная помесь! Кабы к карликовой худобе Николая Ивановича – так вроде звали бериевского предшественника Ежова? – да приставить очкастую круглую физиономию Лаврентия Палыча... То-то у него и взгляд железного Феликса! Да уж... Чекист! Вот такой соцреализм! Гоголю и не снился», – усмехнулся про себя Шишкин.

Он поставил на пол сумку и прошёлся по выделенным хоромам. Метражом, конечно, они впечатляли. Кровать в «ещё одной зале» оказалась стандартной армейской койкой с панцирной сеткой, а «постельная пара» – двумя простынями и суконным одеялом казённо-сиротского образца и цвета: хоть в солдатскую казарму, хоть в пионерский лагерь, хоть на «зону». Поверх одеяла валялась тощая ватная подушка.

Шишкин вышел на веранду. По правую руку дощатая стенка, когда-то оклеенная каким-то обоями, отрезала кусок веранды под чулан. Александр потянул на себя, тоже дощатую, дверцу. Так и есть, кладовка. Пара проржавелых вёдер, две лопаты, штыковая и совковая, метла, ржавый топор и такой же ржавый здоровенный совок. Вдоль боковой стены громоздились сложенные друг на друга узкие деревянные ящики-корытца. Задняя стена кладовки граничила со второй половиной дома.

Притворив дверь кладовки, Александр шагнул на крыльцо. Оглядел окрестности. Прямо, метрах в десяти, его половинка двора заканчивалась покосившимся серым заборчиком, подпиравшим такую же серую дощатую уборную. Далее простирался заросший бурьяном, как и половинка двора перед Александром, пустырь, полого переходивший в овраг, на крутом противоположном склоне которого влево и вправо разворачивались нескончаемой лентой разномастные, прилегающие друг к другу встык заборы – тылы подворий, относящихся уже к соседней улице.

А вот слева, за аккуратным, но тоже невысоким, от силу в три четверти среднего человеческого роста, забором, высился тот самый, выделяющийся на улице солидностью дом, вблизи больше похожий на особняк – блестящая цинком крыша, белого кирпича с красными стенами, утопающие в побуревшей по сезону зелени черёмух и ранеток. Ни дать ни взять – огромный шмат сала с прожилками в укропе и петрушке. Для Гулливера, например...

– Председательские хоромы!

Шишкин вздрогнул и обернулся на голос.

С соседского крыльца его с любопытством разглядывала миловидная, улыбчивая женщина лет тридцати. Невысокая, крепко сложенная, с пышной высокой грудью, прямо-таки

взрывающей пёстрое домашнее платье. Оголённые до плеч сильно загорелые руки, такое же загорелое, круглое лицо с приятными ямочками на щеках, пшеничные, пышные волосы, выбившиеся прядкой из-под лёгкой ситцевой косынки, завязанной назад. Женщина упирала в левое бедро большой эмалированный таз, доверху наполненный мокрым бельём. Весёленький яркий передник завершал картину.

– А вы наш новый сосед? Здравствуйте!

И голос приятный, грудной.

– Добрый день, – улыбнулся Шишкин. – Получается, так, – развёл он руками.

– Очень приятно. Значит, будем соседствовать. Тут до вас наш агроном проживали, в прошлом году уехали в райцентр, сельхозотделом в райисполкоме заведует. А квартира так и стояла пустая. Вы к нам в школу учительствовать? Наверное, русский с литературой преподавать? Или вы военруком? Он у нас в прошлый Новый год замерз – с местными военными выпил лишку, а до дому три шага не дошёл, заснул в сугробе... – Соседка оказалась разговорчивой.

– Нет, я – первое. Литературу и русский язык.

– Как у нас в этом году мужчин в школе прибавилось! Трудовик приехал, теперь вы. Трудовик – из Армавира! Представляете! Его сначала сюда хотели поселить, а он отказался.

– Что так?

– А мне, говорит, такие хоромы ни к чему. У бабы Матрёны поселился. Очень ему баб-матрёнины куры приглянулись! – залилась колокольчиком соседка.

– Куры? – недоумённо переспросил Шишкин.

– Ага! А вы ещё с ним не перезнакомились? Ой, он какой-то чудной!. Про курей Матрёне так и сказал! Буду, говорит, вам, баба Матрёна, помогать их рóстить, а вы меня за это – яичками кормить. Больше всего на свете, говорит, яички люблю! Ха-ха-ха!

Соседка снова громко и так заразительно засмеялась, что не мог сдержаться и Шишкин.

– Вот как, – отсмеявшись, сказал он, – уже нахохотались, а познакомиться, уж простите, не удосужился. Меня Александром зовут.

– А по батюшке как? Неудобно, ведь вы учитель.

– Да что вы. Не на уроке же...

Шишкин-младший старался отвести взгляд от выреза платья-сарафана. Получалось плохо.

– Учитель есть учитель, – убрав со щек ямочки, серьёзно сказала соседка. – А вы наш педагогический закончили?

– Наш. Вы, так понимаю, тоже?

– Да, только естественно-географический факультет. Ах, кажется, это было так давно...

Ой, извините... Таня.

– А по батюшке?

– Татьяна Сергеевна, – ямочки на щеках соседки возникли теперь довольно кокетливо.

– Ну, да мы почти тёзки, – улыбнулся Шишкин, – Александр Сергеевич.

Соседка снова залилась смехом.

– Если у вас ещё и фамилия Пушкин!..

– Тут уж извините. Шишкин.

– Ха-ха-ха! Почти угадала! Шишкин, Пушкин – какая разница! Да вы и похожи! Ха-ха-ха!

«Вот, действительно, стандарт мышления», – с раздражением подумал Александр. Это обыгрывание фамилий тянулось за ним ещё с института. Шишкин-Пушкин, Пушкин-Шишкин!

– Ой, извините, извините меня! – Соседка слегка покраснела. – А я в сельсовете секретарствую. А мой Николай на «Кировце» тракторит. Остапчуки мы. У нас с Колей – погодки, Кирюшка с Валюшкой. Кирюшке девять, нынче, вот, в третий класс пойдёт, а Валюшка – во

второй. Кирюшка весь в отца – молчун, а Валюшка в меня – весёлая! Вот погодите, послезавтра отец их привезёт – шуму будет! Поехал за ними к бабушке. Они целый месяц у Колиной мамы гостили, на Украине. Коля-то мой не из местных. В армии здесь служил – вот тогда мы с ним и познакомились. Тут у нас и прикипел... А вам – самое время желания загадывать! Да-да! У председателя нашего, Потапа Потаповича, дочка младшая – тоже Татьяна, как я. Меж двух Татьян поселились! Знаете, что такие желания сбываются?

– Слышал, – улыбнулся Александр. – У председателя дочка, значит?

– Нет, только младшая, студентка она, в мединституте на зубного врача учится. А старший – сын, Егор. Он на мэтэмэ инженером работает...

– Извините... Мэтэмэ – это...

– Да-да, машинно-тракторные мастерские, – деликатно опередила соседка и продолжила тарыхтеть про председательскую семью: – Егор политехнический институт окончил. Чуть постарше вас будет. Но не женат. А вы?

– И я.

– Да вы что! Ну надо же! – всплеснула руками соседка – таз с бельём уже давно стоял на крыльце – и снова залилась колокольчиком. – А вот мы вас и сосватаем! У нас невест – полным-полно!..

Соседка сыпала и сыпала. Шишкин-младший снова перевёл взгляд на председательский особняк. Вот тебе и не падает снаряд дважды в одну воронку! Перед глазами возник ясный, до мельчайших деталей, образ Машеньки Колпакиди. Вариант превращения Машеньки в тетю Элю выглядел более оптимистично, чем некто производный в обратную сторону от облика директорши. Хотя... Чего это он запаниковал-то? Совершенно нет причин. Не на аркане же его... Но всё равно что-то не по себе. Будто ты никто и звать тебя никак – оженем, сосватаем... «Вот хрен вам в сумку!» – раздражённо и совершенно нелитературно подумал Шишкин и... испуганно посмотрел на тараторившую соседку-молодку. Слава богу, а то показалось, что вслух ляпнул!

– Ой, заговорила я вас! – опять всплеснула руками соседка. – Обустройвайтесь, отдыхайте с дороги. Отдыха вам немного осталось – первое сентября на носу! По себе знаю: чем меньше времени, тем больше дел. А Валентина Ивановна у нас – ого-го! Директор стро-о-гий! Ещё меня учила. Не дай бог...

Соседка резко убавила звук.

– Сами увидите – Она многозначительно опустила глаза, но тут же вновь приветливо вскинула взор на нового соседа. – Мой с ребяташками приедет – заходите по-соседски на чай. Ну, не буду задерживать! Очень приятно было познакомиться!

Она упорхнула в дом.

2

Упоминание о чае вызвало в животе урчание. Шишкин-младший только сейчас сообразил, что с утра ещё ничего не ел. Дорога из города быстро утрясла завтрак, больше напоминавший поминки, а сейчас уже и обеденное время миновало. Ташиться в местный общепит не хотелось. Впрочем, маман чего-то там в сумку толкала. Конечно, это «чего-то» в сухомятку жевать радости мало. Чайку с молочком не помешало бы.

Но до Шишкина, поначалу несколько удивлённого и даже покоробленного подчёркнутым переносом «на потом» соседского гостеприимства, при таком вроде бы вполне приятном, доброжелательном знакомстве, уже дошло, что пока на соседский чай рассчитывать не приходится. Татьяну можно понять. В отсутствие мужа чашку чая нальёт – как этот чай аукнется через сарафанное радио? Соображать ему, городскому пижону, надо. М-да... Ну, с приездом вас, Александр Сергеевич!

Шишкин вернулся в квартиру. Да уж, впечатляла. Обе «залы» – квадратов по шестнадцать, третья комнатка чуть поменьше. Такая же кухня, просто тут печь размеры скрадывает.

«Здоровенная охабазина... Кочегарь – не хочу. Прогреть зимой три комнаты... Дрова жрёт, наверное, со страшной силой...» – уныло подумал новосёл и снова вышел на крыльцо.

Соседский двор уже был расцвечен двумя рядами выстиранного постельного белья и всякой детской одежды. А вот на собственные нынешние владения у Александра и глаза бы не глядели.

«В степи под Херсоном высокие травы...» Заросли здоровенных бурых прошлогодних бодылей и буйной бурьянной поросли нынешнего угасающего лета действовали на психику. Александр шагнул с крыльца и дёрнул ближний куст – ага, куда там! – травяной пучок в руке, а корень – ни с места. Это сколько же времени надо, чтобы очистить двор! Проще на пару с Сизифом камни катать.

Прошагав до дощатых «удобств», Александр обнаружил искомое: затаившееся в бурьяне нечто, напоминающее чурки. Именно напоминающее, убедился он, подойдя поближе: пяток сучковато-рогатых пней-чудовищ, которые, как показалось, мог на поленья расколоть только динамит. И уж совершенно не тот ржавый топор из чуланчика.

«Однако... – с ещё большей унылостью подумалось Шишкину. – С дровами надо решать завтра же. По ночам-то уже совсем не лето...»

На обратной дороге к крыльцу запнулся о проржавленную тонкую трубу. Догадался – летний водопровод. У крыльца обнаружил и столбик трубы с краником. Покрутил на нём барашек – тонкая струйка оросила бурьян. Александр прошёл на веранду, погромел в кладовке ведрами, выбирая самое сносное. Подставив его под струйку, прошарил кухню и выволок из-за печки пересохшую до жестяного треска тряпку сомнительной чистоты. Как мог, прополоскал её в ведре и протёр на кухне и в «зале» следы завхоза. Ну, вот, с первым «хазэром» вас, милейший Александр Сергеевич! Теперь у вас и такое заделье имеется...

Голод – не тетка сердобольная, пирожка не подсунет. Но маман действительно постаралась натолкать в сумку съестного по максимуму. Оказалось, что сухомятка не грозит. Обнаружился маленький китайский термос с какао, которое Шишкин-младший обожал с детства. Какао, конечно, подостыло – термосок-то так себе, – но с мамиными ватрушками ушло за милую душу.

– Не надо печалиться, вся жизнь впереди!

Вся жизнь впереди – наелся и спи! —

пропел повеселевший Саша и подумал, что, наверное, так и надо поступить. А вот завтра с самого ранья...

И тут же сурово себя одёрнул. Ишь ты – завтра, завтра!.. Почти полдня ещё впереди – самое время обозреть внутренний школьный интерьер, класс русского языка и литературы. И может быть, познакомиться с кем-нибудь из будущих – хотя уже настоящих! – коллег.

Он вышел из квартиры, запёр хоромы на замок и подался к школьному зданию. Почти сразу же узрел у калитки «Чекиста» и хмыкнул: надо же, вот уже и прозвище завхозу приклеил. Не брякнуть бы только вслух «на автомате»... Интересно, а какое за ним в селе водится? Говорят, на деревне без этого не обходятся. А по имени-отчеству? Ах, да, Иван Терентьевич...

– Иван Терентьевич! – закричал Александр.

Завхоз вздрогнул и замер.

– Иван Терентьевич... – подбежал к нему Шишкин. – Как хорошо, что мы с вами не разминулись! Не подскажете, как с дровами проблему решить, а то там нет ничего?..

– Где там? – мрачно переспросил завхоз.

– Ну, так, там, куда вы меня...

– Уже решено, – перебил завхоз. – Завтра привезут. Но не колотые! – И он испытующе поглядел на молодого учителя.

– Ну, так это не проблема! – бодро откликнулся Александр. – А в вашем магазине топоры продают? Там, в кладовке, какой-то есть, но уж больно видок у него – сплошная тупая ржа.

– Продают, – скривился Иван Терентьевич, – только и там топоры, которые, жеж, ещё до ума доводить надо. Вот что... – Завхоз окинул Шишкина цепким взглядом работоторговца. – Пошли, я тебе колун выдам. Ты им любую чурку развалишь.

Колун и впрямь соответствовал обозначенной теххарактеристике. К почти метровой толстой арматурине был приварен широкий, почти в две ладони, стальной клин. Бугрился от многочисленных вмятин обух, а тупое, в зазубринах лезвие выглядело настолько сомнительно, что Александр глянул на завхоза с подозрением. Тот усмехнулся, подволок колун к разбросанным тут же, у склада, таким же страшным, что и у Александра во дворе, чуркам.

И, неожиданно, с каким-то разбойничьим хеканьем, ловко, без заметного усилия, взметнув над головой эту, мягко сказать, увесистую железяку, завхоз ухнул ею по ближней чурке.

Хрясь! – Чурка тяжело распалась на две половины, обнажив на свежем расколе тучу сучков и перевитых древесных жил.

– От так от вот! – удовлетворённо набирая полную грудь воздуха, сказал Иван Терентьевич. Крутнул, не отрывая от земли, колун и сунул в руки Александру отполированный, надо полагать, множеством рук конец арматурины-топорища.

– На, владей... тока не сломай – имущество, жеж, школьное! – Сурово предупредил, без тени усмешки. – И посреде двора не оставляй, в избу заноси. Народ у нас хороший, но сопрут. – И выдал ещё одно очередное наставление: – В рукавицах коли, а то, жеж, все руки себе отобьёшь. Колун, конечно, мощный, но на берёзовом топорище был бы куда бравее... Ежели, жеж, с этим намаешься, то тады купи в сельпе другой, на деревянное топорище насадим.

С колуном, перехватив в руке поудобнее пудовое, как показалось, стальное орудие (даже подумалось, что псов-рыцарей на Чудском озере такими, вот, под лёд, скорее всего, и спроваживали!), Александр и отправился в экскурсию по школе.

Поначалу заглянул в окна «второго учебного корпуса», но ничего там толком не разглядел. Станочки какие-то, верстаки, вроде бы. И сопровождаемый от склада-«амбара» цепким взглядом завхоза, подался в главное школьное здание. Вот учительская, класс истории, класс математики и физики... Ага, а вот и его рабочее место! Александр дернул дверную ручку, но оказалось, что класс заперт. Пошёл в учительскую.

Из-за стола у окна на него вскинула глаза миниатюрненькая, да и вся какая-то такая миленькая курносенькая девчушка в весёлых каштановых кудряшках и конопушках. Вот эти кудряшки, эта миниатюрность, эти конопушки не позволяли с ходу определить её возраст. «Что это за Дюймовочка? – подумалось Александру. – Старшеклассница или учительница? А... учительница, наверное, младших классов...»

– Здравствуйте! – бодро и громко поздоровался он.

– Зд-д-ра... – Дюймовочка вскочила со стула и даже, как показалось Шишкину, вжалась в простенок между окнами. Опешив от такой реакции, он на мгновение и забыл, для чего заглянул в учительскую. В замешательстве поудобнее перехватил колун.

– Э-э-э... Не подскажите, где можно ключ... от кабинета русского языка и лите...

– Там, – ткнула дрожащей рукой куда-то Шишкину за спину «Дюймовочка».

Шишкин повернулся в указанном направлении и только тут сообразил, чем так напугал девушку. Ещё бы! Ввалилась эдакая долговязая фигура с колунищем! Нападение злобных викингов на незащитное славянское поселение!

– Извините, – только и нашёлся сказать Шишкин. Увидел на стене небольшой ящичек с застеклённой дверцей. В ящичке, под маленькими ярлычками с надписями, на гвоздиках висели ключи. Александр взял нужный.

– Извините, – ещё раз промямлил он и задом-задом отступил в коридор, пряча руку с колуном за спину. Только тут перевёл дух и даже улыбнулся – вот так страшилки и сплетни и порождаются! Даже не познакомились. Зато растрывает небожь: у словесника «не все дома»!

В кабинете русского языка и литературы, как и предполагал, чего-то оригинального не увидел. С выбеленных известкой стен его взыскательно разглядывали классики отечественной литературы – стандартный, изданный в непонятные времена комплект чёрно-коричневых ликов. Справа от чёрной двухметровой доски к стене был добротнo присобачен стенд «Пиши «ча», «ща», «жи» и «ши» правильно». С левого от классной доски простенка по-доброму щурил глаза дедушка Ленин, а над самой аспидной доской просторно, во всю её длину, располагался транспарант с цитатой из Тургенева: «О великий, могучий, правдивый и свободный русский язык!..» – «Который так часто трудно удержать за зубами», – мысленно дополнил классика Александр.

Три ряда массивных деревянных парт с откидными крышками и желобками для ручек и карандашей резали глаз всё той же синей краской. Парты и двухместные скамейки, являющие собой в паре единый предмет школьной мебели, прямо-таки в ностальгию кинули. Реликт из далёкого ученичества Шишкина-первоклассника! Сиживал за такой! Правда, кроме желобков для карандашей и ручек, были ещё круглые ямки для чернильниц-непроливашек – писали-то пёрышками, не шариковыми авторучками! И чернильницы в школу носили в мешочках, стянутых тесёмкой. И чистописание было! Мучение несусветное – прописи, округлые букочки, с нажимом где положено и где положено соединяющиеся друг с другом... Зато дрянских почерков почти ни у кого не было, не то что теперь – сплошное лапокуриное позорище! Э-э-эх!

За партами, всю заднюю стену под потолок, занимал внушительный книжный стеллаж, полки которого были заставлены потрёпанными и новенькими учебниками по русскому языку и литературе для всех классов – с пятого по десятый. Лежали и стопки больших картонных папок. «По-видимому, с дидактическим материалом», – подумалось Александру. Ну что, класс да и класс.

В школьном коридоре было пустынно, гулко и неуютно. Ядовито-синяя дверь с табличкой «Учительская» оказалась заперта. Александр повертел в пальцах ключ от кабинета, сунул его в карман и вышел на главное школьное крыльцо. На верхней ступеньке сидел мужичок неопределённого возраста и дымил сигаркой.

– Добрый день, – поздоровался Александр.

– Ага, и тебе того же, – откликнулся мужичок и косо глянул на молодого учителя. – Чего по школе с колуном бегашь?

– Да я, это... – смутился Александр. «Вот ведь Дюймовочка! Уже панику подняла... пошло-поехало...» – Иван Терентьевич дал, дрова колоть.

– Па-а-нятно, – сказал мужичок.

Поднялся и протянул руку.

– Прокопыч. Сторожу тут.

– Александр, – пожимая шершавую ладонь, назвалcя Шишкин. – Русский и литературу буду преподавать.

– Ага, – кивнул Прокопыч. – Но, давай, до завтра. Один ты тут засиделся. Давно пора замок навесить. – И сторож так тяжело вздохнул, швыряя потухшую сигарку под крыльцо, словно ожидал исхода народа из школы дольше, чем Р. Крузо спасения со своего необитаемого острова.

Вечерело. И даже смеркалось.

Александр дотопал до, теперь уже своей, щелястой калитки, прошуршал по еле угадываемой среди сорняков тропке к «удобствам во дворе».

«Изучил» сие сооружение с достаточной степенью осторожности. Оказалось – вполне устойчиво, хотя амбре... «Хлорки, что ли, у завхоза попросить? Наверняка у него есть...» Повертел головой: и побелить надо, обязательно побелить, снаружи и внутри.

Снова подхватил колун, поудобнее взялся за арматуру-топорище обеими руками, широко расставил ноги и, вскинув эту увесистость высоко над головой, ухнул по ближней чурке. Колун со звоном спружинил назад и вонзился чуть ни по обух в землю рядом с правой кроссовкой: чуть бы правее – прощай конечность! А в руки, по локти, ахнуло такое электричество, словно Александр в трансформаторную будку их сунул! Мля-а!

Шишкин перевёл дух, дотащился, волоча колун за собой, до крыльца, зло бросил мастодонта на веранде. Долго шарил по карманам куртки непослушными руками, отыскивая ключи. Они оказались – кто бы сомневался! – в заднем кармане брюк. Наконец, отпёр дверь в квартиру и ввалился в кухню-прихожую, всё ещё ощущая «электричество» в дрожащих руках. Мля-а...

Куда-то делся напоминавший о себе по дороге позыв к ужину. Видимо, электрошоковыми процедурами людей можно лечить от голода... Александр с тоской представил себя перед египетской пирамидой чурок, которые назавтра пообещал завхоз. Сразу же потускнела ранее созданная в сознании красочная картина обычного сельского утра чудо-богатыря Шишкина А.С.: «Раззудись, плечо, размахнись, рука!..» Мда-с...

С тем и поднялся с табуретки, прошоркал на веранду, защелкнул на внутренней стороне входной двери обыкновенный оконный шпингалет. Подумав секунду, затащил колун в дом. Добротная дверь с веранды в квартиру заблокировалась куда основательнее – на кованный крюк. И это успокаивало.

Александр допил еле живое какао из термоска, застелил постель, разделся и залез под одеяло, которое ощущалось тетрадной промокашкой. Затылком отыскав в комковатой подушке максимально удобное положение для головы, потянул из кармашка стоявшей у кровати сумки книгу. Но в комнате было уже настолько сумеречно, что читать – только глаза портить, а зрение и так не ахти – без пяти минут очкарик. Так в военкомате сказали, на медкомиссии, прежде чем выдать документы запасного офицера, посоветовав налегать на морковь. Томик современного американского детектива полетел обратно в сумку. «Лампу настольную надо купить», – подумал Александр и поплотнее завернулся в одеяльце.

Но заснуть не получалось.

«Редкая птица долетит до середины Днепра... Редкий человек сразу заснёт на новом месте»... На родном филологическом они любили играть в эту игру: кто остроумнее построит, на первый взгляд, парадоксальную, логически бестолковую, с не связанными, как может показаться, меж собой элементами, конструкцию. Типа «В огороде бузина, в Киеве – дядька». Чего только не рожали: «Что с возу упало – то топором не вырубешь», «Одна голова хорошо: кобыле легче!», «Хрен редьке не товарищ», «Не имей сто рублей, а имей наглую рожу», «Как много девушек хороших... мечтают втайне о плохом».

Иногда дело доходило до таких глубокомысленных философско-филологических сооружений, что не сразу и врубишься. Одногруппница Лика, манерное, постоянно витающее в неких эмпиреях анемичное создание с выстриженной чёлкой и томными глазами поэтессы-кокаиистки Серебряного века, выдала однажды: «На Бога надеешься – лезь под трамвай». Конструкцию встретили с недоумением. Но Лика, снисходительно вздыхая от непроходимой тупости собеседников, половину «окна» между учебными парами разъясняла, что её постулат – квинтэссенция скрытого мистического смысла, которым наполнен роковой эпизод на Патриарших прудах из третьей главы булгаковского «Мастера и Маргариты», когда председатель МАССОЛИТа Берлиоз посредством трамвая лишился головы. В общем, классическое про Аннушку, разлившую масло, у Лики не прокатывало. Она смело и решительно взламывала существующие стереотипы литературоведческих стандартов и штампов.

Шишкин хмыкнул. О, какие высокоинтеллектуальные, какие заумные споры они вели, будущие педагоги-филологи! Какие уничижительные характеристики выдавали талантам мировой литературы! Смех! Через неделю с небольшим всё это окончательно превратится в химеру. Вот и он, учитель Шишкин, минимум на три года наденет вериги сеятеля. В отличие от той же заумной Лики. Куда, кстати, её распределили? А никуда. «Предки» пристроили – вроде бы секретарствовать в облизполкоме... Мда-с... «Сейте разумное, доброе, вечное!.. Сейте, филологи, черт вас дерит!..» Какао, объединившись с дорожными и прочими впечатлениями минувшего дня, убаюкивало. Глаза начали слипаться...

Оглушительный стук в оконное стекло подбросил на панцерной сетке. От внезапного пробуждения сердце колотилось где-то в гортани. Шишкин соскочил с кровати и кинулся в «первую залу», где в окно и долбили.

В полутьме за стеклом маячила здоровенная фигура.

– Сосе-ед! Открывай! Чо так рано завалился? Детское время! – прогреготал басом владелец здоровенной фигуры.

У Шишкина неприятно заныло под ложечкой, он прошлёпал к дверям, откинул крюк, шагнул на веранду и сдвинул шпингалетик на наружной фанерной преграде. На крыльце уже раздавалась тяжёлая поступь. Шишкин отступил через веранду и кухню в «залу», натянул на тощие ноги спортивное трико.

– Здорово, сосед! – снова прогремел сочный бас. В дверном проёме, заполнив его без остатка, вырос заросший чёрной щетиной мужик и сумрачно оглядел молодого учителя.

«Кулачьё на тебя разобиделось...» – мелькнула в голове строчка из песни.

– Да ты и впрямь уже дрыхнуть завалился? Не, это не по-нашему. Собирайся! С дороги само то в баньке попариться, грязь дорожную смыть...

– А вы кто? – робко спросил Шишкин и щёлкнул выключателем. Кухня озарилась тусклым светом маломощной лампочки, низко свисавшей на скрученном проводе с потолка.

– Егор, – протянул лапищу мужик. – Со знакомством, так сказать.

– Александр. – Шишкин попытался обхватить пятерню гостя. Тот снисходительно посмотрел на узкую костлявую ладонь учителя и сжал её с наслаждением. Шишкину показалось, что кухонная лампочка вдвое или втрое усилила накал.

– Ну, во-от... – протянул с ему одному понятным значением мужик Егор. – Давай собирайся. Ну там... рубаху, ли чо ль, накинь. И куртку возьми. А так-то и не надо больше ничего. Всё есть. Пошли.

– Сейчас... Полотенце возьму... – пролепетал Александр.

– Сказал же, всё есть, – прогудел мужик. Он повернулся и побухал огромными ножищами в серых от пыли кирзачах на крыльцо.

«Какая, на хрен, баня? – вертелось заевшей пластинкой у Александра в голове. – Какой Егор? Почему Егор? Сосед-то... м-м-м... Николай. Точно, Николай! Но соседка сказала, что только... через два дня с детьми приедет... Что за Егор? Какая баня?..»

А сосед Егор и впрямь из калитки повернул не к соседской половине дома, а направо. Шишкин покорно плёлся сзади. Миновав узорный штакетник председательского палисадника, Егор повернул кованое кольцо на массивной, высокой и глухой калитке.

– Заходи... Рекс, нельзя! – Команда адресовалась здоровенному, под стать мужику Егору псу непонятной породы, свирепо оскалившему блеснувшие в сумраке клыки и недобро блеснувшие своими зырками.

«Смесь бульдога с носорогом, – опасливо поглядел на мохнатую псину Шишкин. – Но носорога в этом волкодаве заметно больше...»

Они прошли через просторный двор, вымощенный серой ромбовидной плиткой, обогнули большой цветник, пахнущий в вечерней свежести на Шишкина ураганным цветочным ароматом – вся парфюмерия отдыхает! «Красиво живёт председатель!» – подумал Шишкин.

Он уже сообразил, что мужик Егор – это тот самый Егор, сын председателя колхоза, про которого щебетала соседка Татьяна. И, стало быть, старший отпрыск директрисы Валентины свет Ивановны. Которая, видимо, и нацелила глыбу-Егора на соседскую заботу о молодом пополнении педагогического коллектива вверенного ей учебного заведения.

«Вот они, добрые сельские традиции, – с окатившей сердце тёплой благодарной волной подумалось Шишкину, – попариться с дороги, запросто так, по-соседски...»

Вслед за Егором он пересёк наискосок второй, штакетником отделённый от первого, тоже мощёный дворик, но поменьше размером, и оказался перед небольшим домиком, обитым снаружи проолифленной вагонкой.

У двери домика голубела объёмистая ванна, даже не ванна, а целый мини-бассейн, почти до краев наполненный водой. Лампочка над входом в баню неяркая, потому глубина прямоугольной ванны показалась изрядной, дна не видать.

– Заходи, – прогудел, сгибаясь у притолоки Егор. – Смотри тут, косяк лбом не собери.

Они оказались в залитом ярким светом предбаннике, наполненном незнакомым Шишкину, но смутно что-то навевающим, древесным духом.

– Чуешь? – довольно гуднул Егор. – Чистый кедр! Это ещё что. Вот когда в парилке поддашь – вот тогда да!..

Точно! Теперь древесный запах распознался. Пахло кедровыми орехами. Нет, даже не так – смолистыми кедровыми шишками. Отец не раз привозил по осени такой таёжный гостинец. «Это сколько ж лесин на эту баньку ушло?!» – Шишкин непроизвольно принялся считать венцы в предбаннике.

– Давай, учитель, не стой. Разболокайся, пойдём кости погреем, – пробасил Егор. Он скинул свою пёструю рубаху, обнажив перекатывающиеся под густой чёрной порослью клубы мышц, уселся на собранную из толстенных плах лавку, кряхтя, потянул с ноги сапог.

Глядя на всю эту Егорову мощь, Шишкин окончательно почувствовал себя дистрофиком. Мощь и мощи. Ему даже стало стыдно своей долговязой щедедушности. Раздевался медленно.

Егор скептически оглядел тощего Шишкина и покровительственно кивнул:

– Кости есть – мясо нарастёт. Мы тебя, учитель, откормим. У нас – красота! Мяса и сала хватает, сметаны с маслом – хоть ж... ой ешь. Ниче... Откормим! – Он стащил второй сапог, скинул брюки и трусы, вздыбился с лавки и потянул тщательно подогнанную дверь в парилку.

Оттуда пахнуло таким жаром, что Шишкин мгновенно покрылся испариной.

– Давай, давай, – нетерпеливо позвал Егор. – Ишь чо, пока за тобой ходил, как выстудило! Ничо... Шас поддадим парку!

Виноградины пота покатались у Шишкина по спине чуть ли не на пороге парилки. Егор взялся было за ковшик, но, глянув на учителя, усмехнулся и опустил на полоч.

– Подыши пока. А нос рукой прикрой. Обжигат?

Шишкин молча кивнул.

– Ниче... Попривыкнешь. Я тоже не сразу... Но батя приучил... Я пока учился в «политене», веришь-нет, извелся без домашней бани. Как домой вырвусь – первым делом сюда... Омолаживает... Ну, как, а?

– Для первого раза, чувствую, достаточно... – прогнусавил Шишкин через приложенные к лицу ладони.

– Ну, смотри... Посиди там в предбаннике... Под столом банка с квасом – попей, полезно... А я ещё чуток...

Шишкин выскочил из парной, услышав напоследок, как Егор бухает ковш воды на камни. Он с испугом представил, что сейчас сюда, в духмяный предбанник, взрывной волной взбесившегося пара вышибет дверь парной.

С ужасом оглядел себя – казалось, увидит волдыри ожогов. «В чём тут кайф? Такая нагрузка на сердце, на весь организм...»

Прошло ещё минут пятнадцать. Наконец, распахнулась дверь в преисподнюю, и оттуда вывалился красный, как варёный рак, Егор. Лосем пролетел через предбанник наружу. «Довыпедривался, гуран ядрёный!» – не успел съехидничать про себя Шишкин, как услышал снаружи тугой удар и всплеск. «Убился! В ванну бухнулся!! Захлебнётся!!!»

Прикрывая чресла полотенцем, сорванным с вешалки у входа, Шишкин выскочил наружу с уже нарисованной перед глазами картиной: потерявший от перегрева в парилке сознание сын председателя колхоза пускает пузыри в ледяной воде ванны-бассейна. Вот так эпилог у первого деревенского денька!

– Красота! – громыхал довольный Егор, раскидав конечности по ванне-бассейну. – Вот что ты пока теряешь, сосед! Красота-а! Иди ещё погрейся, а потом – сюда! Омолаживает! Попробуй! Верить-нет, красота-а! Давай! – Он с шумом поднялся из ванны и, стеной надвигаясь на Шишкина, загнал его в предбанник. Отобрал полотенце, подтолкнул, распахнув дверь, в парную.

– Давай! Мужик ты или как! Давай, учитель, давай! Ур-ра!

И они снова оказались в парной. На этот раз, и впрямь, было полегче. И высидел Шишкин подольше. Когда подался в предбанник, Егор ткнул пальцем в спину:

– Сбегай, нырни-мырни! Омолаживает!

«А почему бы и нет?!» – осмелел Шишкин, пробежал через предбанник и ухнул в ванну. Вода не ожгла холодом, как он предполагал, обволокла приятно и расслабляюще.

– Вылазь! – проревел, высунувшись из дверей, Егор. – Попервости контраст короткий. А то можно заместо здоровья воспаление легких схватить. Давай в тепло!

Шишкин нехотя вылез из воды и... сразу ощутил, что на улице не лето. Передернувшись всем телом, юркнул в предбанник.

– Худющий! – повернулась к матери от окна Татьяна. – Армавирский поупитаннее будет... Хотя тоже... не сказала бы...

– Откормишь, коли сладится! – коротко ответствовала Валентина Ивановна. – Егорша, вон, в десятом классе в сорок шестой размер влазил, а теперь? Медведь!

– Вообще-то, мамо, ни ты, ни я... никто ничего про него не знает. Первый день, а вы такое затеяли. И сама номер отколола, и Егора втянула. Вот папка-то не знает!

– Я тебе, Татьяна, вот что скажу... – грозно прищурилась Валентина Ивановна. – Училась ты в школе неплохо. В медицинский тоже сама, без нашего родительского участия, поступила. И там пока без «хвостов» три курса отучилась... Чего же у тебя одно только полушарие варит-то?! «Номер отколола!» Ты с матерью выражения выбирай! Что же ты думаешь, – ещё больше сощурила глаза Валентина Ивановна, – я, педагог с тридцатилетним стажем, заслуженный учитель РэСЭФэСээР, увидела сегодня мальчика на пороге своего кабинета и сразу – ах?! Да я немедля после институтской комиссии справки навела – кого ко мне в школу распределили? Сразу! Что за фрукт, с чем его едят...

– Ну и как? Фрукт или овощ? Сырым или вареным трескать?

– Не ехидничай! Неумно! – Мать постучала пальцем о кромку стола. – Характеристику дали неплохую: из интеллигентной семьи, наш батяня с его отцом в бюро обкома вместе заседают, мать – главный санэпидемврач области. Учился хорошо, не шкодничал, активно занимался общественной работой. Стенгазеты выпускал, в активе комсомольском состо...

– А мне с ним не на съезд ВээЛКаэСэм ехать! – огрызнулась дочь. – И вообще, мамо, ты уже со своими женихами... Мне учиться надо, а не...

– Ду-у-ра... – протяжным слогом подытожила мать, с сожалением качая головой. – Дура набитая... Ты вокруг-то глянь! Мужики и парни запились-закурились. Где он, принц, а?

Губы Валентины Ивановны сложились в намёк на усмешку.

– На белом коне – согласна! – в день по двадцать раз мимо окон могут проехать! Лошадей на колхозной конюшне хватает, в том числе и белой масти. А вот принцы где? Где принцы, а?

Она с таким удовольствием вновь и вновь коверкала титул королевской крови, что Татьяна на мгновение испугалась, а не нашло ли на мать эдакое краткое умопомрачение... В институте читали лекцию про подобное. Опять же осень... Обострение... Хотя... Вещи мать говорит правильные, вот только времена несколько поменялись...

– Ты, Татьяна, конечно, барышня взрослая. – Валентина Ивановна покрутила в руках чайную ложечку, внимательно её осмотрела и аккуратно положила на блюдце. – Взрослая и, видимо, вполне самостоятельная, коли тут так с матерью разговариваешь. Дело, конечно, твоё. Совет мой, а решение тебе принимать. Опять же из семьи парень, повторю, уважаемой. Мамаша – гроза санитарная. Понятно, что связи по медицинской линии огромные. Отец – большая шишка на железной дороге. Смекаешь? Это тебе не зубы дёргать в поселковой или пусть районной поликлинике. Медицина в железнодорожном царстве-государстве – ого-го! А пока-то этот Александр у меня три года на глазах будет. Три года!.. Вот и ты присмотришься. А через три года – и у тебя институт позади, и у него отработке по распределению конец. Вот и определитесь. Думаешь, я не понимаю, что на селе вам перспективы никакой? Но есть областная столица. И мы с отцом там тоже не последние, вес имеем. Жизнь пора строить, доча, а не в прынцев играть!

– Как ты всё распланировала! – возмущённо посмотрела Татьяна на мать. Вскочила со стула и дурашливо раскланялась. – Благодарствуем, маменька! А кадры, благодетельница вы наша, сундуки приданым набивать начнём? А приданое-то богатое даёте? Ежели нет – повешусь!

– Ладно, закончим! – отрезала Валентина Ивановна и грузно повернулась к настенным часам. – Ну, запарит, Егорша кавалера до смерти.

– Опять в ванну бултыхаются! – захихикала Татьяна, снова прилипнув к окну. – Ой, мамо, но какой же он таки ху-дю-щий. Скелет! А вот задница у него породистая, ничо-о!

– Татьяна!!

– А чего я такого сказала?! Я, что ли, все эти ваши бани затеяла! Сначала этого армавирского Егор накупывал, теперь этого... Зубы ещё надо, как у лошадей, посмотреть... Но армавирский, на мой взгляд, поаппетитнее будет, – опять хохотнула Татьяна. – Особенно когда голышом из бани выскочил – есть на что...

– Татьяна!!! – гневно гаркнула Валентина Ивановна. – Распустилась ты в своём институте! И до чего же вы, медики, циничный народ! Натаскивают, что ли, вас там специально! Вот так вы и к больным – без сострадания. Не зря я против была! Хотя ты... – Мать махнула в сторону дочери полной рукой. – С детства пацан пацаном. На велике гонять, драться, вечные казаки-разбойники, ранетки соседские обдирать... Вот чего ранетки-то было драть? Своих, вон, сколько! И какие!

Она бросила взгляд за окно, в палисадник, хотя там уже мало что можно было разглядеть.

– Отец специально, самый отборный сорт от селекционеров привёз! Яблоки, а не ранетки!

– Чужие, мамо, всегда слаще. Аль своё детство позабыла? Бабушка, царствие ей небесное, про тебя такое рассказывала...

– О-о-о! – недовольно протянула Валентина Ивановна. – Наслушалась, старую... Да я...

– Ага! – рассмеялась дочь. – Ты – великий педагог, а всё остальное было давно и неправда!.. Ой! – Татьяна глянула в окно. – Идут!..

3

Разомлевшему учителю Егор как ультиматум поставил, отрубая все робкие возражения: – К нам пошли, по рюмочке чаю выпьем. Возражения не принимаются. Не по-нашенски это.

Благотворительная акция «Забота и внимание», как полагал молодой учитель, продолжалась.

На крыльце столкнулись с вернувшимся домой главой семейства. А и вообще главой всего, что теперь окружало Шишкина-младшего. Всемогущий властитель Чмарово Потап Потапович Непомнящих!

От могучей фигуры председателя колхоза веяло силушкой богатырской и прямо-таки физически ощущаемой уверенностью. И роста-то чуть выше среднего, а исполином кажется. На мощной шее – грубовато вытесанная голова, но седой вьющийся русый чуб и плотно прижатые уши резкие черты лица скрадывают, а может, такое впечатление создаёт то и дело появляющаяся на лице улыбка, обнажающая полоску крепких и белых, непрокуренных зубов.

– А ну-ка, поворотись, сынку, побачу, какое нам пополнение область подослала? – шутливо продемонстрировал свои литературные познания Потап Потапович. Протянул для рукопожатия клешню. Таковую же, как у Егора. Но пожал учителю ладонь деликатно, силой не кичась.

– Заморила, однакось, тебя жизнь студиозная. Но не беда – у нас жирок нагуляешь!

«Да они что, стоворились, что ли!» – Шишкин тихо зверел. До появления на селе он как-то не задумывался о своей комплекции. Личные телеса его вполне устраивали. А тут... И сам уж устыдился собственной худосочности, и это: «откормим», «жирок нагуляешь». Словно телка или кабанчика на откорм решили поставить. Интересно, к Новому году или по случаю шестидесятилетия Великого Октября «на свежанинку» пустят? Неужто успеют за два месяца откормить?

Тут же представил всю картину в красках. Как он ежедневно чавкает над корытом, довольно похрюкивая, как набирает килограммы и округляется, обрастая сальцем и щетинкой. А потом к нему, тихим погожим октябрьским утром, когда уже «вьются флаги у ворот, пламенем сверкая», ласково улыбаясь и пряча тесаки за спиной, медленно, но неотвратимо подкрадываются глыба-Егор и Потап Потапыч...

– Подышим пяток минут? – взломал басом ледящую картину Егор, вытягивая из нагрудного кармана рубашки мятую пачку «Примы». – Пока батя умоется-переоденется к столу, яду глотнём.

– Не, спасибо, – отказался Шишкин

– Че, с фильтром предпочитаешь?

– Да я вообще не курю.

– И че, никогда не курил? – изумился Егор.

– Нет. Попробовал в седьмом классе, не понравилось.

– А насчет картошки... дров поджарить? – Егор красноречиво провёл тыльной стороной ладони по горлу.

– Не фарисействую.

– Чево?! – Егор чуть не уронил сигарету.

– По поводу и в меру! – засмеялся учитель.

– А-а-а...

Егор выпустил паровозный клуб дыма в усеянное крупными и, казалось, совсем близкими звёздами небо.

Александр зачарованно рассматривал небосвод – в городе не так.

Молчали. Потом, как-то извиняюще запинаясь, Егор буркнул:

– Ты... это... че... верующий, ли чо ль?

– Почему?! – изумился Шишкин.

– Но дак... Крестик, вона, носишь.

Шишкин покраснел.

– Да это всё мать... Придумала чего-то... Когда уезжал, вот попросила надеть...

– Нормально, – прогудел Егор. – Мать – это святое.

Кто бы спорил. И у Шишкина-младшего, как ни стремился он к свободе, что-то внутри задрожало, когда хмурый отец и маман, с глазами, полными слёз, молча сидели за завтраком. Потом батя похлопал его по плечу, сказал, что они обязательно вскоре приедут поглядеть, как он устроился, – в бытовом смысле и на новом месте, – и, сумрачный, уехал на службу.

А маман, печальная и разом осунувшаяся, вдруг принесла из спальни свою шкатулку с побрякушками и вытащила из неё нательный крестик на цепочке. Потянула сыну:

– Сашенька, сынок... Надень, прошу. И не снимай нигде... – Заплакала. – Ты уж там... Береги себя...

– Ты чего, чего? – задрожал подбородком Шишкин-младший и, пытаясь как-то снизить градус драмы расставания, неловко принялся ёрничать:

– Член партии комсомольца крестом осеняет! Религия – опиум для народа...

– Опиум, опиум, – согласно кивнула маман, правда, плакать прекратила. – Наверное, опиум... Но ещё и народные традиции есть. Это – как оберег, народное...

Шишкин-младший и сейчас, вспомнив этот утренний эпизод, который уже не казался сегодняшним, а каким-то далёким, нереальным, тяжело вздохнул.

– Да, – пророкотал над ухом Егор, – воздух, Сашок, у нас отменный. Только полной грудью и заглатывать. Вот так выйдешь на сон грядущий покурить – красота! На таком воздухе уж действительно сигаретку выкурить – сплошное удовольствие! Омолаживает!

Он легонько хлопнул учителя по спине.

– Однако пойдём – родня небось изнывает. – И загадочно хмыкнул.

Родня не изнывала, но любопытство присутствовало отчётливо.

«Прямо, смотрины устроили!» – подумал Шишкин, которого «второе попадание снаряда в воронку» уже смешило. Подумалось, что прав был классик, подметивший, что история повторяется: случается трагедия, а повтор – жалкий фарс. Вроде так сказал классик, а может быть, наоборот. Это сути не меняло. «Хорошо хоть председателява дочка лицом не в мамашу... Конечно, ничего особенного, но физиономия не топором рублена... Но вот комплекцией они все мощные. И с годами разнесёт дочку вширь поболее маман-директрисы... Да уж – не перевелись богатыри и богатырши на земле русской...» – размышлял Шишкин, прихлебывая ароматный и густой чай со сливками.

До чая Потап Потапович налил по стопке беленькой. Шишкин выпил, но от второй отказался. После бани его и так развезло, а тут и вовсе почувствовал, что косеет. И перешёл на чай, изгоняющий хмель. Директриса с дочкой тоже выпили по рюмочке какой-то наливочки, а председатель с сыном опрокинули и по третьей, и по четвёртой, наворачивая с картофельным пюре сочные котлеты величиной чуть ли не с калошу. Шишкин осилил только одну – больше не смог физически. В семействе Непомнящих, как ему показалось, таковой праздник желудков – обычный ужин. Разве что водка с наливочкой выставлены.

Глыба-Егор картошку и котлеты ел вприкуску с толстенным ломтем подового хлеба, увенчанным такой же по размерам пластиной начесоченного сала, хрумкал белыми молодыми луковичными головками и пупырчатыми огурцами. Потап Потапович ел степенно, но уговаривал под чёрные солёные грузди уже вторую «калошу». А вот дамы – манерничали. Директриса отпивала маленькими глоточками чай из стакана в подстаканнике, покручивая в толстых пальцах карамельные обертки, а девушка Татьяна больше брякала чайной ложечкой, всё размешивая и размешивая сахар в янтарном напитке, высветлить который пытался извечный враг чайного колера – лимон.

На гостя старалась не смотреть, уводя взгляд то в угол, то в скатерть, отчего Шишкину-младшему всё больше и больше хотелось девичий взгляд поймать. Поймать и убедиться, что он ошибается, что всё более овладевающая его сознанием навязчивая мысль – глупа и ошибочна. Но девичий взгляд ускользал снова и снова. И Шишкин-младший так и не понял в тот вечер: косоглазит Татьяна, или это он только себе в голову втемяшил.

Разговор за столом больше походил на необременительное анкетирование гостя. Что, где, когда и прочее. Задают вопросы, на которые давно знают ответики. И Потап Потапович лично знаком с Шишкиным-старшим по разным партийно-депутатским делам да заседаниям. И о маман Шишкиной наслышаны, понятно, самое уважительное. Да уж... Прокачали Непомнящие-старшие загодя максимум «информации к размышлению». Татьяна и Егор в «анкетировании» участия не принимали. Последний и вовсе вскоре поднялся и ушёл на крыльцо дымить. А Татьяна устала в телевизор, где в очередной раз «тени исчезали в полдень».

Напоследок Валентина Ивановна спросила, как молодой учитель устроился на новом местежительство.

– Если что-то по хозяйству требуется, обращайтесь без стеснения, у нас на селе всё по-свойски, без затей и церемоний.

На том и расстались, чинно.

Глыба-Егор вывел гостя мимо утробно урчащего скрытой угрозой монстра Рекса к калитке, сжал на прощание до посинения руку и остался смолить сигареткой, пока Шишкин-младший не скрылся во дворе своих сельских апартаментов.

Но уж теперь-то разомлевший Александр моментально погрузился в глубочайшую нирвану сна. И одеяльце не казалось промокашкой, и комки ваты в подушке не ощущались...

Разлепил глаза только в десятом часу утра.

«Тьфу ты, чёрт собачий! Проспал! Стыдоба-то какая! – только и повторял он, путаясь ногами в брючинах. – Ну, вот что Валентина Ивановна подумает?! Вчера так всё благообразно... Э-э-эх!»

Со злостью глянул на будильник. Будильник оказался невиноват, сделал всё, что мог.

Шишкин пулей полетел в школу. Во входных дверях столкнулся с ровесником. Поздоровались.

– Сергей... Сергей Александрович Ашурков. Учитель труда...

– Александр. Александр Сергеевич Шишкин. Русский и литература.

Синхронно-равнодушно обозрели друг друга.

Дипломатично улыбнулись банальному: один – Александр Сергеевич, другой – Сергей Александрович.

«Шишкин-Пушкин... Чем-то смахивает...» – подумал трудовик.

«Рожей лица не Есенин. Будем надеяться, и стишки не кропает...» – подумал словесник, вспомнив институтских графоманов. Спросил:

– Директор не собирала?

– Ещё не появлялась, – ответил Ашурков. – А завуч здесь.

– Как её?

– Хм... Вилена Аркадьевна. Кстати, про тебя спрашивала.

– Круто! – восхитился Шишкин, мысленно тут же автоматически наградив пока неизвестного ему завуча прозвищем Баррикадьевна. – А чего спрашивала?

– Да, вот, мол, вчера приехавши, а ещё в глаза не видывала.

– Ну, пойду знакомиться, – вздохнул Шишкин.

– А я пойду чайку попою, – с улыбочкой сообщил Ашурков.

Вилена Аркадьевна-Баррикадьевна, мумия малых форм и древних лет, встретила молодого словесника максимально деловито. В ответ на лучезарное: «Доброе утро! Позвольте представиться...», сухо отрекомендовалась по имени-отчеству и занимаемой должности и тут же перешла к делу, объявив Александру, какова его учебная нагрузка в неделю. Оказалось, по максимуму: ежедневно, включая субботу, по шесть уроков во всех классах, с пятого по десятый.

Повторила уже слышанное Александром от директрисы: комплектность такова, что школа работает в одну смену, всех классов – по одному, короче, все – «А». Но ребятни в

младших и средних, включая восьмой, с избытком – по тридцать-тридцать пять, а вот старшие, девятый и десятый, малокомплектны: двадцать пять человек в девятом да девятнадцать в выпускном.

– После восьмого немалое число подростков подаётся в профтехучилища и техникумы, в унисон с родителями полагая, что десятилетка без получения профессии – блажь, – осуждающе сказала завуч. – Беда только в том, что наши юноши и девушки, оказавшись в городе, вне родительского глаза, проникаются всей этой городской вольницей и нередко катятся по наклонной...

Завуч так посмотрела на Александра, будто это именно он один из создателей, организаторов и вдохновителей пагубной для сельской молодёжи атмосферы городских пороков и миазмов.

Особо Баррикадьева подчеркнула, ещё больше засуровев взглядом, что и она, как завуч, и директор школы, по должности и как словесник по специализации, обязательно регулярно будут посещать уроки молодого учителя, а следовательно, заранее знакомиться с его план-конспектами на каждый урок.

«Круто...» – подумал Шишкин, уныло представив, сколько лишней писанины ему предстоит. План на урок, конечно, нужен, но расписывать классический, по всем требованиям методики преподавания, конспект... Это же, получается, тридцать шесть конспектов в неделю!

Баррикадьева Шишкину не понравилась. Как не старался он общаться с нею с максимальной приятственностью и уважительностью, смотрела с плохо скрываемой, даже можно сказать, откровенной подозрительностью.

Откуда ж было знать молодому педагогу, что их первому общению предшествовал телефонный разговор завуча со знакомой из района. Стоило Вилене Аркадьевне проведать, что к ним едет краснодипломник, выкормыш семейки довольно обеспеченной, но упёрто решивший работать в сельской школе, – самые недобрые предчувствия закопошились в её душе.

– Не «декабрист» ли какой? Они ж в студенчестве натворят бог весть чего, погрязнут в городском разврате, а потом в бега. Студенты, сама же знаешь по всей нашей российской истории, завсегда так. Только воду мутить горазды! – бубнила Аркадьевна в телефонную трубку.

– Да нет вроде, – неуверенно возразила районная чиновница. – Характеристика положительная, общественник, учился хорошо. Его даже на кафедре какой-то хотели оставить, а он отказался, дескать, «на земле» прежде поработать надо. Добровольно он к вам.

– Вот это и подозрительно! Карьерист! – безапелляционно вынесла вердикт завуч. – Наши из деревни бегут, а тут городской к нам ломится. Карьерист!

– Дорогая моя! Молодые нынче так карьеру не делают! – со знанием дела заявила чиновница. – Нынче они вовсе на школу забили. Куда угодно, только не в школу!

– А чего же этот?

– Знаешь... – помолчав, таинственно сказала знакомая. – Тут что-то индивидуальное, личное... Мне так кажется. Разговаривала я с одной своей приятельницей из облоно... Ну ты её знаешь, по телефону не буду. Она в комиссии по распределению заседает. Так, говорит, этот мальчик упёрся – и ни в какую! Дескать, только в село! Может, его краля в вашем селе...

Теперь задумалась Вилена Аркадьевна, просеивая в голове чмаровские девичьи резервы. Ответила категорично:

– Ерунда! Ничего стоящего! Танька у Валентины, но эту я с горшка знаю – не то! Вот разве что...

– Ну-ну?!

– Вы кого директорствовать на Кашуланскую восьмилетку поставили?

– Да ты што! – ахнула в трубку районная чиновница. – Назарова?! Не может быть!

– Очень даже может! – убеждённо заявила Аркадьевна. – В позапрошлом году институт закончила. А по какой специальности, а?

– Русский язык и литература... – прошептала потрясённо в телефонную мембрану собеседница. – Русский и... Да нет, Назарова замуж вышла. Насколько я знаю, ребёнка ждёт...

– Да-да! Умненькая, шустрая, смазливая... – торжествующе раздалось на другом конце провода. – А учились они вместе! Два года разницы – чушь, никакой роли не играет! Сейчас это вообще сплошь и рядом. Ребёнка ждёт! Ещё неизвестно, от кого!.. Аферист он! Диверсант! Сам смоемся и в Кашулане школу обезглавит! Дивер-са-ант!

– Вот горазда же ты ярлыки клеить! И декабрист, и карьерист, а теперь ещё аферист и диверсант. А-а! Вот что я вспомнила! И как упустила! Подруга-то моя из облоно сказала же, что не выбирал он сам ни школу, ни село! Мол, куда пошлёте. А ты уж, Аркадьевна, и Назарову приплела! И про дитя накрутила страсти! «Диверсант», «школу обезглавит»! Откуда в тебе столько... подозрительности?!

– Это не подозрительность! – оскорблённо выпалила в трубку Вилена Аркадьевна. – Элементарная бдительность и предусмотрительность!

– Ну да... Этим ваше поколение поболее других отличилось. Особенно бдительностью...

– Все бы такими выросли! Страну из крепостничества вырвали. Гитлера разгромили. Из руин поднялись. Гагарина в космос... А целина?!

– Наше тоже не лыком шито. Вручную поля в тетрадах чертили. Сейчас кому из школяров ни скажи – не поверят... Ладно... Через пару недель приеду обязательно, погляжу, как там у вас учебный год начался, каково методическое обеспечение...

– О, уж в этом ваша чиновья рать поднаторела! Проверки, инспекции – не продохнуть!

На том завуч и районная чиновница, крайне недовольные друг другом, разговор и закончили.

Однако он натолкнул Вилену Аркадьевну на одну мысль. И катализатором как раз сработало упоминание о молодой директорше Кашуланской восьмилетки. Мало что там плетёт болтушка из района. А как и вовсе про случайный выбор школы – сказочка для простачков? И прислали молодого да раннего, чтобы как в Кашулане? Поработает годик-другой да и подсидит Валентину? Конечно, если под самим председателем кресло зашатается... А если не зашатается? И кто у нас тогда наипервейший кандидат на замену? Тут и гадать не надо! Кто через полгода восьмой десяток разменяет? Вот то-то и оно!

Вилена Аркадьевна с ненавистью глянула на своё отражение в стекле створки книжного шкафа. И исключительно в силу служебной обеспокоенности, тут же твёрдо преисполнилась намерениями обрести максимум всех тех знаний-богатств, которые выработало человечество в отношении молодого учителя.

В общем, и Шишкин Баррикадьевне не понравился. Такое вот обоюдное чувство возникло.

Ну с Баррикадьевной всё понятно, а вот бедный Шишкин...

«Мда-с... «На бору со звонами плачут глухари, плачет где-то иволга, схоронясь в дупло...» – вздохнул Шишкин-младший. – С Серёгой Есениным, конечно, всё понятно: чего же у него от этих плачей не будет на душе светло, коль впереди, судя по тексту, маячит страстное общение с противоположным полом, а мне каково?..»

Авторучка зависла над очередным тетрадным листом, потому как мысль ещё дальше вильнула от темы описываемого урока.

«Кстати, а какого чёрта иволга залезла в дупло? Вроде бы птичка в кронах гнездиться должна, хотя, кто её знает... Надо, при случае, глянуть в энциклопедии. Если классик бухнул про дупло спьяну или для рифмы, то умненькая ремарочка, при случае, получится...»

Уже два дня Шишкин строчил конспекты будущих уроков, в который раз скорбно поглядывая на заготовленную стопу общих тетрадей с намалёванной им на обрезках маркировкой: «5-й кл.», «6-й кл.»... «10-й кл.». Содрогнулся в очередной раз. Мать моя женщина! Это же

всё надо будет исписать за учебный год! Да и хватит ли ещё по тетради на класс. А как директриса и Баррикадьевна докопаются до него по полной программе? Туши свет!..

Но к субботе четыре десятка план-конспектов для всех классов он соорудил с поистине иезуитской хитрецей. Она заключалась в том, что такой план-конспект практически совершенно не нужен учителю, но для любого проверяющего – конфетка! Цели и план урока, схемы логической увязки изучаемого материала, выделение и подчёркивание основных постулатов разноцветной шариковой пастой, даже поминутная разбивка времени урока на вступительную, основную и заключительную части, вопросы, закрепляющие пройденное на уроке, тема домашнего задания...

Однако какое иезуитство не применяй, но рука бойца писать устала! И задницу напрочь отсидел! И это при том, что изрядное время отняли хлопоты по хозяйству. Этих повседневных хлопот каждый день вылезала какая-то туча! Воз и маленькая тележка! О-о-о, тележка...

Тракторную тележку-самосвал сосновых и лиственничных чурок действительно на следующий, по приезду, день приволок обшарпанный «Беларусь». Его улыбчивый рулевой лихо опрокинул чурки под вросшие в бурьян-траву ворота шишкинской «усадьбы», и бодро трещащее грязно-голубое изделие братской республики, оглушительно громыхая тележкой, шустро укатило прочь.

За три часа в тот вечер Александр перетаскал-перекатал чурки во двор. Куча впечатляла, хотя испытанная при знакомстве с колуном «энергетика» тут же заметно притупила некую, чёрт знает, откуда прорезавшуюся, радость хозяйчика. Колоть, понятно, придётся собственноручно. Не нанимать же кого-то! Позора потом не оберёшься. Скажут, вот, мол, белоручка городская заявила – не мужик, одно название! Тут уж про учительский авторитет напрочь забудь...

Ещё пока почему-то в колхозную столовку Шишкину-младшему ходить не хотелось. Какая-то непонятливая ему самому робость останавливала. А в магазин сходил.

Улыбчивая, симпатичная, фигуристая и довольно молодая, может быть, чуть постарше Александра, продавщица, без конца заправляющая непослушную рыженькую чёлочку под кокетливую бело-голубую пилоточку, беспрестанно ойкала, стреляя глазками.

– У вас рукавицы-верхонки есть?

– Ой, а вот верхонки у нас нет!

– Ну... тогда дайте мне вон те рукавицы.

– Ой, вы знаете, они на нашем морозе совершенно бесполезные! Такие деревянные становятся!..

– Ничего, пока и мороза нет... А колуны у вас есть? И топорича.

– Ой, вон там сами возьмите. Ой, только не измажьтесь в солидоле! Я вам щас бумаги дам. Ой, а топорич-то нету! У нас мужики сами...

– Мне ещё вот суп в пакетиках и тушёнки свиной.

– Ой, а у нас только говяжья!

– Ну давайте говяжью, банок пять.

– Ой, а вам, наверное, и сеточку надо?..

Домой Александр пёрся с увесистой «авоськой», раздувшейся от консервных банок, кульков и суповых пакетиков. Сетка, зацепляя за ногу, крутилась то в одну, то в другую сторону и, как ни перехватывал её Александр из руки в руку, больно тыркалась в голени острием насолиленного колуна, буквально сразу же прорвавшего бумагу, в которую он был завернут.

Далековастенько оказалось от магазина до дома. Только во время этого хозпохода Шишкин-младший оценил истинные размеры села. Как и с досадой отметил любознательность местного населения. Встречающийся на улице люд степенно здоровался и рассматривал, как его самого, так и содержимое его «авоськи», самым пристальным образом.

...Приобретенные рукавицы, конечно, смягчили «электрическую отдачу» от школьного колуна, но укрепили в мысли попросить завхоза сделать деревянное топорище к колуну-покупке. И всё-таки худо-бедно, но чурок пятнадцать за два раза Александр развалил. И даже протопил во второй вечер печку.

Памятуя, что при этом главным злом является угарный газ, тщательно выгреб из печки угли. В итоге в квартире и в душе образовалась некая благодать, порожденная не только протопленной печью, но и стресканной четырёхсотграммовой банкой ранее невероятной для Шишкина-младшего «Каши перловой с мясом», хотя белковый ингредиент содержимого «консервы» и обозначился среди упругой перловки редкими волоконцами.

Банка сгодилась и в качестве временного мини-чайника. Тетрадный листок со списком жизненно важных предметов, которыми следовало обзавестись незамедлительно, тут же пополнился жирно подчеркнутой строчкой: «Купить чайник, новое ведро под воду, тряпку для мытья полов». Подумав, Александр дописал: «Таз для головы». Кстати, подумалось, а общественная баня в селе есть? И как туда – со своим тазом, или там шайки имеются? Надо Чекиста расспросить.

Вот это были поистине гамлетовские вопросы, поиски ответов на которые напрочь убивали всю потенцию по составлению план-конспектов. Но, тем не менее, как уже было сказано, Александр ими себя обеспечил на первые полторы недели накатывающегося учебного года.

Как это будет, что это будет – представлялось смутно. Всё-таки одно дело коротенькие студенческие практики в городской школе и, тем паче, вожатство в пионерлагере, а что тут... И не практика к тому же.

«Бляха-муха! – подумалось Шишкину-младшему. – И куда я голову сунул... Сидел бы сейчас в обкомовском кабинетике, а не обозревал из-за стопы конспектов грязный железный лист перед печкой и заляпанный пол»...

Александр поднялся с табуретки, постоял в дверном проёме «залы», потом сумрачно протопал в левую комнату. Шаги гулко отдавались от стен. Пустота просторной квартиры угнетала.

Да, подумалось Шишкину-младшему, чего-то надо думать и об уюте. Но не будет же он три года здесь жить-проживать, ежедневно «трансформируя» кухонный стол в письменный, ковырять складными вилкой-ложкой походного ножика содержимое очередной консервной банки, мостить полчаса под головой так называемую подушку, ватные комки в которой совершенно не собираются подстраиваться под форму головы, а вот голова каждое утро точно им соответствует по форме и, видимо, скоро будет соответствовать и по содержанию.

Хотелось штор на окна, тарелок на столе, коврика на полу и тёпленькой водички в умывальнике. Хотелось не думать об «удобствах», колуне и чурках во дворе, особенно в свете подкрадывающейся зимы. Хотелось не думать о неизбежных постирушках носков, трусов и прочего. Вообще временами не хотелось думать.

«Быстро ты, паренёк, лазаря запел! – без какого-либо злорадства констатировал внутренний голос. – Зато как экзотично смотрелся на комиссии по распределению и в кабинете комсомольского начальника! Гордой белой вороной подкласса дебильных!.. Однако, Александр Сергеевич, как-то бы вам почётче определиться: кто же вы такое есть. Пока я слышу пессимиста, впадающего в депрессняк...»

Шишкин невесело усмехнулся, потому как на ум автоматически пришли сразу три подходящих анекдота. И про «определитесь», и про пессимиста и про депрессию:

В БИБЛИОТЕКЕ:

– Девушка, дайте мне, пожалуйста, Пушкина, «Повести Белкина».

– Вы сначала определитесь – вам Пушкина или Белкина...

...

*Пессимист видит только бесконечный туннель. Оптимист видит свет в конце туннеля.
А реалист видит туннель, свет и поезд, идущий навстречу.*

...

– А как вы лечите депрессию?

– Никак. Она у меня не боится.

«Вот и не хрен киснуть! – подытожил Шишкин-младший. – Сам залез в короб. Значит, тот ещё груздь... Кстати о коробах! Которые маман для него барахлом и всякой утварью набила. Обещали же вскорости привезти. Маман-то небось уж нетерпением изошла – глянуть, как тут сыночка обустроился... Что она там говорила про «приживальца» и Ваньку Жукова двадцатого века?..»

Он продудел, раздувая щёки, нечто бравурное – типа «Тореадор, иди смелее в бой!» – и для закрепления оптимистического состояния духа прозомбировав себя: «Будет ещё, будет, дорогой Александр Сергеевич, и на твоей улице праздник!»

4

Вот что бы ни твердили законченные материалисты про объективную реальность, но мысль человеческая передаётся-таки на расстояние. Ну, разве что, пока в этом возможно убедиться в сфере интимно-родственных отношений.

Праздник-то грянул! В последнюю августовскую субботу.

Накануне, не столько надрываясь над план-конспектами, сколько карауля окончательное превращение дров в печке в безопасные угли, Александр засиделся далеко за полночь.

В одиннадцатом часу дня исцеляющий сон молодого сельского интеллигента нарушили властные звуки автомобильного клаксона.

С трудом оторвав голову от подушки, Александр взглянул в окно.

«Оп-ля-ля! Да никак родня подкатила!»

Натянув треники и куртку, он выскочил за калитку, у которой стояли Шишкины-родители.

За их спинами зеленела «персоналка» Шишкина-старшего и тарачился фарами тупорылой, цвета хаки кабины «уазик»-грузовичок с битком набитым кузовом, тщательно увязанным брезентом.

– Ну, здравствуй, сын! – протянула руки Альбина Феокистовна.

– Мама! Папа! – поочередно обнял родителей обрадованный Александр. – Вот не ожидал!

– А я-то рассчитывал на хлеб-соль, оркестр! – прогудел Шишкин-старший, величаво озирая окрестности.

Потом перевёл глаза на ворота, глянул через раскрытую калитку во двор и поморщился:

– Тебе кто так бестолково чурок навалил?

– В смысле? – не понял Александр.

– Не в смысле, а в полном его отсутствии! – рокотнул отец. Снова оглядел ворота. – А-а, ну понятно... Здесь свалили, туда перетаскали... Нет бы ворота освободить... Болодя! – обернувшись, позвал своего водителя. Того, вообще-то звали Володей, но в громовых устах бати отчётливо звучала не третья, а вторая буква алфавита. – Болодя, скажи Михаилу, пусть к калитке задом сдаёт. Во двор не въедем, с улицы таскать придётся.

Лениво потягиваясь, «Болодя» подошёл и заглянул в калитку – самолично убедился, что облегчить предстоящий объём работ не выйдет. Помрачнев, направился к «уазу» и буркнул пару фраз покуривавшему в кабине коллеге. Незамедлительная лаконичная вербальная реакция последнего на услышанное завершилась невнятным: «...мать!»

Грузовичок загудел, неуклюже развернулся поперёк улицы и, дрожа, видимо, от негодования, сполз задними колёсами в подобие уличного кювета, потом, уже с натугой заревев двигателем, подтянулся задним бортом к калитке. Водитель Михаил вывалился из кабины, прошествовал к калитке и тоже обозрел заросший лебедой двор и холм из чурок с внутренней стороны ворот. Сунул в рот новую сигарету, засмолил и принялся развязывать верёвку на брезенте.

Поймав себя на прямо-таки новогоднем, детском и радостном, ожидании-любопытстве – а что там у Дедушки Мороза в его мешке? – Александр встрепенулся и устремился вслед за родителями в дом.

Альбина Феоктистовна уже стояла посреди кухни. Ужас плескался в её округлившись глазах.

– И в такой антисанитарии... Сашенька! Ну так же нельзя!

Сергей Петрович появился уже из боковой комнаты:

– Просторные хоромы! Богато тут, однако, с жилфондом! Ладно, – обратился он к сыну, – давай одевайся по-человечьи, а то что-то спишь долгонько, – надо мужикам помочь барахло стаскать.

Оглядел с усмешкой баночный рядок на кухонном подоконнике и уже супруге scomандовал:

– А ты, мать, столбом не стой, давай-ка обедом займись. Щас мы тебе твои коробки притартаем.

И первыми в квартиру занесли три коробки из багажника «Волги».

Из кузова «уазика» в квартиру въехал новенький холодильник «Саратов», тут же включенный в розетку. В его заурчавшее нутро Альбина Феоктистовна принялась трамбовать содержимого одной из коробок. Всё не вошло. Но так, видимо, и предполагалось. Подоконник на кухне принял остальное.

Убогость кухонного стола спряталась под нарядненькой клеёнкой. И маман Шишкина тут же принялась нарезать и раскладывать по тарелочкам всякие гастрономические вкусности.

Вторая коробка оказалась набита тарелками, чашками, сковородками, ложками, вилками и т. п., оттуда же были извлечены электроплитка, электрочайник и уют, замотанные в нечто объёмное. Это «нечто» оказалось комплектом штор на четыре окна. Маман Шишкина тут же громко похвалила себя за то, что прикупила простенькие, но вполне симпатичные карнизы на четыре окна. Окон, правда, включая кухонное, было пять, но в отношении последнего, заявила маман, можно обойтись и занавесками, которые тоже оказались среди «мягкого инвентаря».

Содержимое третьей коробки тоже можно было отнести к «мягкому инвентарю» – несколько комплектов тщательно проглаженного постельного белья, полотенца и прочие тряпочные прибабасы, типа трусов, маек, пары дюжин носков и т. д. и т. п.

Тем временем запахи гастрономических вкусностей нагло расползлись уже по всей квартире. Неизвестно, как это действовало на всех остальных, но Александра с рабочего ритма разгрузочно-носильных работ сбивало. Благо, они уже подходили к концу. Восемь рук, восемь ног и четыре мужских горба при любом раскладе эффективнее, чем половина от этого.

В квартиру въехали новенький письменный стол тёмно-коричневой полировки, новенькая, такой же масти полутораспальная кровать, три новеньких полумягких стула, кресло, узкий шифоньер (опять же, в тон столу и кровати), торшер, настольная лампа. Из городского домашнего очага к хозяину вернулись магнитофон «Романтик» и транзисторный радиоприемник «Океан». Он составлял предмет особой гордости для Шишкина-младшего, потому как был единственной стоящей вещью, приобретённой им на кровно заработанные во время вожатства в пионерлагере денежки. И было чем гордиться! Без преувеличения, это изделие Минского завода «Горизонт» лучшее на бескрайних просторах Советского Союза, обставило даже – к

маме не ходи! – знаменитую рижскую «Спидолу». Вот, наверное, покусали локти латыши – сами же передали одну из разработок ВЭФа братьям белорусам.

Последним из салона «Волги» в квартиру был бережно и торжественно внесён портативный телевизор «Юность».

– Владей! – пророкотал Александру отец, довольный произведённым эффектом. – Только что к нам в ОРС поступили!

Чайник, заправленный водой из десятилитровой пластмассовой канистры, вскипел. Все уселись за стол и смели с тарелок сыр, колбасу, шпроты с маринованными огурчиками, сладкие болгарские помидоры из пузатой банки и прочее. Особенно, за милую душу, ушли разогретые в сковородке на электроплитке голубцы.

После этого угрюмый Миша укатил на своём «уазике» обратно в город, и куда-то подалась на «Волге» Альбина Феоктистовна. Тем временем Шишкин-старший и Шишкин-младший занялись оконными карнизами.

– А вы как меня нашли? – озарило наконец-то Александра спросить. – Да ещё столько всего закупить! – Он обвёл рукой новый интерьер.

– Ха! – самодовольно изрёк с табуретки Шишкин-старший, орудуя молотком. – Да ты уехать не успел, как мать начала меня изводить. Тре-е-вога! Всеобщая мобилизация! Позвонил я Потапу Потаповичу, поинтересовался. Про выделенную тебе квартиру узнали. Ну, подкупили барахла, мебелировки. А тут... Подъехали к школе, там какой-то замухрын и показал, где ты обосновался. Хорошо! Рядом! – Отец излучал оптимизм.

Вернулась мать. Следом Володя занёс два сверкающих оцинкованных ведра, набитых всякими кулками и бутылками, огромный веник и красный эмалированный таз. Александр подивился факту материнской телепатии и мысленно затушеввал в своём списке сразу несколько строк.

Маман тут же взялась гладить шторы, расстелив на кухонном столе вчетверо сложенное казённое одеяло. Одновременно отслеживала ход обустройства жилища сына. Обустройство осуществлялось в шесть рук. Шишкин-старший и Шишкин-младший продолжали прилаживать над окнами карнизы для штор, а Володя оказался на подхвате у маман Шишкиной: что принести, кому чего подать, как расставить мебель.

– Три комнаты – это хорошо! – вещала, водя утюгом, Альбина Феоктистовна. – Вот это, Сашенька, будет твоим кабинетом, – ткнула она пальцем в «первую залу». – Володя, стол, стулья и кресло – сюда! И торшер! Его – к креслу, в этот угол, к отопляемой стене! В тихий зимний вечер здесь приятно будет посидеть с книгой. Так... А кровать – в дальнюю комнату! – Маман Шишкина отставила утюг и прошагала во «вторую залу». – Да! Это – спальня. Шифоньер, Володя, сюда. И пожалуйста, – она брезгливо оглядела армейскую койку, – разбери и вынеси на веранду этого панцерного уродца! Боже мой... Сашенька! Ты спал на этом под сиротской дерюгой! Как хорошо, что я захватила твоё любимое одеяло! А это простыни?! Креста на них нет!

Шишкин-младший пожал плечами. «Простыни как простыни... Крестов на них действительно не выткано». Ему было стыдно перед ухмыляющимся Володей, и он пробовал дерзить.

– Маман, какие будут указания по поводу третьей комнаты? Может, пока её украсить стулом?

– Не умничай! Эта комната пригодится со временем.

– Интересно...

– Ничего интересного. Тебе тут три года жить. И почему бы, например, нам с отцом не погостить у тебя во время отпуска. Летом здесь, в деревне, так хорошо!

Альбина Феоктистовна мечтательно подняла взор к потолку.

– Поставим сюда пару раскладушек, во дворе – шезлонг. Конечно, ликвидировав все эти заросли сорняков... А вот мы, Саша, за деревянной водоём какой-то усмотрели. Озеро, да? Прекрасно! Там, я заметила, такой широкий песчаный пляж. Да, летом здесь курорт!

Под Шишкиным-старшим затрещала табуретка. Устояв при упоминании раскладушек, уж на этих-то словах Шишкин-старший чуть было не сверзился с оной. Понятие курорта у «железнодорожного генерала» давно ассоциировалось с фешенебельными здравницами МПС на черноморском побережье. С трудом устоял на другой табуретке и Шишкин-младший, придерживающий карнизную конструкцию. Ни хрена себе! – избавился от опеки предков, называется! Да и вообще-то летом у учителей отпуск. Это что же – и летом здесь торчать?!

Когда с наведением уюта было фактически покончено, «СЭС-маршал» Шишкина лично обследовала «удобства во дворе» и самолично засыпала «объект» и подступы к нему чем-то белым и удушающим, в сравнении с которым хлорная известь – амброзия.

Затем, грустнее на глазах, Шишкины-родители снова попили с сыном и «Болодей» чаю и отбыли восвояси.

Шишкин-старший, правда, порывался повидать председателя колхоза и высказать ему почтение. Но всё это время сновавшая на своей половине двора соседка Татьяна, через забор поручкавшаяся-таки с Шишкиным-старшим, сообщила, что ещё вчера, увы, Потап Потапович с утра укатил в райцентр, а потом заехал в соседний совхоз, откуда позвонил в правление, что там и заночует. «Ихний председатель с нашим – ба-альшие приятели! – многозначительно пояснила Татьяна. – Как же без вечерних посиделок-разговоров...»

Маман Шишкина демонстративно рассматривала соседку Александра и, нахмурившись, косилась на сына. А ему со злостью вспомнилась та давняя, школьная, мамашина реплика в адрес Наташи. Господи, да когда же утихомирится! Да-а... Анекдоты про свекровь на слезах невесток возвращены... Как хорошо, что в обозримом будущем он и в мыслях не держит никакой женитьбы! С родной маманей это добром не кончится, хоть самую золотую и кроткую избранницу ей выдай.

И когда «Волга» с родителями скрылась с глаз, Александр вздохнул с облегчением.

А уж когда растянулся на полутораспалке...

– Жизнь прекрасна! – изрёк Шишкин-младший. Он был сыт и доволен, словно по мановению волшебной палочки, возникшим уютом в жилище.

Исчезла казённая гулкость пустого помещения. В углу на кухне урчал холодильник, оберегая массу всего сплошь калорийного и питательного, абы «драгоценная кровиночка» не загнулась от «скудной деревенской пищи» (цитаты). Над ухом радиостанция «Маяк» звенела из транзистора задорными голосами солистов вокально-инструментального ансамбля «Самоцветы», который радостно напоминал, что и весь ансамбль, и все радиослушатели сейчас там, где ребята толковые под бодрыми плакатами, да и вообще у настоящих романтиков Страны Советов адрес – ни дом и ни улица, а весь Советский Союз. А кто бы в этом сомневался!..

В воскресенье, ближе к вечеру, когда Александр, под звуки последнего западного писка – льющисся с катушек «Романтика» игривые хиты группы «Арабески» – продолжал строчить план-конспекты, в двери деликатно постучали.

– Заходите, открыто! – выкрикнул Шишкин-младший и с интересом уставился на входную дверь. Он в «первой зале» письменный стол переставил так, чтобы сидеть лицом к дверям. И получилось, кстати, куда удобнее, чем тут маман распорядилась. Свет так же, как сан-нормами регламентировано, падает с левой стороны, но по продолжительности освещённости солнцем получается дольше.

В дверях возникла директриса.

– Ой, – вскочил Александр. – Валентина Ивановна! Здравсьте!

Он повернул регулятор, убавляя до минимума музыку.

– Здравствуйте, Александр Сергеевич, – церемонно кивнула директриса. – Вот мимо шла, да решила лично удостовериться, как вы обустроились, что необходимо, а то ведь поскромничаете... – Но глаза её выдали. Понятно, что сгорала первая на селе дама от любопытства в связи с субботним прибытием к молодому учителю родительского «каравана». Взгляд обшаривал каждый угол. Александр еле спрятал невольную усмешку.

– Ну что же... Вполне... Молодцом... – Осмотром директриса осталась явно довольна. Перевела очи на заваленный тетрадами стол. – Вижу, к урокам готовитесь? Похвально. Ну, не буду отвлекать.

Она величественно направилась к дверям, но на полдороге остановилась.

– Да, совсем запамятовала... Утром, Александр Сергеевич, к вам Егор Потапович Писаренко подъедет. Уж не обессудьте, что рано, часов в пять. Колхоз в город машину за углём отправляет, но и по пути надо будет на базе облоно получить лингафонный кабинет. Я Егору Потаповичу доверенность выписала, а вы уж, пожалуйста, поезжайте с ним, посмотрите там учительским взором комплектность, а то шофёр есть шофёр. И получит абы что, а уж как довезёт – одному богу известно.

– Без вопросов, Валентина Ивановна, – с готовностью отозвался учитель Шишкин. В город ему после родительского визита захотелось неимоверно.

Однако иезуитству директрисы изумился. Интересно, эта идея возникла в её голове только что или нет? Если только что – совершенно непонятно, почему и зачем. Получается, что названный Писаренко вполне мог получить и привезти лингафонный кабинет без него, горе-надсмотрщика Шишкина.

А если не только что? Тогда и вовсе «рекбус-кроксворд»! И легко объяснимое любопытство по случаю прибытия родительского «каравана», конечно, повод для посещения на дому молодого учителя, но не главный. А главный какой? И тогда для чего это «совсем запамятовала»? А как и вправду бы запамятовала? Задолбил бы в окно или в двери тогда шофёр Писаренко в пять утра, а потом бы матюгался в кабине, дожидаясь, пока ошалелый спросонок пацан-учитель соберётся... Не-е-ет... «Совсем запамятовала» – не фигура речи. Это же классический детективный приём сбить следствие с верного пути! Но тогда идея и впрямь спонтанна! Тьфу ты, голова наперекосяк!

Проницательный читатель догадался? А вот главному нашему персонажу проницательности пока недостаёт, хотя и детективами, так сказать, обчитался. Молод ещё, жизненного опыта маловато. Ничо, скажет умудрённый жизнью читатель, были бы кости, а мясо нарастёт! Хм... Где-то это мы уже недавно слышали... Пока же уже хорошо, что унылое сожаление об уютном комсомольско-обкомовском кабинетике растворилось без следа.

Даже можно сказать, что в масштабе двух урбанизированных субъектов обозначилась вполне удобоваримая смычка города и деревни, пусть и без громкого оркестрового туша, разлетающегося окрест. Дополнительные проверки на прочность этой смычки оставим пока в покое.

Безусловно, что на примере армавирского явления народу эта смычка более наглядно прослеживается. Уж тут баба Мотя – всеми уважаемая Матрёна Филипповна Куклина – наш главный свидетель и участник. Но учитель труда и автотракторного дела Сергей Александрович Ашурков, выпускник индустриально-педагогического факультета далёкого Армавирского пединститута, не есть основной персонаж нашего повествования. Мы ведём речь о земляке.

Хотя, откровенно говоря, в нашем краю понятие «земляк» звучит условно. Вот нагрянули с запада казаки-первопроходцы, про которых разве что былины не сложены. Всё тут завоёвали, всех под руку Большого Белого царя подвели... Пришли, стало быть, тридцать три богатыря и всех местных победили. А местных-то было, мягко говоря, несколько поболе. И вряд ли удалось бы чудо-богатырям даже пару ночей переночевать – времена были простые: чик! ножиком вострым по горлышку; вжик! стрелой меткой между лопатками – тут и былинам всем конец. Однако местные народцы оказались вполне доброжелательным людом. Пусть встретили

на первых порах настороженно, но приняли достойно, без особых «чик» и «вжик». И куском мяса поделились, и самых красивых девок в жёны отдали, что и вовсе отношения в родственные перевело. Не сглупили обе стороны – и пошла жизнь нормальная. Так до сих пор и идёт.

Опять же, к примеру, декабристов взять. Ну, вот, чего мы в князей-графьев вцепились? Пригнали в наши края горстку высокорожденного дворянского бомонда за то, что он крамолу супротив самодержавия ковал. Допустим, что даже что-то получше выковать хотел, но какой действующей государственной власти это понравится? Хотя речь не об этом. Пригнали не только пару десятков бомондных. Средних и младших офицеров (11 разрядов по суду!) в солдаты разжалованных, как и солдатского брата – помимо тех, кого на Кавказскую войну отправили, – тут уже счёт на сотни. И что же дальше? Много князей голубых кровей на самом деле во глубине сибирских руд кайлой махало? Да нет. Поначалу кинули их овраг огромный засыпать. Но, видимо, выходило плохо, коли он до сих пор никуда не делся. Акварели в остроге писали, местную ребятню грамоте учили, огородничали, книжки из города Парижу выписывали, народный быт изучали. А потом и вовсе бомондных в родные дома-имения вернул-помиловал государь-император. А кто кайлил, тот так и остался, укоренился окончательно на сибирской земле. И полтора с лишним уж века их потомки здесь. Земляки? А кто же ещё!

Шишкин-младший даже вспомнил, что ещё в 1828 году (и трёх лет не прошло после восстания на Сенатской площади!) основателя декабристского «Союза спасения» Александра Муравьёва городничим в Иркутске назначили, потом и до губернаторской должности возвысили. В общем, как и нынче, номенклатурная верхушка, чего она ни натвори, лёгким испугом отделяется. Народная мудрость в действии: «Баре дерутся, а чубы у холопов трещат».

Однако остановимся в исторических экскурсах, пока лейб-гвардия историков и краеведов не забросала камнями.

Вернёмся в дорогое сердцу Чмарово и кое-что подытожим. Про смычку города и деревни. Как победу духа над плотью. И запишем это как второй подвиг главного героя нашего эпоса Шишкина Александра.

Подвиг третий

Укрощение ландрасского вепря, или Сафари местного разлива

Наиболее популярными для проведения сафари странами являются ЮАР, Намибия, Ботсвана, Танзания, Мозамбик, Замбия, Зимбабве, Камерун, ЦАР. В остальных странах этот вид охоты не представляет собой отдельной индустрии и носит спорадический характер.

Из «Справочника охотника и рыбака»

1

Апельсиновый «москвичок с шиньоном» тяжело взобрался на бугор и привычно замер перед открывшейся внизу панорамой родного села.

Зоотехник Семён Михалыч Кобылин и его помощник Васька Анчуткин возвращались в родное село. Довольные. С редким чувством исполненного долга. Точнее – ответственнейшего поручения председателя колхоза Потапа Потаповича. Председатель успешно сторговал в соседнем совхозе молодого, мощного кабанчика-производителя. Кобылин на месте тщательно осмотрел приобретение. Будущий фаворит родного свиноголовья оказался отменно здоров и жизнерадостен. Семён Михалыч и Васька аккуратно загнали кабанчика в грузовой отсек «москвича» и покатали домой. Всю сорокапятикилометровую дорогу трёхсоткилограммовое сокровище породы ландрас вёло себя на редкость спокойно. И это радовало пятидесятипятилетнего зоотехника и его восемнадцатилетнего помощника.

За роскошные будёновские усы, а больше за совпадение имени-отчества (они усы-то и породили) и подходящую фамилию, сельского ветеринарного светила кликали Командармом, а вверенное ему колхозное стадо ехидно обзывали Первой Конно-рогатой. Иногда это краткое наименование разворачивали в полное: Первая Конно-рогатая свинская армия особого полёта – ведь понятно, что колхозная живность не ограничивалась только лошаадьми и крупнорогатым поголовьем. А нарастающий отряд свиноматок и, соответственно, поросят? А трепещущая сотнями крыл кудахто-гага-крякающая птицеферма? Так что полное наименование справедливо учитывало все подразделения обслуживаемого Михалычем войска колхозной живности. Но публично озвучивалось это полное наименование только тогда, когда Командарм Кобылин где-то прокальвался. И чаще всего в этих проколах был замешан зелёный змий.

Выключив зажигание и привычно протрещав «ручником», Кобылин повернул продублённое солнцем и ветром круглое лицо к узколищему молодому помощнику.

– Чего у нас, Василий, на закусь-то?

– Но дак... – Васька суетливо выволок из-за спинки сиденья холщовую сумку с намалёванным на ней чёрным растрёпанным страшилищем. Впрочем, такие же чёрные буквы под портретом утверждали, что это Алла Пугачёва.

Из сумки Васька извлёк завернутые в газету толстые ломти подового хлеба, проложенные аналогичными по толщине, радующими глаз ломтями вареной свинины. Появились на свет и скромный, с две сигаретные пачки, брусок сала с прожилками и пара свежих пупырчатых огурцов величиной с недозрелый кабачок каждый.

– Молодец баба Дуся, – похвалил Михалыч Васькину мать и, побряхтывая из-за внушительного живота, упирающегося в рулевое колесо, выволок из-под сиденья тряпичный свёрток. В руках булькнула поллитровка горькой настойки «Стрелецкая».

– Пошарь-ка, Василий, в бардачке, где-то там тара была.

Помощник шустро порылся в отделении для перчаток, где сроду оных не водилось, зато лежали всякие ценные вещи, типа запасных свечей зажигания, электролампочек для «москвичёвских» фар и т. п.

Протянул Михалычу замурзанный «охотничий наборчик» – вставленные друг в друга «матрёшкой» полиэтиленовые стаканчики, облюбовавшие «бардачок» апельсинового «шиньончика», скорее всего, ещё до нашей эры.

Зоотехник отделил от липкой полудюжины два самых объёмистых стаканчика, раскупорил бутылку, мгновенно наполнившую тесную кабину «москвичонка» резким лекарственным запахом неизвестных трав, аккуратно налил в один стаканчик и протянул помощнику.

– Держи.

– Не, Семён Михалыч, я...

– Держи, сказал! Тебе, пацан, сколь лет? Осьмнадцать тока-тока минуло, а мне? В три раза больше! Да я тебе в деды гожусь, так что слушай старших!

Васька покорно взял стаканчик. Михалыч наполнил второй, пристроил бутылку меж сиденьями. Недовольно посмотрел на помощника, качая головой:

– Запомни, Василий: обижать родное село негоже – примета плохая. Традиция имеется – треба её соблюсти. Так что, Василий, с прибытием в родные улусы! – Михалыч, кряхтя, потянулся своим стаканчиком к Васькиному.

Беззвучно чокнулись. Выпили. Васька тут же вцепился в огурец, вытирая кулаком с зажатым в нём опорожнённым стаканчиком выступившие на глазах слёзы. Михалыч же только крякнул.

– А загляни-ка, Василий, ещё в бардачок. Где-то там перочинник был...

Васька освободил руку от стаканчика, суетливо зашуршал всякими бумажками, которых тоже в «бардачке» хватало. Подал наставнику «перочинник» – складной нож, называемый в обиходе «лисишкой», видимо, из-за формы рукоятки – пластмассовой фигурки бегущей Патрикеевны. Михалыч неторопливо отрезал потемневшим от времени лезвием «лисишки» ломтик сала, задумчиво зажевал, обозревая привольно раскинувшееся внизу Чмарово.

– Михалыч, а кто это придумал-то? – энергично жуя хлеб с мясом, спросил Васька.

– Чево придумал?

– Ну вот, – Васька потряс стаканчиком.

– Издавна так ведётся, – степенно отозвался Кобылин. – Казачья традиция. Уходил казак в поход – провожала вся родова. Тут тебе и под бурку, и под шашку, и шапошная, и придворная – во дворе, значит. А далее, понятно – на посошок, и уздечная, и стремянная, и седельная, а ещё – на ход ноги, на коня, привратная – это перед выездом за ворота. Опосля станичная – кады казак со станичниками прощается. А то и ещё забугорная или закурганная – это ежели за селом провожает подруга гулевая с чаркой и закуской. А возвращался хлопец – как не омыть душу при виде родимого дома, коль живой возвратился.

– Ох-ре-неть... – Васька с восхищением посмотрел на энциклопедически представшего перед ним наставника. И тут же хихикнул: – Ну мы-то не из похода военного. До соседнего села да обратно...

– Ты... это... не кощунствуй! – тут же прикрикнул на парня Кобылин. – Традиции старинные – камень краеугольный! Это вы, племя стоеросовое, – танцы-шманцы, девок обжиганцы. Только этим бошки и забиты. Да ещё – как бы из родимого дома в город сбежать! А тут кто будет? Эх... ёлочка точёная... безлюдуют села... скудеют... Зато в городе нахлебников прибавлятца... Да... Ну, чево сиднем сидишь? Наливай по второй!

Васька наполнил стаканчики, но только ко рту и поднесли.

Рядом, пронзительно заскрипев тормозами и пшикнув сжатым воздухом, остановился «стотридцатый» ЗиЛ, в самосвальном кузове которого на куче угля громоздились три продолговато-плоских фанерных ящика.

Собственно, это и не «ЗиЛ-130», а его мытищинский «клон» ММЗ-555, но какая разница? Бело-голубая «морда» – такая же. А вид – боевой: отыскать на капоте, облицовке радиатора и пузатых крыльях гладкое заводское естество – проблема! Для колхозного автопарка – общая.

Вот только «москвич» местного «зоотэхника», сравнительно недавно сошедший с конвейера Ижевского автозавода и счастливо приобретённый правлением колхоза, выглядел товарно. Единственный и неповторимый в селе апельсиновый «шиньон» – грузовой вариант легковушки, с двухместной кабиной и возвышающейся позади неё квадратной будкой («шиньоном») для перевозки разного не очень большого груза, – ещё блистал заводским лаком и никелем. Остальной автотранспорт колхоза «Заря XXII-го партсъезда» с центральной усадьбой в Чмарове перворожденной заводской блеск-красотой похвалиться не мог. И вовсе не по причине напряжённого сельского труда во всепогодных условиях.

Основная причина – известная. Одной из её ипостасей являлась свято соблюдаемая всей колхозной водительской братией (да и вообще всеми местными, возвращающимися домой автотранспортом) «традиция»: откуда бы не катила в родное село машина, – на сопочке перед Чмарово транспортная единица замирала, а все обитатели её нутра, включая в безусловном порядке и бравого шофёра, степенно «раздавливали» бутылочку-другую за возвращение в «родные улусы».

В общем, колхозные автомашины – грузовики и автобус «пазик», санитарная «таблетка» и прочие, изобиловали покрашенными царапинами, правленными вмятинами, заваренными местными умельцами крыльями и радиаторными решетками, восстановленными в столярке дощатыми бортами. Увы, чаще упомянутая «традиция» опережала рихтовку и покраску автотранспорта по итогам предыдущего соблюдения «ритуала».

Ах, да... Зоркое читательское око зацепилось выше за «зоотэхника»? Ошибки нет. Исключительно через «э» произносят на селе название столь важной профессии. Как на флоте – не ко́мпас, а компáс. В общем, мало ли в каких монастырях какие уставы. Вот и «мэтэмэ» звучит совершенно по-другому, чем требует произношение на русском аббревиатуры МТМ.

Но мы отвлеклись от остановившегося подле «москвича-шиньона» самосвала.

– Ба, какая встреча! – с водительской подножки грузовика тяжело спрыгнул Потапыч-второй – ровесник Кобылина. Внешне с ним даже схожий: такой же седой чубчик на макушке, внушительный «авторитет», нависающий над брючным ремнём, крепко сбитая коренастая фигура. Усы, правда, не будёновские – покороче.

Он тоже покопался под сиденьем и двинулся к легковушке с «тормозком» – выдавшим виды маленьким фибровым чемоданчиком, который когда-то называли «балеткой», наверное, потому, что в такой чемоданчик, и вправду, кроме пары балетных тапочек мало ещё чего затолкаешь. Но поллитровка «Русской», два огурца, чищенная луковица, три варёных картофелины, полукаравайка ржаного хлеба и ломоть сала размером в половину ладони Потапыча-второго (а ладошка у него – малую саперную лопатку видели?) – в «тормозок» поместились.

– Слышь, учитель! Сергеич! – обернулся Потапыч-второй к кабине «ЗиЛа». – Вылазь, двигай сюда.

Почему Потапыч-второй? Это по паспорту Егор Потапович Писаренко, а в жизни, други мои, иначе – никак. Потому как Потапыч-первый – это всем Потапычам Потапыч.

Потап Потапович Непомнящих, как уже было сказано, – председатель колхоза, депутат областного Совета депутатов трудящихся и член бюро областного комитета партии. А чего вы хотели? Колхоз – миллионер, одно из основных хозяйств областного аграрного производства.

У иных – миллион убытков, а у могучего фигурой и повадками Потапа Потапыча и нива колосятся, и лесозаготовительная бригада на делянке мотопилами орудует, и в озере близ Чмарово другая бригада, рыболовецкая, неводами карася шарит. Опять же, не забывайте про Первую Конно-рогатую армию: всему району на зависть копытами топотит, мычит, блеет, хрюкает и крыльями машет... Вот так!

Из кабины самосвала появился Сергеич – ну вы поняли кто. Потянулся, разминая затекшие от длинной дороги косточки.

Потапыч-второй раскрыл «балетку» на капоте «москвича». Вынув из чемоданчика газету, по-хозяйски застелил импровизированный стол, принялся выкладывать свои запасы. Из кабины «шиньона» уже выбрались Кобылин и Васька Анчуткин. Поздоровкавшись с подъехавшими за ручку, немедля присовокупили к снеди Потапыча-второго остатки своих яств.

Потапыч раскупорил «Русскую» и наполнил четыре стаканчика.

– Ну, за возвращение! – Повернулся к учителю. – А ты чего, Сергеич? Не менжуйся, от коллектива не отрывайся. Это, мужики, Сергеич, учитель наш новый. А это, Сергеич, наша ветеринарная надёжа. Знакомься.

Познакомились взаимоуважительно.

Молодой учитель взял четвёртый стаканчик. Чокнулись. Выпили.

– Закусывай, Сергеич, – заботливо протянул половинку огурца и хлеб с салом Кобылин. – Мы-то уже жевнули, теперь душа табачку требует. А ты-то, Сергеич, не куришь?

– Нет.

– Оно и правильно, – сказал Потапыч, выпуская густую струю дыма, – от курения, кроме вреда, никакой пользы. Как и от этой заразы, – он кивнул на ополовиненную бутылку.

– Но потребляем же! – засмеялся Васька.

– Для аппетита, – назидательно поднял вверх палец Потапыч-второй, – а также по традиции и с устатку. Вона, какая дорога была и сколь хлопот. А куда вас носило? – Он снова наполнил стаканчики.

– К соседям ездили. За племенным кабанчиком. Председатель закупил, а то наши-то измельчали. Свежий приплод нужен.

– Это правильно, – согласился Потапыч. – И чо, взяли?

– Но, дак, – важно кивнул Кобылин на будку «москвича». – Сидит милый, ждёт своего часа. Ценнейшая порода – ландрас!

– Это как же? У нас не было, а у них есть? – вскинул брови Потапыч.

– Соседский председатель... да ты ж его знашь! Поездить любит. Всё передовой опыт изучат. Вот где-то и надыбал. Грит, мол, с самой московской выставки выписал. И себе, ну и, понятно, другу своему, нашему Бычаре... – Михалыч осёкся и посмотрел на учителя.

– Всё нормально, Михалыч, – снисходительно сказал Потапыч-второй. – Сергеич – он с понятием... Да и уж слышал небось, что в народе так председателя кличут, когда раздраконит.

Но тему сменил:

– А завидная у кабанчика доля! Кабы меня так – с доставкой к бабам, мол, давай, мужик, займись делом! И чем больше окучишь, тем боле тебе слава и почёт! Ну, чо, за любовь, ли чо ли? – поднял он стаканчик под общий хохот.

Через десяток минут была допита и початая «Стрелецкая».

– Однако пора и домой, – деловито сказал Кобылин, – ещё кабанчика надо сдать.

– Ага, – согласился Потапыч-второй. – Нам с Сергеичем тоже с разгрузкой в школу надо успеть, пока Терентьич домой не укрёбся.

– А чего везёте? – спросил Васька, оглядывая ящики в кузове самосвала.

– Это лингафонный кабинет, – ответил Шишкин, – для занятий иностранными языками.

– Чего-чего? – переспросил Кобылин.

– Лингафонный кабинет. Класс оборудуем: на каждой парте – микрофоны и наушники, а на столе учителя – магнитофон и пульт для прослушивания. Для отработки правильного произношения каждым учеником иностранных слов.

– Серьёзная техника, – покачал головой Кобылин. – Давно пора, а то нашей ребятне с городскими тягаться трудно, особенно по иностранному языку. У нас, почитай, все предметы преподаются урезанно, не то что в городе. Вот и поступи сельское дитя опосля такого обучения в институт.

– Ниче, Михалыч, – хлопнул зоотехника по плечу Писаренко. – Твоя младшая, Люська, вон какая светлая голова – куда хошь поступит! Ладно, мужики, поехали!

Потапыч-второй завернул остатки снеди в газету, сунул сверток вместе с пустыми бутылками в «балетку», очистив тем самым москвичёвский капот. Ветеринарная парочка тем временем уже уселась в кабину. И легковушка резво рванула с места.

– Эва, полетели, как на пожар! – недовольно проводил «шиньон» взглядом Потапыч-второй. – Вот, Сергеич, чего делать не следует. Быстро поедешь – медленнее понесут.

Молодой учитель согласно кивнул, забираясь в кабину грузовика. Когда самосвал тронулся, апельсиновое пятнышко ветеринарного «москвича» уже виднелось далеко впереди, почти у отворота с шоссе в село.

А Потапыч-второй машину не гнал. Он вообще не любил быстрой езды, хотя вполне мог бы посоревноваться на автостраде с иной легковушкой. Знающие водилы не зря прозвали «стотридцатку» королевой дорог или ласточкой. Сейчас же Потапыч и вовсе сбросил скорость: скоротечное возлияние над панорамой родного села заметно ударило Потапычу по мозгам. Шишкин-младший это чувствовал и по себе – тоже, чуть ли моментально, закосел на голодный желудок.

Они с Потапычем из Чмарово выехали ещё затемно. Пока добрались до города, пока получили на складе оборудование лингафонного кабинета, пока загрузились на карьере, – отстояв очередь! – углём для колхозной котельной... Только ящики с лингафонным кабинетом пришлось трижды грузить-разгружать – не сыпать же уголь на них. Ну а потом так в две головы решили: пожужим позже, а двигать обратно надобно шибче, дабы вернуться не в потемках. Шишкин-младший домой-то заскочил на минутку – набил сумку магнитофонными катушками – не помирать же деревенскими вечерами без любимой «попсы» и рока.

В дороге же как-то переголодалось: Потапыч посасывал папироски, а Шишкин – «долгоиграющие» конфетки – мятные леденцы и «барбариски», которые всегда таскал в карманах.

В общем, «приняв на грудь», Потапыч-второй не рисковал: осторожно спустил машину с бугра и неспешно покатыл к селу. Посему с трассы свернули лишь спустя четверть часа после расставания с зоотехником и его помощником.

А надо сказать, что отворот в село – примерно посередине того отрезка шоссе, который огибает Чмарово. Шоссе в село не заходит – бежит с запада на восток, метрах в пятидесяти выше северной окраины. Село – в низине, под сопочной грядой. Это их тут и кличут буграми, потому как сопками назвать язык не поворачивается – не столь круты и высоки. Бугры да бугры и есть. Но спуск от них к селу заметен.

А уж оно – широко и привольно раскинулось по огромной долине. От полноводной реки, правда, далековато, зато уже упомянутое обширное озеро – прямо за околицей. А за ним – тайга. Так и начинается, без каких-либо предисловий. Высоченные сосны заслонили дорогу на юг – это там, в трёх десятках километров от Чмарово, река. Но уже не по долине катит, а разрезает скалы. Ну а дальше уже натуральные сопки, сопки, сопки – в сосняке и кедраче, с непроходимой чащобой багуловых и прочих кустарниковых зарослей.

Потом, через четыре сотни километров, за хребтом-становиком, тайга уйдёт к западу, уступая место степи. Но там уже граница, дальше – Поднебесная со своею Великой стеною и прочими атрибутами.

Однако вернёмся на центральную трассу у Чмарово.

Слева, чуть отступив от шоссе и отворота в село, стоит уже упомянутый в нашем повествовании двухэтажный блочный дом на шестнадцать квартир, к которому примыкает отгороженный забором из бетонных плит мини-городок военных строителей: казарма на роту, стандартная передвижная котельная на мазуте, отапливающая и казарму и шестнадцатиквартирный гараж-ангар с обширным навесом для автотехники, складские помещения. Рядом вознеслась водонапорная башня, больше напоминающая крепостной бастион, – десятиметровая, кирпичная, оштукатуренная, под островерхой крышей, где обустроилась туча голубей, кормящихся в основном с солдатского пищеблока. Котельная – это всеобщее благо: и военных строителей, и колхоза.

А справа, за пустырем, в некоем подобии парка из разросшихся тополей и кустов акации, отделённых от пустыря бело-голубым штакетником, монументально смотрится колхозная гордость – Дом культуры. Два высоких этажа, четыре квадратные колонны на входе, массивные, с помпезной резьбой по дереву двустворчатые двери. По бокам прилегающей к ДК просторной заасфальтированной площади – пара уличных фонарей: бетонные «карандаши» с загнутыми книзу «ложками» светильников – в областном центре точно такими оборудованы все центральные улицы. Только в городе на «карандаши» ещё троллейбусные провода повешены, ну и, понятно, сами «рогатые» по улицам бегают. А здесь рогатые без кавычек – к фонарным столбам подходят, трутся боками. Но это – крайне редко, характерной картиной местного сельского пейзажа не назовёшь. Стадо с выпаса другой дорогой ходит, поэтому лишь наиболее блудячая единица КРС может тут оказаться, случайно, да и то ненадолго: ещё и пару лепешек не уронит, а уже прилетит с хворостиной хозяйка, и – конец коровьему променаду подле центра колхозной культуры.

Отворот с шоссе до этой самой площади перед ДК, как и она, тоже покрыты асфальтом, заканчивающимся подле левого фонарного столба. Здесь дальнейший путь круто поворачивает направо и далее уже разбегается в глубь села – и влево, и прямо, и наискосок, через мостик, к самому центру – к сельсовету и правлению колхоза, к сельскому магазину, который по-прежнему обзывают сельпом, хотя сельское потребительское кооперативное общество уже давно приказало долго жить.

В общем – круто вправо от фонаря и прямо – и вскоре подкатишь к школьному хоздвору, где и требовалось разгрузить лингафонное оборудование.

Но Потапыч-второй и учитель Шишкин до школы не доехали.

– Это чо жа такое? Ты гляди, Сергеич! – Потапыч сбавил скорость до черепашьей. Грузовик буквально подполз к площади перед ДК.

Глазам предстала удручающая картина.

Апельсиновый «москвич» прочно впечтался в бетонный столб, почти наполовину обняв его передним бампером и радиаторной облицовкой. Под вздыбленную и измятую, словно лист бумаги, крышку капота устремил печальный взор зоотехник Кобылин. Неподвижный, как столб, его плечом подпертый. Дверцы будки-«шиньона» распахнуты настежь, демонстрируя пустоту.

Потапыч и Шишкин выскочили из кабины самосвала.

– Михалыч! Ты как? – заорал Потапыч-второй. – Ни хрена поцеловались!

Зоотехник угрюмо взглянул на подбежавших и снова устремил глаза в моторные внутренности «москвича».

– Эх-ма... А такая красота была... – Потапыч сокрушённо обошёл легковушку. – Да как же тебя угораздило? В поворот не вписался?

Кобылин продолжал угрюмо молчать.

– А Васька чего? – тревожно спросил Потапыч.

Кобылин достал из кармана мятую пачку «Примы», выудил из неё сигарету, чиркнул спичкой.

– А чего Васька? Васька – ничего... Тут, паря, ситуация похлеще... – ещё более помрачнев, изрёк, наконец, зоотехник.

– Ну?!

– Чо «ну»? Сам, што ли, не видишь... Кабанчик-то выскочил и – как дунул! – Кобылин повернул голову в сторону ближайшего проулка и безнадежно махнул рукой.

Потапыч-второй, тоже уже раскопегаривший папироску, перекинул её из одного угла рта в другой и, приседая в смехе, хлопнул себя руками по бедрам.

– Но вы дали! И последний целый аппарат кокнули, и кабанчика упустили! Хо-хо-хо!!

– Чо ты ржёшь, мерин! – недовольно произнёс зоотехник. – Ржёт, а не понимает последствий. – Это он уже Шишкину. – Председатель, конечно, за «москвича» меня убьёт, а вот попробуй теперича ещё эту скотину безрогую по деревне отловить. Это же таран – везде пройдёт, и хрен его остановишь, к тому же контуженного... от удара. Замок-то, Сергеич, на задних дверцах хлипкий – то ли от удара распахнулся, то ли его кабан вынес... Да уж... Васька вслед рванул, но, эх-ма... куды там... Скоро уж ночь на дворе...

– Михалыч! – тревожно прохрипел Потапыч-второй. – Кажись, председатель катит...

К месту происшествия, в быстро подступающих сумерках, из центра села летел «уазик». Сверху, от ДК, Потапыч-второй его узрел моментально и тут же «трезво» оценил нарастающую опасность:

– Ты погляди... Уже доложили!.. Слышь, Михалыч, надо бы нам... того... Унюхает нас председатель... Ты... это... – Потапыч-второй бросил последнее зоотехнику уже со своего водительского места, – держись, Михалыч... Бог не выдаст, свинья не съест...

«ЗиЛ» взревел и резво покатил в сторону школы.

– От ведь беда! – прокричал через рев двигателя Потапыч-второй Шишкину. – Ни одной целой машины в колхозе не осталось! И кабана теперь этого лови всем кагалом! Ну... даст председатель прикурить! А чего ты закатываешься, а? – недоумённо уставился он на улыбающегося учителя, бросая на дорогу лишь косые взгляды.

– Да, вот, смешно. «Свинья не съест» говорите, а свинья как раз и бегаёт по селу!

– Не свинья, а кабан! Племенной! Танк врангелевский!! Надо – и затопчет, и сожрёт! – проорал, округляя глаза, Потапыч-второй. – Ба-аль-ша прамблема злодея словить!

– А что, у ваших ветеринаров усыпляющих ампул, которыми в животных стреляют, нет?

– Ты каво, Сергеич, чудишь? Откель они у нас тут? Эх, вы, городские... – Потапыч-второй сокрушённо мотнул головой и ударил по тормозам, от чего Шишкин чуть не стукнулся лбом о ветровое стекло. – Вылазь, приехали! Иди, ищи своего Терентьича, будем ваше добро сгружать.

– А как всё-таки кабанчика-то ловить? – Шишкин спрыгнул с подножки и посмотрел на водителя самосвала через открытую дверцу.

– Загнать в крепкий угол и – сетью! – решительно заявил Потапыч, стучая кулаком по рулевому колесу. – Но это – дело десятое. А вот в селе его надыбать... Да ишшо и неизвестно, в селе ли. А как уж рванул куда?!

– Куда? – эхом повторил Шишкин.

– Да хоть куда! Ладно, ежели обратно к соседям почешет, а ежели на родину? – округлил глаза Потапыч. – Вона, кошки и собаки из любой дали возвращаются, хоть с завязанными глазами их увези, опять же птицы к нам, говорят, из самой Африки летят. И сюды, и обратно. Легулярно, как Аэрофлот! Эх-ма... его бы тока засечь да по-умному загон организовать!..

– Да-а... Сафари! – снова заулыбался Шишкин.

– Чево?!

– Сафари, говорю. Вид охоты такой в Африке.

– Какая охота, Сергеич! – Потапыч вновь посмотрел на учителя, как на недоумка. – Ты, Сергеич, хотя бы представляешь, сколь колхозных рубликов за этого хряка уплочено? Тыщи! Эх, вы, городские, городские... Ничо-о... Ежели не сбежишь обратно к себе в город, – пообтешешься у нас тут... со временем.

Он вылез из кабины, достал очередную папироску.

– Ну, давай-давай, зови Терентьича, а то мы здесь до полной темноты простоим. Мне ж ещё уголь надо ссыпать у котельной. Охотник ты наш африканский...

Шишкин убежал.

– Эх-ма... – тяжело вздохнул Потапыч-второй, смоля папиросой. – Тоска щас Михалычу... Не позавидуешь. Истолкёт его председатель в труху...

Да уж... Вывалившийся из «уазика» Потап Потапович, всем обликом как нельзя более соответствующий в эту минуту своему прозвищу Бычара, покрыл Михалыча многоэтажным матом, завершившимся торжественным и громогласным обещанием украсить злополучный бетонный столб, с которым «поцеловался» Кобылин, мемориальной доской: де, отныне этот столб именуется не иначе, как столб имени алкаша Кобылина С.М. Под новую порцию матов зоотехнику было приказано немедленно начать отлов хряка.

Но вечером облава толком и не организовалась. Кабанчик и впрямь оказался настолько резвым, что Васька Анчуткин его потерял, да и что-то уж больно быстро подкатила ночь.

2

Но с семи часов утра ещё раз простимулированный председательским матом Кобылин и воодушевлённый аналогичными словесными конструкциями, но уже зоотехника, Васька Анчуткин собрал под свои знамёна десяток мужиков.

Вооружённая сетью и рогатинами команда, водрузившись в кузов вездепроходимого «ГАЗ-66», за «баранкой» которого сидел азартный до приключений Серёга Богодухов, зарыскала по селу в поисках хряка.

А он с вечеру зря времени не терял. Огородное раздолье хорошо компенсировало перенесённый в результате ДТП стресс. То из одного двора, то из другого летели истошные бабьи проклятия и собачий лай. Здесь незванный гость «ударил» по сочной свёколке, там – прошёлся по грядкам с рясной морковью, а потом, разнеся заборчик на задах, – изнахратил капустные посадки, помидорные кусты и огуречные плети ещё в пятёрке подворий. И – пропал в наступившей темноте. Затаился, гад, в укромном месте, обнаруживать которое в ночном мраке не имела желания ни одна чмаровская собака. А посему успокоившийся и сытый кабанчик где-то вольготно выпался к утру основных тревог и волнений.

И заявил о себе довольно скоро, но совершенно не там, где его предполагали обнаружить участники «сафари». Довольно похрюкивая, что на слух напоминало перегазовку мотоциклетного двигателя без глушителя, кабан увлечённо вспахивал огромным рылом самый экзотический участок пришкольного огорода – заросли диковинной земляной груши, над которой всё лето с группой энтузиастов-старшекласников тряслась учительница биологии Вера Петровна Бянкина.

«Дети, – торжественно и проникновенно заявила она ещё в тёплые майские дни, – мы начинаем смелый эксперимент в зоне рискованного земледелия, которым, к сожалению, является наш родной край. Но вспомните нашего замечательного земляка, Героя Социалистического Труда товарища Лисичникова. Алексей Георгиевич, о котором я вам рассказывала на уроках, добился в нашем суровом климате небывалых успехов в деле выращивания устойчивых, высоких урожаев такой капризной и теплолюбивой культуры, как кукуруза. Так неужели мы можем уронить марку и славу наших родных землеробов?!»

Юные натуралисты и Вера Петровна, конечно, ничего не уронили, всё лето любовно обихаживали иноземный овощ, неимоверно полезный от корнеплодов до макушки высоченного стебля. В общем, хряк-диверсант наиподлейше ударил в педагогическое и юные сердца.

– Убью! – кричала растрёпанная Вера Петровна, по тревоге вырванная визжащими юннатами из тёплой постели и мигом прилетевшая на пришкольный огород.

– Стоять! Стоять, скотина! Не жрать! Стоять!!!

А кабанчик и не собирался пока давать дёру – сладкий топинамбур шёл за милую душу. Не трюфеля, но мы и не про Францию.

Враз охрипнув, Вера Петровна, с безумными глазами, кинулась домой и сорвала со стены мужнину двустволку и снаряженный патронташ. Но когда, лихорадочно заталкивая на бегу в оба ствола первые попавшиеся патроны, примчалась обратно на пришкольный огород, бандита там уже не было. В сердцах она дулетом разрядила ружьё в чёрные земляные рытвины и, зарыдав, опустилась на траву, тут же превратившись в рекламный плакат к кинофильму «Никто не хотел умирать», потому как и без этой высокой трагедии являла собой настолько прибалтийский женский типаж, что хоть диву давайся. Красивше Вии Артмане!

Про фильм, кстати, опрометчиво брякнул балагуристый Миха Бянкин, пытаясь разрядить ситуацию высокой трагедии (квалифицировать по-другому разор на пришкольном ботаническом участке было невозможно) и предварительно опасливо изъяв у любимой жены оружие.

Мишу включили в состав поисковой команды, как одного из закоренелых охотников и рыбаков, а также как владельца нейлоновой крупноячеистой сети внушительных размеров и якобы японского производства.

Понятно, что «газон» с участниками «сафари» экстренно прикатил к месту первого в это утро кабаньего преступления, имеющего, как читатель понял, большой общественный резонанс, именно на ружейный грохот.

Тут уже и мужские сердца истекли болью – от рыданий не только Веры Петровны, но и ещё полудюжины энтузиасток земледелия старшего и среднего школьного возраста – родных кровиночек мужиков, набившихся в кузов «ГАЗ-66».

– Юмор твой, Михаил, в данном случае неуместен, – сурово сказал Командарм Кобылин. – Зверь сыт и опасен. Им уничтожен драгоценный труд наших близких.

Вера Петровна сквозь слёзы благодарно поглядела на зоотехника, поднялась, отряхивая юбку, и зловеще бросила мужу сорванным голосом:

– Дома поговорим...

Растрёпанная и потерянная, разом постарев на десяток лет, ссутулившись, зашаркала ногами в сторону дома.

– Да ладно! – буркнул, не поднимая кудлатой головы, Миха. Переломив ружьё, выковырнул из стволов разноцветные гильзы. – Вот ведь такие два жакана извела! А чо, мужики, кабы кабанчик-то не сбёг, – завалила бы моя Верка изверга. – Он широко улыбнулся и победно оглядел мужиков в кузове. – Как пить дать, завалила бы! Жаканы-то хорошие были! Сам лил-точил!

– И пришлось бы тебе, Миха, все карманы вывернуть в колхозную кассу! – приговорно бухнул сверху школьный завхоз Лапердин. – Ты хоть знашь, почём хряк колхозу обошёлся? Скажи ему, Михалыч! – стукнул он по крыше кабины «газона».

Но Кобылину было не до того. С подножки-ступицы переднего колеса грузовика он зорко обозревал окрестности.

– Не-а!.. – заржал Миха, обвязываясь патронташем. – Но, так думаю, попервоначалу Михалычу как раз карманы у кассы-то и выворачивать! И за кабанчика, ежели с ним чего, а уж за «шиньон» – верняк!

Мужики в кузове заржали.

– Хорош балаганить! – гаркнул побагровевший Командарм. – И тебе, балабол, хорош тут своими охотничьими причиндалами трясти! Залазь в кузов! Эй, чо там, не видно, куда хряк подался?

Михалыч задрал голову на Серёгу Богодухова, который тоже озирал окрестности, но с крыши кабины грузовика.

– Не, не видать.

– Ладно, не тарбагань. Давай за руль. А ты, Васька, пойдй, глянь у грядок, куда кабан подался. Предполагаю, что к ручью попёр. Столь времени жрать и не пить...

Анчуткин шустро затопал сапогами от машины к размётанным кустам топинамбура.

Мужики в кузове притихли и сверлили спину зоотехника злыми взглядами, совершенно однозначно рассматривая Михалыча как главного виновника всего случившегося – от разбитого «москвичонка» и сбежавшего хряка до своего нынешнего, на посмешище всему селу, автомытарства в поисках беглеца, устраивающего огородные диверсии.

Кобылин обеими лопатками под выдавшей вида телогрейкой ощущал каждый взгляд, понимая, что злые свёрла абсолютно справедливы. И как так вышло, что он, из-за какой-то «набугорной», эдак опростоволосился?! И чего такого он ли рассказывал Ваське или Васька ему в тот момент, когда нет бы привычно крутануть руль вправо, а он, как ехал по прямой, да так в столб и въехал? «Но вот, что любопытно, – подумалось Кобылину, – эдак смачно припечатались к столбу, а не пострадали... Как бы под наркозом... Эт точно! – окончательно уверился он. – В боевых условиях давали же спирт заместо наркозу... С этой стороны алкоголь, конечно, имеет свои плюсы, но, опять же, с другой стороны... Притупил алкоголь работу мозга? Факт – притупил! Ничего не помню... Ехали-ехали и вдруг – бац!.. А как бы не столб, а человек?!»

И сокрушённое сердце Командарма ухнуло в такую ямищу, что у него аж дух перехватило.

Мужики, дырявящие телогрейку Кобылина, вдруг увидели, как он медленно-медленно сполз с колеса «газона», потом, будто споткнувшись, опустился на колени и тут же вовсе ткнулся ничком в землю, широко раскинув руки.

– Эй, Михалыч! – тревожно окликнул зоотехника Бянкин и кинулся к нему, отбросив ружьё. – Ты чо, старый, разлегся? Ты чо?..

Он перевернул Кобылина на спину, увидел посинелые губы.

– Серёга! – страшно заорал Бянкин. – Заводи! Грузим, мужики! Ак-ку-ратно, мать вашу! Яшка, Ванька! Со мной! Серёга, гони в медпункт! По Нагорной улице давай – там меньше трясёт! Держись, Михалыч! Держись...

Участники «сафари» подавленно проводили глазами «газон».

– Вот какова у человека совесть! – припечатал застывшую мужичью ватагу школьный завхоз Иван Терентьевич. – Это как жеж Михалыч сам себя извел из-за случившегося...

Тягостное молчание загустело. Но ненадолго.

– А чево стоим? – прокурорским тоном осведомился завхоз. – Уже, жеж, несём потери, а уничтожитель социалистической собственности продолжает нагло бесчинствовать. Чево стоим, каво ждём?!

– Да погоди ты, перекурить такое дело надо... – сказал кто-то из мужиков со вздохом. – От оно как бывает...

– Но... ничё, – откликнулся другой, – Михалыч мужик крепкий, ничё... Встанет вскорости, оклематца...

– Да это всё Бычара его вчерась довёл! – угрюмо заявил здоровенный, под два метра ростом, Николай Остапчук. – Слышал я вечер, как он его чехвостил... Пришибить грозил... доской каменной... мемориальной...

– Ты язычок-то укороди! – оборвал его Терентьич. – Можеж, по головке погладить надо?! За ущерб хозяйству! Чево стоим?!!

– Что ты, Терентьич, разорался? – сказал друг и приятель школьного завхоза, пилорамщик Семён Куйдин. – Щас машина обратно прикатит и...

– Ты глянь, а!.. – Терентьич хлестанул всю компанию испепеляющим взором. – Моторизованные части вермахта! Бронекопытные войска конно-водолазного назначения! Да мы так неделю будем изверга догонять! Надо одной группой идти по следам, а другой – в обход!

– Куда в обход-то?

– Куда?!

– Раскудахтались! – оборвал завхоз мужиков. – Целеуказание будет такое... – Он строго глянул на подбежавшего от школьных грядок Ваську Анчуткина. – Ну?

– Вот туда кабан подался, вон туда, за Остапчуковский двор, к оврагу! Михалыч! Точно ты сказал, что к воде ринется! Михалыч! А где Михалыч? – недоумённо закрутил головой Васька.

– Где-где... – завхоз соответствующим образом закончил фразу и оглушительно закашлялся, увидев подошедшего на шум-гам Шишкина. Мужики внимательно оглядели молодого учителя и снова перевели взгляды на Ваську, которому в это время излагал подробности случившегося с его наставником Семён Куйдин. Васька заметно побледнел и поник.

– По оврагу вверх, к шоссе, он не пойдёт, – стратегическим тоном сказал завхоз, переключая внимание на себя. – Книзу пойдёт, на зады и огороды Партизанской улицы. У мостков через овраг его перестреть – самое верное! Миколай! – Завхоз, узурпировавший бразды правления поисковой операцией, повернулся к Остапчуку. – Вот вас пятеро, – он решительно отсек ладонью часть «сафаристов», – чешите по следу. Остальные – за мной!

И уже занёс было ногу для решительного шага, но снова крутнулся на месте и посмотрел на учителя Шишкина.

– Ты, Сергеич, с нами?

– Без вопросов! – с готовностью откликнулся Александр, ощущая всеми чреслами и внутренностями неведомый доселе азарт и зуд.

– Добре! Давай!

– Доброе утро! А чего тут у вас случилось?

Мужики снисходительно глянули на только что появившегося второго учителя-новичка. Ашурков приветливо улыбался.

– Ты... это... Саныч... – скривился завхоз. Помедлил и сказал, как отрубил: – Ты в школе нужен! Сергеич, – уже по-свойски кивнул он на Шишкина, – ввечеру важное оборудование привёз. Надо распаковать и установить. А мы уж без тебя как-нибудь. Давай, к директору иди...

– Так всё-таки, что случилось? – смущённо переступил с ноги на ногу молодой учитель. – Если помощь моя нужна, то я...

– А, ну-да... – с сарказмом закивал завхоз, – куды с добром... – И тут же, посуровев взором, добавил: – Давай, иди-иди. Школа – это святое!

И снова оглушительно заорал на мужиков:

– Чево стоим?! Обкурились уже напрочь! Миколай – вперёд! Остальны – за мно-ой!!

Пятеро мужиков ринулись мимо топинамбурных грядок к оврагу, остальные, с Терентьичем во главе, торопливо пошагали к Партизанской.

Шишкин кивнул Ашуркову и пояснил на ходу, поспешая за второй командой:

– Мы вчера лингафонный кабинет привезли. Должна сейчас «англичанка» подойти. Монтировать его в классе надо. Ну, пока!

– Так чего всё-таки...

– Потом, потом, – отмахнулся Шишкин. Недоумённая физиономия коллеги доставила ему даже какое-то злорадное удовольствие. Да и вообще... Уж куда лучше «сафари», чем возня с этим лингафонным кабинетом. Вчерашним вечером, под бдительным взором Терентьича, Шишкин с Потапычем-вторым перетаскали ящики с машины не на склад, а прямо в класс иностранного языка. Терпеливо дождавшийся прибытия ценного груза завхоз сверил перечень

в накладной с фактическим наличием груза и только после этого отпустил Потапыча-второго с его самосвалом и углём, а Шишкину наказал не проспать и быть в школе к девяти часам утра.

– У меня будильник, – только и успел сказать в спину удаляющемуся в ночь завхозу Шишкин.

А утром и будильник не понадобился – ружейный залп грянул с пришкольного участка в восьмом часу утра. Оказывается, встают на селе рано не только доярки, как представлялось Шишкину, но и юные натуралисты, обнаружившие диверсанта в топинамбуре.

Тем временем «сафари» разворачивалось всё активнее.

Первая группа захвата и в самом деле обнаружила в овраге следы кабана. Стратегическое предвидение завхоза Лапердина оказалось точным. Кабан действительно устремился по оврагу вниз, к центру села. Но второй группе преследователей не повезло: хрюка не заинтересовали близлежащие огороды, и он проследовал под мостками на Партизанской улице несколько раньше, чем там появились мужики под командованием школьного завхоза.

Преследовавшая кабана по следам пятёрка Остапчука, грязная до неимоверности, запыхавшаяся, потная и злая, смотрела на завхоза недобро, но стоит ли обращать внимание на такие мелочи. Хуже было то, что из оврага злодей выбрался по песчаному склону, надёжно скрывшему его следы. Далее маршрут беглеца преследователям представлялся крайне смутно: то ли он подался к озеру, то ли к селу, а может, на зады колхозной столовой или в западную часть села. Оставалось ждать, где «скотина безрогая» себя обнаружит.

И новый акт огородного терроризма не заставил себя ждать. Удар был нанесен выверенно и точно: на пути хрюка оказался на редкость ухоженный огород... Лапердиных!

– Все вы, мужики, бестолочи! И ты – главная бестолочь! – рыдая, выговаривала супругу дородная Мария Поликарповна, скорбно застыв у изуродованного цветника с растоптанными махровыми георгинами. Взрытые огуречно-помидорные грядки, казалось, её не занимали вовсе. – С чем твоя родная внучка послезавтра впервые отправится в школу?! Вот с чем?!

– Да вон у тебя какие гладиолусы, не хуже, чем у других!

Мгновенно растерявший при виде рыдающей половины весь командный апломб, вот это, про гладиолусы, Иван Терентьевич, ляпнул опрометчиво.

– Гла-ди-о-у-лу-сы? – нараспев переспросила Мария Поликарповна, оборвав рыдания. – Моя единственная внучка отправится в первый класс, как другие?..

Супруга железного Терентьяча, не проронив больше ни слова, повернулась и скрылась в доме.

В воздухе ощутимо запахло грозой. Нет, не грозой – вселенской катастрофой. Это понимали все «сафаристы». Дело в том, что Мария Поликарповна Лапердина являлась директором того самого, единственного на всё село, магазина смешанной торговли, который по старинке именовали «сельпом». Собственно, в редком селе нет такой торговой точки, зачастую именуемой магазином смешной торговли, ибо ассортимент товаров на магазинных полках год от года скудел (тут мы поднялись до философии такой высоты, которая делает честь даже классикам, – кто же не помнит знаменитое лермонтовское: «Всё это было бы смешно, когда бы не было так грустно»). А в большинстве заведений сельского смешторга и само слово «ассортимент» произносить неловко да и неприлично.

Но Мария Поликарповна умудрялась добывать в райторге то, чего другим её коллегам не удавалось. И с окружным военторгом у неё сложились прочные деловые связи. Мощная «контора» военной торговли, обосновавшаяся в областном центре, регулярно «отстёгивала» торговой точке, обслуживающей крошечный чмаровский гарнизон военных строителей, всякий промтоварно-продовольственный дефицит, которого хватало бы и на дивизию. А как иначе, если речь идёт о строительстве автострады союзного значения? Такая дорога для обороны Родины – это ого-го! Военно-торговые связи Марии Поликарповны позволяли ей прямо с колес получать в своё распоряжение заметную часть армейской бакалеи и промтоваров.

Конечно, Мария Поликарповна всемогущей волшебницей не была. Ларчик открывался просто: колхоз исправно снабжал отборным мясом и аналогичными молочными продуктами, картофелем и овощами столовые многочисленных управлений штаба военного округа, кафе при гостиницах и местных санаториях военного ведомства. Не менее весомой была и доля экологически чистой колхозной продукции в продовольственных наборах для генералитета и старших офицеров окружного штаба. Это вам не горе-поставки из подчиненного тыловой службе военного округа подсобного хозяйства, именуемого в обиходе военхозом. Чего сравнивать-то! Кто-то разве сравнивает изделие мастера индпошива с товаром ширпотреба? То-то и оно. В военхозе, уж извините, двор проходной, а в «Заре XXII-го партсъезда» сам председатель Потап Потапович Непомнящих поставки военным на контроле держит! Понимать надо!

Действуя примерно по той же схеме и с не меньшим успехом, Мария Поликарповна ежемесячно посещала ещё одну торговую базу в областном центре. А занималась эта база снабжением приписанных к столице нашей Родины геологоразведочных партий, интенсивно работающих на областных просторах в основном по изысканию и оценке залежей стратегического сырья, обеспечивающего ядерный паритет двух мировых держав. Родина, естественно, ничего не жалела для разведчиков недр, потому как разведчики показывали заметный результат. И с базы снабжения геологов, через соответствующий магазин в недалече – каких-то шестьдесят кмэ! – расположенном от Чмарово поселке ГРП (геолого-разведочной партии), тоже тёк в «сельпо» полноводный ручей. А ещё... Впрочем, большинство дефицитных товаров до смешторговского прилавка не доходило. До подсобки магазинчика – да, а до прилавка – нет. Но все были довольны.

Однако наш заплыв по местной торговой реке с её притоками неоправданно затянулся. Вернемся к мужикам, с ужасом уставившимся на захлопнувшуюся за спиной Марии Поликарповны дверь. И вспомним великого А.С. Пушкина, создавшего нетленный образ «владычицы морской». Именно ею была для сильной половины чмаровского населения Мария Поликарповна Лапердина. Когда бы всё упиралось в механизмы распределения швейно-галантерейного дефицита и прочих архиважных с бабской точки зрения штучек-дрючек – это было бы полбеды. Выносящую мозг бабу и послать не грех. Но директор «сельпо» – именно и персонально Мария Поликарповна! – определяла ассортимент и объём вино-водочных изделий в местной торговой сети. Можно было хоть под венец вести продавщицу Любку или её сменщицу Ленку, но если бы Мария Поликарповна решила, что родное село – зона трезвости, значит, так тому и быть. Кстати, к описываемому времени Указ Президиума Верховного Совета СССР об усилении борьбы с пьянством и алкоголизмом ещё никто не отменил. Однако Мария Поликарповна с пониманием относилась к надеждам и чаяниям чмаровцев.

Полки сельмага ломались от спиртного. Но так могло показаться лишь на первый взгляд. Причем на взгляд так называемого интеллигентного горожанина. Когда такой, извините, ценитель благородных напитков появлялся у местного прилавка, он, мягко выражаясь, чумел.

Красивый частокол из бутылок сухих, полусухих и полусладких вин болгарского, венгерского и прочего разлива радовал глаз разноцветьем этикеток. Молдавский «Белый аист» соседствовал с трёх- и пятизвездочными собратьями грузинских и азербайджанских коньяков, подпёртых пузатыми графинчиками бренди «Слыньчев бряг», опять же из братской Болгарии; 0,75-литровыми емкостями кубинского рома и то ли египетского, то ли алжирского напитка загадочного состава с таким же загадочным названием «Абу-Симбел».

Нередко в продаже появлялись сладкие и тягучие вьетнамские ликеры потрясающего оранжевого колера с пронзительным мандариновым запахом. Но мандариновый ликер, изготовленный героическими вьетнамскими братьями, наконец-то успешно победившими (понятно, с чьей помощью!) американских агрессоров, не застаивался на магазинной полке. Он пользовался неизменным успехом у чмаровских дам, игнорировавших море разлитое виноградных вин стран СЭВ.

Полное равнодушие высказывали виноградному морю и мужики. Как и сладкому ликеру. Сильную половину чмаровского человечества интересовали изделия исключительно отечественных производителей «белого» и «красного» вина. Под первую категорию подпадала водка, ко второй относился более широкий спектр напитков – в диапазоне от плодово-выгодного «Солнцедара» в увесистых, «противотанковых» бутылках емкостью 0,8 литра, благородного «Агдама» или другого портвейна, незамысловато носящего на этикетке цифровые обозначения типа «333» или «777», и до семейства горьких настоек сорокоградусной или несколько меньшей кондиции – «Стрелецкой», «Петровской», «Полынной», «Степной», «Зверобоя» и др. Но никто не убедит нормального мужика, что эти настойки, несмотря на их градус, – та же водка. Водка, как уже было сказано, это «белое вино», а не «красное».

Исключение делалось лишь для «Старки», но этот напиток с прямой надписью на этикетке «Старая водка» единодушно относили к элитным, рядом с ним зазорно ставить какой-то там коньяк – барское городское баловство. «Старка» – это для особых случаев. Для особого шика.

Неизменным и непреходящим успехом на селе пользовалась водка «Русская» в обыкновенной зелёного стекла поллитровке. Конечно, при отсутствии оной мужикам приходилось брать и «Столичную», и «Пшеничную», и недавно появившуюся «Экстру», но их вид, в вытянутых прозрачных бутылках, настораживал. А потребление «Русской» создавало умиротворение с налетом лёгкой ностальгии по неизвестно куда пропавшей «Московской особой».

Так вот. Как городской посетитель сельского магазина чумел от ассортимента виноградных вин на полках «сельпо», так и сельчанин в городе просто обалдевал при виде водочных бутылок, за которыми никто не ломился, сметая подчистую. Да и много в городе водки – не смести! Указ указом, а государственная винная монополия – это вам не хухры-мухры. Э-э-эх... Чмаровские мужики, как и остальной советский народ, ещё и не подозревали, чего им в недалёком будущем приготовили первый секретарь Ставропольского обкома КПСС и его собрат из Томска. Пока же городской народ, ишь, то болгарский «Рислинг» клянчит у продавщицы, то «Варну», то ещё какую-то «мочу молодого поросёнка», как точно подметил однажды в широком мужском кругу балагур Миха Бянкин.

– Сюды бы их, городских, к нам. Имя при нашем сельпе хорошо бы проживалось. А нас – туда, в город!

– Ага, – отвечали Михе. – С месячишко погужеванили бы. Они – тут, мы – там. А вот что потом жрали бы все? Городские – не пахать, не сеять, ни за скотом ходить... Да и мы в городе – на корове седло...

И вопрос о целесообразности миграции сельского населения в город, и наоборот, как-то очень быстро с очередной повестки дня снимался.

А водочный вопрос – оставался. Потому как с водкой на прилавке чмаровского «сельпо» царила постоянная напряжённость. Как и с ассортиментом «красного» вина. И не потому, что местный сильный пол тяготел к беспощадному потреблению водочно-портвейной продукции. Не трезвенники, но и не чрезмерно – вот так, знаете ли, походя. Нет. Как Пугачева поёт? Вот-вот: «...Так же, как все, как все, как все...» Хотя, а будь в магазине водки – залейся? Кто его знает...

В общем, председатель колхоза, он же царь и бог, так и приказал Марии Поликарповне: ог-ра-ни-чить! Всё хорошо в меру, особенно в страду. А когда на селе нет страды? Разве что зимой чуток. Да и то – условно. Зимой и в лесу на деляне работа кипит, и на свином комплексе, и в телятниках, и в МТМ.

Понятно, что председательский приказ завмаг Лапердина в основном соблюдала. Выручку на спиртном делать, конечно, сплошное удовольствие, но лишиться своего торгового поста Мария Поликарповна не хотела. Управление стекающими к ней ручейками дефицита стало смыслом жизни, той активной жизненной позицией, через которую Мария Поликар-

повна ощущала себя личностью, передовым строителем светлого коммунистического завтра, по крайней мере, для собственной внучки, а также благодетельницей для всех односельчан. Злые языки талдычили про «владычицу морскую», но что с них взять... на каждый роток не накинешь платок. Приятельницам Мария Поликарповна «доставала» финские сапоги и румынские мохеровые кофты, женихающиеся отпрыски её приятельниц могли заполучить японские куртки-«алюски», а мужики – «белое» и «красное». При надлежащем подходе и уважительности.

Кабан-диверсант растоптал Марии Поликарповне праздник. Её любимые георгины, предназначенные для внучки-первоклассницы. Нетрудно было спрогнозировать последствия этого циничного акта зверского вандализма. Акт состоялся – и это был факт. А факт имел место быть по той причине, что именно чмаровские мужики не смогли пресечь в зародыше разгул мерзкого животного по селу. О какой уважительности тогда речь?!

Надо ли дальше распространяться о санкциях, которые могла применить к мужской части населения «владычица морская»?

– Живого или мёртвого... – прохрипел Терентьич, как наиболее приближенный к эпицентру вселенской катастрофы. – Любой ценой...

И без промедления не дожидаясь остальных, ринулся по следам хряка, уходящими на соседний огород.

3

...Смутное расплывчатое пятно – так забрезжил свет в глазах Семёна Михайловича Кобылина. Постепенно пятно трансформировалось в квадратное, грубой лепки, прокаленное на солнце и ветрах, лицо председателя колхоза Потапа Потаповича. Лицо было столь наполнено неподдельным сочувствием и жалостью, совершенно и никогда ему несвойственными, что Семён Михайлович понял: кранты!

Вот как не страшно, оказывается, умереть. И подтверждается то, о чём он, Семён Михайлович, размышлял лишь в минуты самого интимного откровения души: загробный мир существует и делится на ад и рай.

А ещё понял Кобылин, что чаша, наполненная его земными грехами, на весах Высшего правосудия перевесила чашу свершённых им доброполезных дел, и отныне гореть ему в аду нескончаемо. Кабы лики ангелов небесных над ним склонились... Вон как оно, в преисподней-то: не только чаны со смолой, а и Вечный Укор за содеянное!

– Ну, слава тебе! А то всех напугал, японский городской! – прогудел иерихонской трубой председатель, расплываясь щедрой улыбкой, которой боялись даже чмаровские волкодавы. Это для непосвящённых председателева улыбчивость нечто приятное, а уж Семён Михайлович, как и другие члены правления, ведал, что за ней последует, ежели за тобой хотя бы сушая безделица-огрех числится.

Тут же, из-за левого председательского уса, в поле зрения Семёна Михайловича появилось заплаканное до опухлости лицо Нины Степановны, законной супруги, что ещё больше уверило Семёна Михайловича в точности его нынешнего местопребывания.

– Сёма-а, родненький... Слава тебе, Господи!..

«Ишь, Бога, за то что в ад меня спровадил, благодарит... – со спокойной, отстранённой горечью подумал Кобылин. – А я её, почитай, тридцатку лет терпел... Хотя, вообще-то... Ничего баба была, а местами и временами – та ещё коза...».

Одновременно в голове вяло шевельнулось недоумение: откель в загробном аду супружница? До чего же всё-таки бабы пронырливый народ! Да сядь ты на кухне, подпрись рукой, поголоси – чай, не чужой человек преставился. Да и то, долго не голоси. Опосля наголосишься,

кады все похоронные дела обустроишь. Куды с добром! Первым делом сюды пропихнуться надо – удостовериться, что благоверный точно по адресу прибыл...

– Улыбается! Улыбается! – раздался знакомый голос, и, теперь уже над кругляшом лица супруги, возникла довольная физиономия Мишки Бянкина.

Это тоже вызвало у Кобылина некоторое недоумение, потому как одновременно оказаться в адском месте он и Бянкин – ну никак не могли! К тому же Бянкин в выцветшем солдатском бушлате выглядел старожилом этих мест, хотя был моложе его, Семёна Михайловича, почти на два десятка лет. Но он, Кобылин, ещё не выжил из ума и точно помнил, что розовощёкий толстомордый Мишка только что подкалывал его у «газона». Ну не могли же они враз окочуриться и одновременно поступить сюда с того, земного света! И, тем более, раньше его Мишка не помер, это уж точно.

Семён Михайлович напряг мозги и стал восстанавливать события. Стало быть, зараз, на школьном огороде... «А-а-ах! – пронзила страшная мысль. – Кабан!!! Кабан...»

Семён Михайлович с тоской и скорбью сосредоточил взгляд на лице председателя колхоза. От оно как... Хряк и Потапыча сгубил... Но это-то понятно: груз ответственности за дела огромного хозяйства раздавил председателя. А что напрямик в ад – да кто ж бы сомневался! Хотя, по-человечьи, жаль. Руководитель сурьезный, большая потеря для областного народного хозяйства, особливо в аграрном секторе... «Вот одна, самая страшная адова мука: будет теперича председатель ходить за мной здесь неотступно и – куды там в глаза! – в душу смотреть, выворачивая её наизнанку!..»

Семён Михайлович медленно опустил веки, из-под которых тут же показались и скатились по побледневшим щекам крупные слёзы.

– Анжелика Фёдоровна! Анжелика Фёдоровна! Скорее!! – хором гаркнули над головой, от чего Кобылин невольно вздрогнул всем телом. – Скорее, доктор! Припадок у сердешного! Слезой заливается и судорога бьёт!!

«Жив! Жив!! Жив!!! – мгновенно выскочил из умственной прострации Кобылин. – Вот, дурак, нагресил! И чего только фантазия не навертит!..»

Он радостно распахнул глаза и с ещё большей радостью убедился, что прав: теперь перед глазами маячило сосредоточенное личико фельдшерицы-красавицы Анжелики Фёдоровны Заиграевой, внимательно уставившейся на кончик иглы вертикально вздетого шприца.

– Н-не надо... – прохрипел Кобылин.

– Надо, больной! – отрезала Анжелика Фёдоровна.

И тут же Кобылин почувствовал, как кто-то зажал его руку, туго перехватил выше локтя. И как игла вошла в вену почувствовал.

– Ну, вот и ладненько, – через мгновение проговорила молодая фельдшерица.

И снова перед глазами возникло лицо супруги.

– Как ты, Сёмочка?

– Жи-во-ой... – уже более членораздельно отозвался Кобылин. – А ты чего удумала? Не дождёсья...

– Напугал ты нас, Михалыч, – откуда-то сбоку вновь раздался голос Бянкина.

Но в поле зрения снова возник квадратный лик председателя колхоза. И снова с несвойственным ему выражением виноватости, что бросало в такую панику – какие там укольчики!

– Ты уж извиняй, Семён Михайлович... Вчерась, конечно, я малость погорячился... Но и ты меня пойми... Извиняй, друже...

– Да что вы, Потап Потапович, – благодарно прошептал Кобылин, – как не понять... Виноват по всем статьям...

– Не думай, не думай об этом! – с тревожной, пугающей пуще улыбки волнительностью мгновенно откликнулся председатель. – Всё нормально, Михалыч, всё поправимо. Главное – ты поправляйся!

– Кабан... Что с кабаном? – вновь расклеил губы Кобылин.

– Вот, ить, как человек за дело болеет, – выдохнул Потапыч-главный.

– Попрошу посторонних оставить больного в покое! – прозвучал решительный голос Анжелики Фёдоровны. – И вас, Нина Степановна, это тоже касается!

– Сёмочка! Я скоро приду! – Лицо супруги выдвинулось сбоку, наполненное лаской, участливостью и улыбкою. – Твоих любимых пирожков с капусточкой, с яичком настряпаю – это я мигом! И вернусь, Сёмочка!.. Может, ты ещё чего хочешь? Картошечки тебе с лучком жареным натолочь? Тюфтелек понаделать? Ага? Я скоро приду, Сёмочка, скоро!..

– Ну? Полегчало? – Снова белый потолок заслонила ослепительная Анжелика, внимательно вглядываясь в лицо Кобылина.

– Ага, – немного подумав и послушав организм, ответил Кобылин. Глубоко вздохнуть, – а этого очень хотелось, – он пока не решался, боясь ощутить ту боль, которая пронзила его на школьном огороде.

Но даже чувствуя некую разбитость внутри себя, ломоту в руках и ногах, не мог не заметить значительную часть загорелых, чуть поддрагивающих и, видимо, шелковисто-гладких на ощупь полушарий, которым было так тесно в узком белом халатике фельдшерицы. Вот и две верхних пуговицы расстегнуты у Анжелки – распирает девку красота, м-да уж... И Семён Михайлович таки глубоко вздохнул. Боль не пронзила!

– Да не... Нормально... – Он сделал попытку подняться.

– Лежать! – властно прикрикнула фельдшерица и тут же ласково попросила: – Поспите, Семён Михайлович, поспите. Вам сейчас не надо резких движений, да и вообще никаких. Поспите. Я вот вам и укольчик сделала...

Она удалилась, а Кобылин наконец-то повернул голову и с наслаждением окончательно убедился, что действительно пребывает в помещении фельдшерско-акушерского пункта родного села, а не в каких-то потусторонних мирах. И тут же почувствовал, что и вправду не прочь закемарить...

Тем временем «сафари» продолжалось.

Вся боевая ватага, впереди которой резво шкандыбал Иван Терентьевич Лапердин, ломилась сквозь лопухи, лебеду и крапиву по вполне различимому кабаньему следу, который вдоль череды заборов повёл преследователей на западную оконечность села.

Уже порядком запыхавшись и вопреку, поисковая команда уткнулась в кривую изгородь на задах подворья бабки Сидорихи.

Изгородь была условной – больше дыр, чем чёрного от времени трухлявого горбыля. Не лучшую картину представлял и Сидорихин огород – торжествующее буйство сорняков.

Хозяйство Сидорихи на улочке крайнее, далее – берёзовый колок и поле.

Мужики зорко оглядели округу. Бурьян во дворе Сидорихи мог скрыть и мамонта. А колок и поле просматривались хорошо. Вроде там никого.

– Точно нет? – переспросил Терентьич наблюдателя – Семёна Куйдина, забравшегося на слежалую за много лет кучу мусора и прижавшего к глазам поцарапанный бинокль, по-видимому, отбитый ещё красными партизанами у японских интервентов или казачков-семёновцев. А может, и наоборот.

– Никак нет! – проорал в ответ Куйдин.

– Что никак нет? Ты по-русски можешь сказать? Хряка нет или не точно?

– Говорю же – нет! Никого там нет! Хотя... Нет! Точно – нет!

– У кого глаза позорче? – вскипел Терентьич. – Заберите у этого слепешарого оптику, доложите в точности! Простого дела жеж доверить нельзя!..

– А вот это, Иван Терентьевич, не его следы? – спросил учитель Шишкин, по-чингачгу-ковски присев у забора и раздвинув лопухи.

– Он! – вскричал завхоз. – Проник, скотина, на объект! Окружай, ребята!

– А чем накроем? – раскуривая сигарку и не двигаясь с места, спросил Куйдин. – Сеть-то в кузове уехала.

Завхоз, кряхтя, тоже забрался на кучу, отобрал у Куйдина бинокль и стал медленно обследовать через оптику двор Сидорихи. Следы пребывания хряка обнаружили, а вот сама бандитская персона не просматривалась. Кабан рьяно изрыл помойную кучу за уборной, попытался, судя по оставленным метинам, устроить подкоп под ветхозаветный и трухлявый тепляк.

А вот куда устремился далее – пока сообразить было трудно.

– Чево надобно, изверги?! – издаля завопила сама бабка Сидориха, выскочившая к тому времени из избы и занявшая прямо-таки оборонительную позицию – с граблями в руках – около тепляка, над тонкой асбестоцементной трубой которого вился лёгкий дымок. – Сначала злыдня напустили, а теперича всем гамузом навалились! Геть от мово двора, вахламоны!

Терентьич замер и бдительно, широко раздувая крылья носа, повёл им из стороны в сторону, одновременно вздевая нюхательный орган кверху.

– А чо это у тебя за варево варится, почтенная? – подозрительно осведомился Лапердин, слез с мусорной кучи, шагнул через сгнившую прожилину изгороди и сделал пару шажков к тепляку.

– Стой где стоишь! – грозно тряхнула граблями бабка Сидориха. – Калагана приставучая! Ворвалси ентервентом на мою территорию и ишо допрос тут учинять вздумал! Белье прокипичиваю! А чево – можа, и это власти запретили? Кому сказано – геть с мово двора! Повертывайте оглобли туды, откудова заявились! Кому сказала!! Ишь, кака ватага, на чужинку охочая, сколотилася... Геть отсея, оглоеды!

– Терентьич! – обрадованно закричал кто-то из мужиков, обладавший, по всей видимости, более острым, чем завхоз, обонянием. – От оно...

– Чево? – с непоняткой обернулся завхоз к оруну.

Но тот, получив враз от Куйдина ощутимый тычок в бок, тему не развил – закашлялся усердно, как давече сам Терентьич на школьном огороде.

– Всё нормально, Терентьич, – лицо Семёна выразило максимальную озабоченность. – Поспешать бы надо, а то чего ещё этот урод по селу натворит...

– Это точно!

– Че мы тут примёрзли!

– Вперёд, мужики!

– Но-о, поспешать надобно, поспешать...

– Сле-е-ед!!! – истошный вопль Васьки Анчуткина стал решающим.

Терентьич, поначалу подозрительно воспринявший резкий прилив поискового энтузиазма, тут же вернулся к осознанию конечной цели и общественной правоты призывов к активизации поисковых мероприятий и, уже не обращая внимания на Сидорихины грабли и проклятия, как и на запашок из тепляка, ринулся мимо бабки к калитке на улицу. Довольные мужики побежали следом, улыбаясь Сидорихе, а чуть приотставший Куйдин вполголоса бросил ей напоследок:

– Цени, старая, заботу!

– Дык, уже оценила, милоч! – расплылась щербатым ртом Сидориха, опуская грабли. – Заглядывай... – Последнее прошамкала шёпотом, зорко сверля глазами подпрыгивающую уже за калиткой спину Терентьича.

А группа захвата четвероногого террориста, миновав двор бабки Сидорихи, заметно приободрилась, чего в раже сыска и погони не замечал лишь Терентьич. И напрасно. Вездесущий и пронырливый, он в данном случае, памятуя о раздавленных в его собственном дворе георгинах и последствиях одного лично для него, абсолютно сосредоточился на розыске хряка. Следовало, ой, как следовало бы хорошенько принюхаться к сладковатому дымку, весело курящемуся из тепляка бабки Сидорихи!

Однако как рогатый муж последним узнает об измене собственной супруги, так и Терентич – и в мыслях не держал, что именно бабка Сидориха и есть тот таинственный конкурент его Поликарповны, о котором доселе ходили только смутные слухи, – настолько была поставлена конспирация! Сидориха, конечно, с государственной винной монополией тягаться на равных не могла, но... Периодически появляющийся из-под полы первачок вполне конкурировал на селе с казённой «беленькой», не застаивающейся на полках «сельпо». И успешно восполнял то и дело возникающий дефицит. А ныне и вовсе выглядел лучом прожектора в тёмном царстве всемогущей Марии Поликарповны. Теперь её потенциальная угроза «отмстить неразумным хазарам» – незадачливым ловцам кабана – за потоптанное последним цветочное счастье для единственной внучки, мужикам катастрофой уже не представлялась. Теперь каждый в поисковой ватаге точно знал, куда, по мере необходимости – страждая! – следует направлять стопы.

Одновременно разом поблэк и господствовавший до сих пор вождизм самого Терентича: народ воочию узрел мгновенную смекалистость, проявленную около Сидорихиногo тепляка-винокурни Семёном Куйдиным.

Отлегло и у бабки Сидорихи, потому как ежели бы завхоз Лапердин унюхал самогонный процесс или хотя бы дотумкал своей башкой, чего тут, на бабкиной помойке и подле тепляка, неуловимый кабан столь активно орудовал... Конечно, привлеченный сладким запахом барды, незаурядный кругляш свинской хари не мог не взрыть помоечный отвал у бабки Сидорихи. А как бы барду учуял Лапердин? Бабка Сидориха нисколько не сомневалась, что до конца реализованная бдительность школьного завхоза сулила бы ей только одно: незамедлительное появление местного участкового Василия Николаевича Недорезова собственной персоной. Со всеми вытекающими из этого наипоганейшими для неё, Сидорихи, последствиями.

...Ещё часа два продолжались безрезультатные поиски беглеца и огородного разбойника. Справедливости ради следует заметить, что нового ущерба где-либо он не учинил. Наверное, поэтому дальнейшие поиски результата и не давали, хотя розыскная ватага снова разделилась на более мелкие группы, одна из которых опять моторизировалась, взгромоздясь в кузов вернувшегося «ГАЗ-66». Экстренной информации об очередном огородном варварстве не поступало, и порядком притомившиеся мужики затребовали обеда и передыха.

И второе известие, озвученное вернувшимся Мишкой Бянкиным, тоже расслабило – о Михалыче. Что ожил, без видимых осложнений.

– Лежит пока у Анжелки. Уколы, капельницы. Председатель самолично прискакал, ажно слезу пустил...

– Наш Бычара-а? – недоверчиво переспросил кто-то из мужиков.

– Ци-и-рк... – протянул другой. – Заливашь ты, Миха!

– Вот те крест! Я сам охренел! – неумело перекрестился Бянкин. – Но – факт!

– Главное – Михалыч! – веско подытожил Куйдин и решительно скомандовал, окончательно перехватив бразды командования у Терентича: – Так, мужики... Час на обед. И продолжим. Надо эту скотину безрогую выловить!.. И так уже полдня на все село позорище разводим. В общем, через час у столовки.

Куйдин посмотрел на Шишкина.

– Поехали со мной, учитель, пообедаем у моей Натальи.

– Да нет, спасибо, – заотказывался неловко Александр.

– «Спасибой» сыт не будешь, – назидательно произнёс Куйдин. – Да я тебя не на званный обед зазываю. Моя Наталья в колхозной столовке кашеварит. Мы там этим, как его, комплексным обедом подзаправимся – делов-то.

– ...Это ж какая хитроумная тварь! Ума, Сергеич, не приложу, куда эта скотина упорола! – резво орудуя ложкой в тарелке с борщом, недоумевал Семен Куйдин. – Интересный народ кабаны – с виду увалень увальнем, а шугани – чешет, быдто бы курьерский поезд!

– Но порода ценная, – степенно кивнул Александр.

Вчера вечером, под впечатлением от случившегося, полистал Большой энциклопедический словарь. Этот огромный и увесистый том он привёз из дома. Очень полезная книга. Кратко обо всём. Вот и сейчас сведения к месту, чего бы ни блеснуть эрудицией.

– Выведена в Дании, хотя получена путём скрещивания английской белой свиньи и наших, отечественных, распространённых в России и на Украине.

– От так завсегда, – хмыкнул Куйдин. – Иноземцы наше взяли, подшаманили малость и нам же всучили. Сами-то мы не могём, ли чо ли? Как, говоришь, этих хрюкалок кличут?

– Ландрас. Поросята за сто восемьдесят дней до сотни килограммов набирают.

– Ишь ты, – с пониманием кивнул Куйдин. – А что у них кабанчики-то?

– Производитель под триста кило, может в длину двух метров достигать, а свиноматки помельче, но дают приплод в десять-двенадцать поросят.

– Ага, значит-ца, наш злодей в три центнера будет! Силища!

– И очень неприхотлив к погодным условиям.

– Вот! – Куйдин поднял кверху ложку. – Стало быть, нажрётся и моёт дрыхнуть где угодно. Да-а... боль головная ещё та! Вепрь!

– Ну что, крокодил не ловится, не растёт кокос? – Из кухни вышла и подседа за стол супруга Семёна, Наталья – заведующая и главная повариха колхозной столовой. Худенькая, остроносая, черноглазая и крайне рассудительная женщина, имеющая ещё массу положительных достоинств и совершенно не соответствующая своим внешним обликом и духовным содержанием общепринятому образу работника общепита. Семён, как с удивлением отметил Александр, много старше жены, но она на него смотрит снисходительно, да и выглядит куда мудрее.

Наталья с любопытством, не торопясь, подперев персиковую щеку левым кулачком, взглядом изучила Шишкина, отчего у него пропал аппетит. Она это заметила.

– Как вам наше тут? Уж извиняйте, по-простому, без разносолов.

– Да что вы, – поспешил заверить Шишкин, – прекрасный обед, почти по-домашнему.

Наталья с плохо скрытым сожалением посмотрела на молодого учителя, – мол, горазд ты, парень, сказки сказывать, – и перевела глаза на чавкающего супруга.

– Так ты, Сёма, говоришь, последний раз кабанчик у Сидорихи засветился?

Семён испуганно огляделся по сторонам:

– Тс-с, мать... Я ж тебе по секрету, зная твою неболтливость... Просочатся сведенья – меня мужики со свету сживут!

– Мужики – не знаю, но если ты туда нырять заноровишь...

– Да ты чо, мать?!

Семён клятвенно прижал ладонь с ломтём хлеба к груди.

– Вот, самым святым, Наталья... Ты ж меня знаешь! По праздникам да и то в меру. И вообще – тоже знашь – винца сладкого стакашок – это куда ни шло, а белую-то я... Ну а уж за самогоном к Сидорихе...

– Сидориха, Сидориха!.. Сколько мы здесь, в Чмарове, живём, никак в толк не возьму, почему Ефимью Сидоровну Сидорихой кличут, – недоумённо пожалла плечами Наталья. – Она же по фамилии – Емельянова, а Емельянихой никто не зовёт...

– Так у нас Емельянихой бабу Женю кликают, – отозвался Семён.

– Ну, не знаю, – недоверчиво посмотрела на мужа Наталья, – всегда баба Женя до баба Женя...

– Это потому так, што она в школьной столовке работает. Как ребятне её ещё называть? Не орать же: Емельяниха! Чай, все школяры ей во внучата годятся. Ну одинакова у них с Сидорихой фамилия, и чо? Никаки оне не родня.

– Ефимья Сидоровна – это звучит чинно, благородно, уважительно, – задумчиво проговорила Наталья, – а Сидориха – под стать её подпольному промыслу...

В столовку с громким смехом ввалилась четвёрка парней.

- Хозяйки! Чем потчевать будете?
- Нам бы в темпе вальса, торопимся!
- А для аппетита чего у вас имеется?

Весёлая компания – из мимо проезжающих. Колхозная столовая, собственно, на такую публику и ориентирована. На трассе, летящей мимо села, хоть на восток, хоть на запад кати полторы сотни верст – никакой харчевни больше не встретишь. Живая копейка в колхозную кассу!

Наталья убежала на кухню, оживилась за импровизированной стойкой-прилавком смешливая пышечка-симпатюлечка Наденька Богодухова, буфетчица и кассирша по совместительству.

А Семен Куйдин и Шишкин-младший продолжили поглощать обед, разглядывая балагуривших с Наденькой проезжих.

Они и вправду не засиделись – быстро прикончили тефтели с картофельным пюре, хлопнув на троих бутылку портвейна, – водки в столовой отродясь не водилось, – и вскоре за окном взревел мотор «уазика».

– Вот такие вы, мужики, и есть! – проводила глазами через окно автомобиль Наденька. – Хлебнёте винища стакан – и посыпались комплименты!

– Но уж прямо, – возразил разомлевший от обильной еды Семён. – Да мы для вас всегда сокровенное слово найдём и на трезву голову. Вон, хоть Наталью мою спрости...

– Ага, Наталью... Да она иной раз за день и по работе-то рот не раскроет, а уж про ваши семейные тайны...

Наденька засмеялась, хитро прищурившись.

– Ты, Семён, сам, что ли, не видел, как эта компания только что? Изулыбались все трое, а этот, что расплачивался, так мне и конфетку из кармана достал! – Наденька презрительно покрутила в пальцах карамельку и бросила её в вазочку с похожими на витрине. – А вот, четвёртый – шофёр-то ихний, портвейна не пил и – сыч сычом, как будто меня тут и нет.

Это Наденька сказала с такой обидой, что Семён даже подивился.

– Ты, Надежда, уж как-то совершенно близко к сердцу принимаешь такую чепуху, – неуверенно сказал он, – чего тебе они. Поели, выручку тебе дали и укатили. Можя, вообще у нас тут больше никогда не появятся. Да и кто такие...

– Кто такие – не знаю, и знать не хочу! – вскинула носик Наденька. – Но вы, мужики, одним миром мазаны! Две руки, две ноги, а посередине сволочь! Вечно, как шары зальёте, – к бабам вас тянет! И желательно – к чужим!

Наденьку можно было понять. Уже дважды её семейная жизнь не получалась, хотя, если в том и была какая-то вина с её стороны, то, без сомнения, минимальная. Это Семён знал точно, потому как его Наталья Наденьку всегда жалела и относилась к ней с большим участием, как и к её двум ребятишкам – уже девятикласснику Ваньке и шестилетней кнопочке Иринке, – наглядным последствием обоих несложившихся браков.

Наденька была приятна на вид, добра душой и доверчива – вот это её и губило. Особенно доверчивость. Да и вообще, незлобивой женщиной была старшая сестра Серёги Богодухова, нескладеня, крутившего баранку «ГАЗ-шестьдесят шестого», на котором сегодня в поисках кабана мужики вдоль и поперёк исколесили всё село.

– У Надюхи только один недостаток, – проследив взгляд молодого учителя, улыбнулся Куйдин, допивая компот. – Всем и во всё верит. Потому и обжигатца... Кабы ещё на ус мотала, так усов не имеет! Хорошо бы, конечно, ещё язычок ей покороче, а то, прям, наше главное сарафанное радио. Самой же себе и во вред. Ляпнет чего бабам про свои беды простодырно – а те и готовы её же косточки мыть-перемывать. Э-э-эх... Не-е, Надюха – это сама доверчивость и есть...

Куйдин, видимо, посчитал, что молодой учитель разглядывает аппетитную бабёнку за стойкой с чисто мужским интересом. Но он ошибался. Наденькино злое высказывание – наверное, подумалось Александру, характерное для неё, – Куйдин пропустил мимо ушей. А вот Шишкин – нет. Прямо-таки по мозгам резануло: «...Как шары зальёте, – к бабам вас тянет...»

Будь Шишкин-младший знаменитым английским учёным Ньютоном, о котором он помнил с давней школьной поры, или известным ему с того же времени Архимедом, то, наверное, он, Александр, выкрикнул бы сейчас что-то типа «Yes-s-s!!!» или «Эврика!!!». Хотя Шишкин подозревал, что Архимед выкрикнул не одно это слово, в переводе с греческого «Нашёл!», а два: «Эй! Ври-ка!» И не при открытии им основного закона гидростатики, а в застолье. В ванне-то он один сидел, свидетелей нет, а вот когда кто-то из собутыльников ляпнул нечто антинаучное – тут Архимед и не сдержался. А если он таки крикнул: «Нашёл!», то ещё неизвестно, по какому поводу. Может, как Муха-Цокотуха – шёл-шёл и денежку нашёл. Потом, естественно, пошёл на базар, прикупил еды и питья, созвал гостей... Если уж у мухи на подобное ума хватило, то великому Архимеду сами боги велели. Что же касается основного закона гидростатики, то тут, скорее всего, всё случилось банальнее. В какой-то научно-популярной книжонке Шишкин-младший вычитал рассказ о том, как сиракузский тиран царь Гиерон, с которым Архимед состоял в близком родстве, попросил учёного определить, из чистого золота ему, Гиерону, сделал корону придворный ювелир или подмешал, бестия, в сплав изрядно серебра. Так вот, удельный вес золота был известен, а для решения задачи ещё требовалось точно определить объём короны. А как? Форму корона имела сложную – не шар, не куб, не цилиндр. И так и эдак крутил её Архимед. Даже отмыл в лохани до блеска. А руки дрожали... (Вот как раз, может быть, после того застолья! Или от груза ответственности – сам тиран попросил! А как разгневается?) Ну и бухнулась тяжёлая корона обратно в лохань – вода через край! Вот тут-то Архимед и призадумался. Замерил объём воды в лохани, вытащил корону и снова замерил объём воды. И снова корону – в лохань. А вода – на первоначальную отметку! «Эврика!» Логично? А то сочиняют про серьёзного мужика всякую дрянь: увидел, де, купаясь, как из ванны вытекает вода, да в объёме, видите ли, равном объёму его тела, и выскочил на улицу со знаменитым возгласом. Мылся дяденька просто, а не опыты научные ставил. Если о чём и думал в этот момент, так о личной гигиене. В общем, либо с короной опыты ставил, либо вруна собутыльника останавливал, либо вообще никакой фразы не кричал...

В который раз Шишкин-младший подивился, куда может завести в размышлениях его дурацкая привычка припоминать что-то «по поводу». Речь-то не о Ньюtone с Архимедом, а о реплике Наденьки-буфетчицы! Он расплатился за обед, улыбнулся Наденьке и вышел на улицу.

4

Куйдин уже всю дымил на столовском крылечке.

– Семён... э-э... извините... по бабушке? – смущённо поинтересовался Александр.

– Макаром батю кликали...

– Семён Макарович, вот что я подумал... Разбойник-то наш, получается, чего последнего налопался?

– Сам видал – барды он нажрался на помойке у бабки Сидорихи!

– А что есть такое барда? – в голове Александра всё больше и больше светлело от внезапной догадки. – Это же отходы самогонного производства, так?

– Ну, так. И чо?! – Куйдин лениво покрутил головой, выглядывая «боевую машину десанта» – «ГАЗ-66» с командой «охотников».

– И как вы точно подметили за столом, нажрался и где-то спит.

– И чо? – Куйдин уставился на Александра.

– Но он же не сразу заснул, так? Иначе бы у двора Сидорихи валялся.

- И чо?! – уже вскричал Семён.
- Погодите, Семён Макарович, погодите... Будем логически последовательны, как Шерлок Холмс.
- А-а... Знаком герой. Читал! – кивнул, успокаиваясь, Куйдин. И уже глянул на молодого учителя с откровенной усмешкой.
- Хряк, стало быть, наш и эта, как её...
- Дедукция.
- Ага, точно! Ну ты и хватил, учитель! Уж не обижайся, но тут у тебя горе от ума. Свинья и Шерлок Холмс! Губят вас, городских, науки...
- Нет, Семён Макарович, нет. Вот, скажите мне лучше, о чём всегда начинают балагурить мужики, как поддадут? Ну, чаще всего?
- О работе, конечно.
- Вот только о работе? – с прищуром улыбнулся Александр. – Ладно. Поставим вопрос иначе. А куда тянет подвыпившего мужика?
- Хм... Ну... Вот я завсегда домой...
- Ну вы домой, а другие тоже все по домам?
- Куйдин замялся с ответом, подозрительно оглядел Александра.
- Да чо ты всё меня пыташь?! Куда тянет, куда тянет... Ещё за одной бутылкой сбегать, к примеру, тянет. Почём я знаю!..
- Знаете, Семён Макарович, знаете! По бабам мужиков тянет! Вы, конечно, об этом не подозревали?! – засмеялся Александр.
- А коли знашь – чего пыташь?! – обиженно отвернулся Куйдин.
- Да не пытаю я! Просто хочу, чтобы вы всю цепочку рассуждений представили.
- Чью?
- Нашего ландрасского вепря!
- Каво? – Куйдин посмотрел на Шишкина даже с какой-то жалостью, как смотрят на юродивых.
- Ну вы же сами нашего злодейского кабанчика вепрем обозвали! Вепрь породы ландрас!
- А-а-а...
- Так вот! Наш вепрь – он ведь тоже мужик. И мужик, который во хмелю!
- Погоди-ка, погоди-ка... – Куйдин с долей восхищения вперился в Александра. – Так ты хочешь сказать, что пьяный хряк пошёл... по бабам?!
- Именно!
- Ха-ха-ха! – оглушительный смех потряс крылечко. – Ты каво моя чудись! У-у-учитель! Ха-ха-ха! – Куйдин уже не смеялся, а откровенно ржал, потешаясь над Александром.
- Ни ха-ха, а давай-те проверим! – разозлился Александр. – Это хоть какая-то версия, чем по всей деревне рыскать! И начать предлагаю с ближайших к Сидорихи дворов... Хотя... Если бы он в чей-то двор сунулся, уже бы шуму было! А шума нет. Сейчас, понятно, он где-то спит. А до того, как его сморило, куда позвал его голос плоти? Кстати, а где свинокомплекс располагается?
- Куйдин внезапно оборвал смех и посмотрел на красного от злости молодого учителя серьёзно и вдумчиво. Казалось, сейчас он изречёт что-то типа: «Вы абсолютно правы, дружище Ватсон, мы имеем дело не с какой-то бесполой особью, а с матерым самцом, к тому же разгорячённым парами алкоголя!» – «О, дорогой Холмс! Я не устаю удивляться вашей гениальности и вашему дедуктивному методу! Так вы полагаете, что алкоголь окончательно превратил разбойника...»
- ...в сексуального маньяка?

– Что? Сексуального маньяка? Вы про что? – раздался за спиной у Александра женский голос. Шишкин и не заметил, что хвост последней своей фразы произнёс вслух и был услышан появившейся на крыльце супругой старшего товарища.

– Скажите, у вас тут телефон есть? – быстро спросил Александр, которому не терпелось проверить свою догадку.

– Есть, у Надежды, на стойке.

– Семён Макарович! – вскричал Шишкин. – Звони! Машину надо! Нельзя медлить! Когда этот хлюст протрезвеет, тогда хрен его знает, куда он нацелится. Звони скорее!!

Перепуганная воплем Шишкина Наталья нырнула обратно в столовую.

– Да-да-да! – дошло, наконец, и до Куйдина. – Самый настоящий маньяк! Конечно, свиноккомплекс! Он же от Сидорихи – рукой подать! И ветер оттудова, почитай, навсегда... Запахи-то родные, от свиноматок!

Куйдин кинулся в обеденный зал. Вошедший следом Александр увидел, как Семён Макарович уже яростно накручивает перед носиками перепуганных Натальи и Наденьки эбонитовый диск телефона.

– Серёга! – яростно заорал в трубку Куйдин. – Дуй скорее сюда! Куды-куды! К столовке колхозной! Что? Да сколько можно жрать! Маньяка упустим! Гони, говорю, а не вопросы задавай... мать твою!..

Куйдин был страшен. Женщины на всякий случай переместились за стойку-прилавок.

– Серёга! Время не терпит! Я вас у столовой жду!.. Пулей!!!

Куйдин бухнул трубку на аппарат и, тяжело дыша, опустился на стул, закрывая от возбуждения глаза. Но тут же вскочил и выбежал на улицу. Шишкин вышел следом. И лишь сейчас сообразил, что женщины в столовой вряд ли что поняли, кроме крика о маньяке.

Александр стоял на крыльце и чуть ли не трясся от беззвучного смеха.

Он представил вполне возможный, в силу только что произведённого Куйдиным эмоционального взрыва, радиус разлёта «осколков». И полетят эти слухи-осколки с помощью Наденьки далеко-далёко, по всему селу. Но самым смешным во всём этом будет, если «вепрь» действительно обнаружится на подступах к свиноккомплексу. Выступит тогда миленькая Наденька в роли катализатора двойного назначения. И разгадку, считай, подсказала, и кошмарный слух о маньяке по селу запустит. А ведь запустит! Вот такой компот!

А Наденька и вправду уже кричала в трубку подружке, секретарю сельсовета:

– Таньча-а! Таньча! Ты где?

– Ты что, Надька, чокнулась? Ну где я могу быть, если ты мне в сельсовет звонишь? Что орёшь-то? Что у тебя случилось?

– Пока ничего, но может! И не только у меня!!

– Да не ори ты так! Скажи толком.

– Таньча! У нас в селе маньяк бродит! Половой бандит!!

– О-о... Ну я знаю, подруга, что ты на выдумки горазда, а это что-то новенькое!

– Дура ты, Таньча! Вон Семён Куйдин при мне мужиков на поимку поднял!

– Сама ты дура! Мужики с утра кабанчика ловят, который вчера из машины у Командарма нашего сбёг!

– Да знаю я про кабанчика! Не о кабанчике речь. Говорю же тебе, маньяк! Сексуальный!

– Господи... Надька... Да откуда ему у нас взяться? Не майся дурью!

– А вот откуда... – Наденька страшно округлила глаза и, прикрывая губы и микрофон телефонной трубки ладошкой, зашептала:

– Давеча на обед подъехали проезжие какие-то. Портвейн пили. Так один мне конфеты всё совал, а глаза... Таньча-а!.. Завлекающие зыркалки-то! Он ими всю меня общупал, гад!

– Ой, Надька! Да приглянулась, скорее всего, ты ему, раз конфетами угощать взялся! – рассмеялась на том конце провода Татьяна Остапчук.

– Ты поче такая! – обозлилась уже Наденька. – Кабы чего доброго, а то суёт карамельку замурзанную, а сам по мне липким взглядищем шарит и шарит, шарит и шарит! Это вот и наши мужики заметили!

– Какие наши мужики?

– Так я ж тебе и говорю! Как раз тут тоже сидели-обедали Натальин Семён с соседом твоим, учителем-то молоденьким. Так они сразу всполошились, как только эти проезжие из столовой-то подались!

– А как они узнали, что маньяк? Что, на нём написано, что ли, было? – насмешливо спросила Татьяна.

– Да что ж ты за дура-то! – Наденька уже не прикрывала трубку ладошкой, а звонко кричала в мембрану. – Его среди этих учитель, сосед твой, признал! Видимо, в городе его видел! Конечно! А где же ещё! Этот маньяк в городе, значит, уже попадался! И о нём писали! Или эти, как его, объявления с фотками милиция расклеивала! Вот учитель его и узнал!..

– А куда эти проезжие подались? – уже обеспокоенно спросила Татьяна.

– На узике они были! Вот так ездят по сёлам и деревням и маньячествуют! Ой, Таньча!..

– Чего ещё? – в голосе подруги уже звучал набат тревоги.

– А этих маньяков-то – четверо! Ма-моч-ки!.. Таньча! А твои-то где?

– Как где? Дома... А Колька со всеми с утра кабанчика ловит...

– Звони ребягн! Пусть на все запоры запрутся! Давай! А я своих предупрежу! Да и ты там баб оповести!

Продолжать прослушивать местную телефонную линию смысла нет, и Основной закон нашего государства это запрещает. Но классик, как всегда, был прав. Хотя и писал по другому поводу: «Слух обо мне пройдёт по всей Руси великой...» Разве мог предполагать мгновенно «засвеченный» в Чмарово призрак-маньяк, какой от этого пойдёт слух, в смысле звон-перезвон телефонный? Бабская паника, конечно, вскоре сдуется до следующего раза, но кто во всей этой истории останется крайним?

Правильно! Учитель Шишкин. Ведь это он «опознал» маньяка. А Наденька Богодухова и вовсе ни при делах. А как она или Татьяна Остапчук должны были себя вести при такой жутком известии, когда и у той, и у другой по паре ребятешек, а? Тем более что реальные защитники бедных чмаровских женщин в эти драматические минуты были поголовно отвлечены на борьбу с проклятым ландрасским вепрем. «Сафари» продолжалось.

...Дедуктивный метод, по совершенно абстрактно-отвлечённой «наводке» Наденьки Богодуховой и благодаря незаурядным умственным способностям Шишкина-младшего, сработал как швейцарский будильник.

Хряк был обнаружен сладко посапывающим на самых ближних подступах к колхозному свинокомплексу. Хмельная барда свалила мужика в нескольких десятках метров от забора «женского общежития».

– Серёга! Глуши мотор! Всем стоять! – шёпотом раздавал команды Семён Куйдин. – Миколай, Миха, Егорыч, Прокопыч! Разворачивайте сеть, заходите по-тихому, окружайте! Васька!

Куйдин устремил глаза на помощника зоотехника.

– Ты – вперёд, на разведку! Хряка ты у нас один в лицо знашь. Подкрадись, опознай, а то как не он...

– Да он это, он! – затряс головой Анчуткин, но как-то неуверенно.

– Василий! Не зли народ! – зло зашипел Куйдин. – Упускать вы мастера, а как до дела – в кусты?! Ползи на разведку!

Анчуткин и вправду бухнулся, распластался на земле и пополз к сопящему хряку, подрагивая задницей. Метрах в трёх от туши опасно приподнял голову, долго вглядывался в кабана, потом оборотился лицом к мужикам и обрадованно кивнул.

Тут же вся мужичья команда, крепко вцепившись в бянкинскую нейлоновую сеть, стараясь не топотить сапожищами, принялась окружать вальяжно завалившегося на бок «вепря». А тот дрых во всю сопатку. Накрыли злодея – даже не шевельнулся, славно, видать, барды-то у Сидориhi подъял.

«Вепря» потихоньку принялись волочить к машине. Волочить было неудобно. Сетка то и дело цеплялась за неровности почвы.

– Мужики! – жалобно обратился к группе захвата Бянкин. – Сетка-то новая. Можя, как-то по-другому его запакуем? Щас в кузов запикивать начнёте – вааще ошмётки от сетки останутся! Чинить опосля не перечинить...

– У меня крепкая верёвка в кабине есть, – сказал Серёга Богодухов. – Буксирная! Свяжем этому паразиту руки-ноги...

– Руки-ноги! – передразнил Серёгу завхоз Терентьич, очень страдающий от потери своей первоначальной командирской функции. – Четырёхкопытный это зверь, четырёхкопытный! Тащи верёвку!

Связывание прошло удачно. Кабан вздрагивал, но дрых по-прежнему.

Серёга выволок из кабины ещё и здоровый, метра два на два, брезент, хранившийся рулоном за сиденьями. Связанного кабана перетащили на брезентуху и подволокли к откинутому заднему борту «газона». Тут уж всем пришлось покряхтеть. В ландрасском чудище и впрямь где-то под три центнера ощущалось.

– Ото завтра разгулятца! – съязвил кто-то, когда все уже уселись в кузове и машина, переваливаясь на колдобинах, медленно покатила с пустыря к сельской окраине. К свинокомплексу напрямую от лежбища «вепря» дороги не было, ехать надобно было вкругаля, боковой улицей.

Напрямки рванул лишь радостный Терентьич, заявивший, что побежал известить, чтобы к приёмке подготовились.

– Как же! – бухнул ему вслед Миха. – Щас всем объявит, что самолично захватил! И председателю кинется докладать, как под евошним началом всё сладилось. Небось уже названивает... Вот же до командирства и славы жадный!

– Да ладно, пушай... Ему тоже не сладко. Кабы Поликарповна за георгины ещё подушкой не удушила, – сказал Куйдин. – А вот вы, мужики, учитесь!

Он вздел узловатый палец и уважительно поглядел на учителя Шишкина.

– Не зря народ гутарит, что ученье свет! Как наш-то педагог с дедукцией злодея нашёл? – От то-то и оно!

Мужики тоже одобрительно глянули на Александра.

Шишкин-младший, буквально всеми фибрами души почувствовавший себя своим среди сельчан, не преминул отозваться:

– Правильную породу выбрал председатель. Самый здоровый приплод у свиней породы ландрас как раз получается, если их скрещивать с третьей породой, а не сводить с себе подобными или с той английской белой, с которой всё и началось в Дании...

Но мужики прослушали эту ценную информацию крайне невнимательно, потому как внимали Михе Бянкину, крайне довольному, что его сеть осталась цела и невредима.

– Слышь, Семён, – толкал Миха локтём Куйдина. – Само время отметить, что злодей изловлен и понесёт заслуженную кару...

– Ага! – тут же встрял кто-то из мужиков. – В гарем на перевоспитание везём!

Громовой гогот огласил окрестности, поднимая с берёзового колка за домом Сидориhi эскадрилью ворон.

Демократично забравшийся в кузов вместе со всеми Куйдин недовольно глянул на Миху.

– Чо, отлегчило от задницы?

Народ в кузове притих, сумрачно дымя разнокалиберным табачком, включая внушительный крупный калибр – набитые ядрёным самосадом «козьи ноги» (называть эти газетно-табачные сооружения «ножками» Шишкину-младшему и в голову не пришло).

«Газон» выбрался, наконец, на дорогу.

Бянкин опять встрепенулся.

– Мужики... Можя, к Сидорихе заглянем? После таких трудов праведных, – он ткнул носком сапога посапывающего хряка, – само то...

Куйдин вздохнул, повернулся и бухнул кулаком по крыше кабины:

– Серёга! Тормоза!..

В общем, прогулялся Семён Куйдин к Сидорихе во двор, пошущукался со старухой у тепляка и вскоре, сопя, залез обратно в кузов. Из-за пазухи у Куйдина торчала пара шампанских бутылок, заткнутых туго свёрнутыми газетными кляпами.

Мужики благополучно сгрузили спящего хряка на свинокомплексе, передали управляющему и – покатали к колхозной столовке, где разрешился и вопрос с закусью – под бдительным доглядом Натальи Куйдиной. Собственно, долго и не засиделись: Сидорихин «презент» в два приёма ушёл под котлеты с гречкой.

Понятно, что Семён самогон – ни-ни, как и Александр. Тому хватило и запаха. Даже представить было трудно, как такое можно пить. А мужики – хоть бы хны! Правда, если не принюхиваться, то на внешний вид Сидорихино пойло выглядело пристойно – прозрачная жидкость.

Александр хмыкнул: интересно, почему в фильмах, где дело доходит до самогона, обычно в его роли выступает некая мутная субстанция? И, кстати, почти всегда ею наполнены не бутылки, а внушительная четверть, взгромождённая посреде стола. Хотя, нет, тут он неправ. В «Самогонщиках», у Бывалого, Балбеса и Труса, самогон прозрачный...

Куйдин и Шишкин-младший, конечно, совершенно от коллектива не оторвались – выпили по стакану портвейна. А когда ватага «сафаристов» отбыла по домам, выпили ещё по чуть-чуть с Натальей и Наденькой, дабы развеять женские страхи о маньяке. Посмеялись над случившейся днём телефонной «непоняткой». Наденька смеялась больше всех, уже забыв о поднятой ею по селу волне. Куйдин нахваливал молодого учителя за его сообразительность в обнаружении «вепря», Александр – Куйдина, за его умелые и решительные действия в ходе «сафари». В общем, в итоге все расстались довольные друг другом.

В таком приподнятом настроении Шишкин-младший толкнул свою щелястую калитку и поднялся на крыльцо.

– А вы у нас – молодец! – раздалось с соседнего. На ступеньках, прямо-таки с неизменным тазом у бедра, с высокой чалмой из полотенца на голове, стояла, улыбаясь, соседка Татьяна. – Коля мне рассказал, как эту вредину ловили и что только вы догадались, где чёртов хряк прячется. Как это вы его вычислили?

Польщенный Александр чуть вскинул руки.

– Только догадка, Татьяна Сергеевна, чисто интуитивно!

– Ой, чуть не забыла! Александр Сергеевич, давайте с вами так условимся. По субботам у нас банный день. Я сначала ребятишек купаю и сама, а потом уж наш глава семейства душу отводит. Наказал вам передать, чтобы вы без стеснения. Коля-то с уехавшим агрономом всегда на пару подпускали пару! – Соседка рассмеялась в полный голос от собственного каламбура.

– Спасибо! – засмеялся и Александр.

– Вот и славно! И не стесняйтесь, по-соседски.

Татьяна скрылась в доме.

– Да вы прямо нарасхват! – раздалось теперь с другой стороны.

Поверх председательского забора торчала голова другой Татьяны.

- Добрый вечер! – Александр шутивно-церемонно наклонил голову.
- Добрый! – отозвалась Татьяна-вторая и поудобнее облокотилась на забор, что предвещало более длительное общение, чем лаконичное «здрасьте-здрасьте».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.